

Московский гуманитарный университет

РУССКИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КЛУБ

Стенограммы заседаний и другие материалы

Книга пятая

Под научной редакцией

доктора философских наук, профессора

И. М. Ильинского

Перспективы мирового коммунизма

Перспективы мирового либерализма

Александр Зиновьев: судьба и образ гения

Москва

Социум

2006

ББК 87.3(2)6

Р89

УДК 101.1:316

Издание подготовлено к публикации в Институте гуманитарных исследований Московского гуманитарного университета.

Русский интеллектуальный клуб: Стенограммы заседаний и другие материалы. Кн. 5 /Под науч. ред. И. М. Ильинского. — М.: Социум, 2006. — ... с.

ISBN 5-85085-977-2

Издание включает стенограммы заседаний Русского интеллектуального клуба, проведенных в 2004–2005 гг. по темам: «Перспективы мирового коммунизма», «Перспективы мирового либерализма», «Александр Зиновьев: судьба и образ гения». В заседаниях приняли участие видные ученые, политические и общественные деятели, эксперты по обсуждавшимся актуальным проблемам.

Для исследователей проблем современного общества, преподавателей, студентов, аспирантов вузов.

ISBN 5-85085-977-2

© Московский гуманитарный университет, 2006

28 октября
2004 года,
Московский
гуманитарный университет

Одиннадцатое
заседание

Тема: «Перспективы мирового коммунизма»

Присутствуют:

Члены Русского интеллектуального клуба:

Зиновьев Александр Александрович — президент РИК, доктор философских наук, профессор.

Ильинский Игорь Михайлович — вице-президент РИК, доктор философских наук, профессор, ректор Московской гуманитарно-социальной академии.

Михайлов Игорь Алексеевич — вице-президент РИК, политический обозреватель «Голоса России», политолог, публицист.

Болдырев Юрий Юрьевич — государственный деятель.

Журавлев Юрий Иванович — академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор, академик РАЕН, член Испанской королевской академии, директор Института кибернетики РАН.

Серебрянников Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, заместитель руководителя Центра социологии национальной безопасности Института социально-политических исследований РАН РФ.

Фурсов Андрей Ильич — кандидат исторических наук, директор Института русской истории Российского государственного гуманитарного университета, заведующий отделом Азии и Африки ИНИОН РАН.

Шершнев Леонид Иванович — президент Фонда национальной и международной безопасности, главный редактор журнала «Безопасность», эксперт Государственной Думы и Совета Федерации РФ по безопасности, генерал-майор запаса.

Эксперты по теме обсуждения:

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович — академик РАН, заместитель директора Института философии РАН.

Долженко Олег Владимирович — доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Alma mater».

Ковалев Александр Митрофанович — доктор философских наук, профессор, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Кожемяко Виктор Стефанович — журналист (газета «Правда»).

Межуев Вадим Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН, профессор МосГУ.

Митрошенков Олег Александрович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором Социологического центра РАГС.

Портяков Владимир Яковлевич — доктор экономических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, руководитель Центра исследований и прогнозирования российско-китайских отношений.

Славин Борис Федорович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии Московского педагогического государственного университета.

Согрин Владимир Викторович — доктор исторических наук, главный редактор журнала «Общественные науки и современность».

Солодухин Юрий Николаевич — кандидат философских наук, помощник члена Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации.

Шендрик Анатолий Иванович — доктор социологических наук, профессор, секретарь ЦК ВКПБ, заведующий кафедрой культурологии МосГУ.

Улас Владимир Дмитриевич — секретарь ЦК КПРФ, первый секретарь Московского горкома КПРФ.

Стенограмма заседания

А. А. Зиновьев

Уважаемые коллеги, разрешите объявить открытым заседание Русского интеллектуального клуба.

Повестка дня:

Прием новых членов в состав Русского интеллектуального клуба.

Обсуждение темы «Перспективы мирового коммунизма».

Предполагается несколько предварительных сообщений, вокруг которых будет проходить дискуссия:

«Советский вклад в социальный прогресс человечества» — А. А. Зиновьев, д.ф.н., профессор, президент Русского интеллектуального клуба.

«Русский коммунизм и вызовы XXI века» — В. Д. Улас, секретарь ЦК КПРФ, первый секретарь Московского горкома КПРФ.

«Коммунистическая идея: шанс на будущее» — В. М. Межуев, д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, профессор МосГУ.

Вопросы для обсуждения:

- Домарксистские, марксистские, постмарксистские коммунистические идеи — их существо и логика развития.
- Причины кризиса и краха советского коммунизма.
- Китайский коммунизм — столбовая дорога в завтра?
- Будущее коммунистической идеологии и практики.
- Разное.

Первый пункт повестки дня — «Прием новых членов в Русский интеллектуальный клуб».

Луков Валерий Андреевич. Справка у всех членов Клуба есть. Какие будут по этому поводу суждений? Нет возражений? Нет.

Будем считать принятым.

Луков Владимир Андреевич. Нет возражений? Нет. Будем считать принятым.

Катульский Евгений Данилович. Нет возражений? Нет. Будем считать принятым.

Межуев Вадим Михайлович. Нет возражений? Нет. Будем считать принятым.

Переходим к основной части нашего заседания. Предполагается три доклада и затем выступления.

Регламент: для доклада — 20 минут, для выступления — 10 минут. Просьба придерживаться регламента.

Предполагается публикация материалов заседания. В печатном виде размер особо не регламентируется.

В повестке дня первым стоит мой доклад. Несколько слов в порядке вступления, а порядок докладчиков позвольте несколько изменить.

Почему возникла такая тема в качестве темы заседания нашего Клуба? Что я думаю в качестве обоснования важности такой темы? По моему глубочайшему убеждению, коммунизм был самым значительным явлением, как в идеологической сфере, так и в практике социальной эволюции человечества в XX столетии. Хотя он потерпел жестокое поражение в конце столетия, тем не менее, вычеркивать его из памяти человечества и из числа практически действующих компонентов социальной эволюции человечества, как это стремятся сделать его победители, враги и современные мародеры, пока еще рано. Более того, он оказал настолько мощное влияние на весь процесс эволюции человечества, что вычеркнуть его из памяти и реальной жизни человечества теперь в

принципе невозможно. XX век с точки зрения социальной эволюции с полным правом можно назвать коммунистическим. Коммунизм вошел в плоть и кровь человечества настолько глубоко, что сыгранная им в XX столетии роль будет так или иначе ощущаться во все последующие века, кто бы и как бы ни старался предать ее забвению и истребить следы влияния коммунизма из практической жизни людей.

Называя наступившую эпоху постиндустриальной, тем самым отдают должное эпохе индустриальной. Ее не считают тем самым неиндустриальной. Нечто подобное имеет место и в отношении коммунизма. Называя наступившую эпоху посткоммунистической, а это делается сейчас систематически, тем самым признают предшествующую эпоху как коммунистическую. И признают, что коммунизм в том или ином виде сохраняется в наступившем посткоммунизме. Так что этот грандиозный социальный феномен заслуживает внимания как предмет научного исследования. Хотя бы что-то сделать в этом направлении стоит уже потому, что публично признанная и более или менее широко распространенная теория реального коммунизма так и не была создана за все годы советской истории, а после разгрома советского коммунизма началась беспрецедентная фальсификация всего, что было с ним связано.

В интеллектуальной истории человечества трудно назвать эпоху, которая была бы хоть в малой степени сравнима с наступившим, по интеллектуальному кретинизму и моральной подлости, что можно сейчас наблюдать по отношению к коммунизму.

Я прошу не истолковывать мои слова как призыв к апологетике коммунизма. Апологетом коммунизма я не был никогда, не являюсь и теперь. Я с юности был апологетом истины о коммунизме и противником его фальсификации, от кого бы она ни исходила, какие бы формы ни принимала, какими бы интересами ни мотивировалась. На этой позиции я стою и теперь. Одним из принципов является следующее.

Истина не есть оправдание. В советскую коммунистическую эпоху

совершались многочисленные преступления, как и во всякую другую. По моим измерениям, их было не больше, чем в другие великие эпохи. Но шума по их поводу, разоблачений было и теперь производится неизмеримо больше, чем по поводу преступлений в другие эпохи. И научная оценка эпохи должна производиться не по совершенным в ней преступлениям, а по тому вкладу, который она внесла в социальный прогресс человечества. Вклад советской эпохи с этой точки зрения грандиозен. Он остался непонятым и объективно не оцененным на научном уровне до сих пор. Об этом вкладе я буду говорить в моем докладе, а сейчас, после такого предварительного заявления, заявления с целью ориентации внимания участников сегодняшней встречи, хочу предоставить слово для доклада В. М. Межуеву.

Подготовиться В. Д. Уласу.

В. М. Межуев

Я не политик и потому не буду много говорить о судьбе коммунистического движения в современном мире. На мой взгляд, коммунизм как политическое движение в наше время практически сходит с политической сцены. Призрак коммунизма, о котором когда-то писали Маркс и Энгельс, как бы растаял в воздухе, испарился. Если он и бродит сегодня, то не в Европе, а на окраинах мира и то в виде каких-то маргинальных сект, экстремистских движений, радикальных группировок, не имеющих общемирового значения. Нет никакого международного союза коммунистов. Коминтерн давно распался. Партии, называющие себя коммунистическими, еще существуют, в том числе и у нас, но я не уверен, что они — коммунистические по своей идеологии. Они, конечно, как-то откликаются на злобу дня, но ни одна из них, как мне кажется, уже не выступает под коммунистическими лозунгами. Никто не строит сегодня коммунизм ни во всем мире, ни в отдельной стране. Если я не прав, пусть меня убедят в обратном.

Значит ли это, что и коммунистическая идея ушла в прошлое, что ей сегодня ничего не соответствует в действительности? Вот об этом я и хотел бы поговорить в первую очередь. В чем смысл этой идеи, есть ли у нее шанс возродиться, в каком качестве она может существовать в наши дни? Когда я встречаю человека, который называет себя коммунистом или искренне верит в то, что является таковым, я всегда задаю ему один вопрос: а что вы называете коммунизмом, что это такое для вас? Только не надо агитировать за советскую власть, Ленина, Сталина, Октябрьскую революцию. Верность им еще не объясняет, что такое коммунизм. Мы долгое время строили коммунизм, боролись за него, но знаем ли мы, что это такое? Можем ли мы представить, как он выглядит на самом деле?

Ответы, которые я получал, можно было бы свести к двум основным. Первый, наиболее наивный, соответствует представлению о коммунизме в массовом сознании. Он сводится к следующему: коммунизм — это когда не будет денег, все станет бесплатным, а жить можно будет по принципу — бери, что хочешь. Короче, коммунизм — это общество всеобщего изобилия и достатка. Говорят, однажды знаменитой актрисе Малого театра Яблочкиной задали вопрос: как вы представляете себе коммунизм? Она ответила примерно так: коммунизм — это когда не будет очередей, все можно будет купить, в магазинах будет много товаров, ну в общем как это было при бабушке-царе.

Образованные люди дают, конечно, более квалифицированные ответы, приближающиеся к тому, чему их учили в школе или в институте на занятиях по марксизму-ленинизму. Коммунизм — это общество, в котором общественно развитые производительные силы перейдут во владение и управление коллективно ассоциированных производителей, в результате чего будет ликвидирована частная собственность, а вместе с ней эксплуатация наемного труда. С изменением формы собственности изменится и система распределения доходов. Если при капитализме доходы распределяются по собственности, то есть по тому, кто чем

владеет (у кого ничего нет, тот получает по стоимости своей рабочей силы), то при коммунизме каждый будет получать сначала по труду, а затем и по потребностям. Чтобы так получать, и необходимо передать средства производства в коллективную собственность трудящихся. Ответ, действительно, максимально приближенный к тому, о чем писалось в наших учебниках. Только при этом не замечали, что такой коммунизм, во всяком случае, в сфере потребления, давно построен, но не у нас, а на Западе, хотя называется он там иначе — обществом всеобщего благосостояния. Если называть коммунизмом общество с более или менее высоким уровнем потребления, доступным для большинства населения, то оно уже существует в развитых странах мира. Достигни мы при советской власти уровня жизни этих стран, у нас, наверное, объявили бы о переходе к реальному коммунизму.

Наша вековая бедность заставляла измерять степень нашей близости к коммунизму уровнем достигнутого потребления. Коммунизм в часто голодавшей стране стал воплощением мечты о жизни в сытости и достатке. В идее коммунизма, как мне кажется, ни мы, ни наши коммунистические вожди не видели главного. У Ленина о коммунизме вообще сказано мало: практически он о нем не писал. Последняя попытка как-то ответить на этот вопрос, как ни странно, была сделана Сталиным, написавшим «Экономические проблемы социализма». Может, кто помнит эту работу. Там он что-то крутил вокруг двух форм собственности, которые должны слиться в одну — общенародную, в результате чего товарообмен сменится на продуктообмен. Хрущев пообещал коммунизм к 80-му году, понимая под этим, видимо, то время, когда мы обгоним Америку по молоку и мясу. Что касается Брежнева, который, по его собственному признанию, не прочитал у Маркса ни строчки, то при нем о коммунизме вообще перестали говорить как о какой-то серьезной проблеме. Были другие проблемы. Надо было оборону крепить, собирать урожаи, повышать производительность труда, укреплять мир во всем мире. Не до коммунизма

было. Но как только коммунистическая власть перестала задумываться о смысле идеи, которая привела ее к власти, начался ее интеллектуальный распад.

А что сам Маркс понимал под коммунизмом? С ним не обязательно во всем соглашаться, но знать об этом все же надо. Обратимся к его последнему тексту на эту тему. Я имею в виду «Критику Готской программы», которая, казалось бы, изучена нами вдоль и поперек. В ней Маркс делает замечания в адрес программы будущей объединенной социал-демократической партии Германии, написанной во многом под влиянием идей Лассалья. Главным в позиции Лассалья являлось, как известно, требование «неурезанного трудового дохода». Иными словами, вся борьба социал-демократии сводилась им к борьбе за более справедливое распределение доходов. Рабочие, с этой точки зрения, если и хотят чего-то, то только того, чтобы им полностью оплачивали их труд. Для Маркса как коммуниста такое понимание конечных целей рабочего движения было, конечно, неприемлемым. А разве мы понимали коммунизм как-то иначе? До сих пор твердим: «каждому по труду», «по потребностям», думая, что это и есть коммунизм, что именно ради этого рабочие берут власть и собственность в свои руки. А зачем она им еще нужна? Понятно, чтобы лучше жить, больше потреблять, получать в свои руки все, что заработал. Так думают многие (в согласии с Лассалем), но это не ответ Маркса. Рабочие, по его мнению, должны взять средства производства в свою коллективную собственность не для того только, чтобы потреблять по-новому, а, прежде всего, для того, чтобы перестать быть рабочими, стать совсем другими людьми. Коммунизм для Маркса — это мир без капиталистов, без эксплуатации, но и без рабочих. Иными словами, это мир, в котором (цитирую по тексту «Критики Готской программы») «исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда»; «исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда»; «труд перестанет быть только

средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни»; «вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком». Мы когда-нибудь всерьез задумывались над тем, что это значит?

Если коммунизм есть решение рабочего вопроса, то в чем состоит это решение? Обычно под этим вопросом понимают вопрос о продолжительности рабочего времени и степени интенсивности труда, уровне заработной платы, проблеме занятости. Труд должен быть сокращен до разумных пределов. Заработная плата должна расти. Каждый должен быть обеспечен работой. Хорошая программа? Хорошая. Только не коммунистическая. Вполне реализуемая и в условиях капитализма. Никакого коммунизма для этого не требуется. Капитализм справляется с этой программой намного лучше, чем все режимы прокоммунистического толка.

Для Маркса решение рабочего вопроса состоит в том, чтобы не просто улучшить жизнь рабочих, облегчить их труд, а вообще освободить человека от функции рабочей силы, зарабатывающей себе на жизнь физическим трудом. Коммунизм не стремится увековечить существование рабочего класса, он хочет покончить со всеми классами. Решение рабочего вопроса он видит в том, чтобы вообще снять этот вопрос с повестки дня. Но это значит, что речь идет в первую очередь об изменении не форм потребления, а самого характера труда. Труд должен измениться, стать другим — вот в чем проблема. Частная собственность препятствует не росту заработной платы, а возможности человека трудиться в меру своих способностей, талантов и дарований, то есть быть свободным в выборе видов и способов своей деятельности. Потому ее и нужно сменить на общественную. Не ради более высокого потребления, а ради освобождения от разделенного, абстрактного, принудительного и вынужденного труда необходимо сменить форму собственности.

И здесь мы подходим к главному — к вопросу о том, кем является

человек в коммунистической перспективе. Если он — не капиталист и не рабочий, то кто он? Ответ Маркса: свободная индивидуальность, или индивид, свободно распоряжающийся всеми доступными ему общественными силами и отношениями. Короче, человек, чей труд измеряется не рабочим временем, а его личными природными дарованиями и имеющимися на данный момент знаниями. И ничем больше. Такой труд Маркс называл всеобщим и свободным, отличая его от абстрактного и необходимого. До какого-то времени он был доступен только художникам и ученым, но в перспективе должен стать общественным трудом, доступным каждому. В приобщении человека к такому труду и состоит цель коммунизма. В программе Маркса не труд ради потребления (как у Лассаля), а потребление ради труда. Предложенная им перспектива человеческого развития полностью совпадает с той, которая когда-то была открыта европейским гуманизмом. Коммунизм — не изобретение Маркса. Он возник задолго до появления марксизма и всегда был попыткой — сначала совершенной утопической — придать гуманизму характер социального учения. Маркс лишь попытался соединить идею коммунизма с рабочим движением, создать, так сказать, ее пролетарскую версию. Возможно, в этом и была его главная ошибка, причина того, почему коммунистическая идея в наше время оказалась невостребованной.

Как стало ясно в XX веке, рабочие — все-таки не класс, а профессия. Поэтому в развитых странах капитализма сегодня нет пролетарских партий, борющихся за власть. Рабочие представлены в наши дни, как правило, профсоюзами. Число промышленных рабочих, к которым Маркс апеллировал в первую очередь, в составе работающего населения не увеличиваются, а постоянно сокращается. А ведь именно отсутствием рабочего большинства в обществе Маркс когда-то объяснил поражение Парижской коммуны. Пока рабочие не стали большинством, пока существует огромная мелкобуржуазная прослойка, то есть пока

капитализм не довел процесс пролетаризации общества до конца, пролетарская революция, как считал Маркс, обречена на поражение. Но как же в таком случае обстоит дело в XX веке, в котором пролетариат в странах Европы стал явным меньшинством? Можно ли связывать с ним хоть какую-то надежду на возрождение коммунистической идеи, или, другими словами, на возрождение идеи социального гуманизма? Если не рабочие, то кто же тогда заинтересован сегодня в таком возрождении?

Свое мнение о том, чем может быть идея коммунизма в наше время, я выскажу в тезисной форме, поскольку свой ресурс времени уже исчерпал. В современном мире коммунизм — это идея, выражающая интересы тех, кто занят всеобщим (или научным) трудом, кого принято называть интеллектуалами. Маркс, на мой взгляд, ошибался, называя пролетариат могильщиком капитализма. Но у Маркса можно найти и другой ход мысли (в подготовительных рукописях к «Капиталу»), согласно которому основным противоречием капитализма является противоречие не просто между трудом и капиталом, а между всеобщим трудом (то есть наукой) и капиталом. С этой точки зрения, капитализму следует бояться не столько рабочих, сколько ученых и людей культуры, труд которых по самой своей сути не может успешно функционировать по законам капиталистической экономики. Там, где капиталистические отношения распространяются на природу и культуру, подчиняют себе и все духовное производство, наступает экологический и духовный кризис. И этот кризис намного серьезнее экономического, с которым капитализм научился справляться.

Как только наука становится главной производительной силой, а знание — главным фактором производства, всеобщим условием труда, наступает естественный конец господства частной собственности в общественном производстве. Ведь соединение человека со знанием, с наукой, ставшей производительной силой, уже не может осуществляться по принципу частной собственности. Наука, как и культура в целом, — не

приватизируема, является по своей сути достоянием всех.

Отсюда ясно, что общественная собственность — это, прежде всего, собственность на науку, на духовное богатство общества, или на всю культуру. В этом смысле она — категория не экономическая, а культурная, выводящая человека за рамки чисто экономической необходимости трудиться. Она связана с присвоением людьми не вещей, а знаний, культуры в целом, делая человека духовно богатым существом.

Но где происходит реальное соединение человека со знанием? Очевидно, в рамках не рабочего, а свободного времени, которое и становится с этого момента основным временем общественной жизни людей. Коммунизм решает проблему существования человека в свободное время, делает это время базисом общества. А право собственности — общественной собственности — реализуется здесь в форме права каждого на образование и культуру.

Коммунизм, как я его понимаю, — не экономическая и даже не политическая, а, прежде всего, культурная идея. Попытки создать у нас политэкономии социализма или теорию социалистического государства всегда казались мне утопическими. Коммунизм — это общество, живущее по законам культуры, ставящее культуру выше экономики и политики. Я еще в советские времена писал, что коммунизм — это, прежде всего, теория культуры, а не экономическая и не политическая теория. И сегодня ответом на вопрос о судьбе культуры, ее историческом будущем является не либеральная, не консервативная, а коммунистическая идея, пусть и в каком-то ином, преобразованном виде и даже под другим названием. Не знаю как политическое, но как культурное движение, как объединение людей, озабоченных проблемами дальнейшего существования и развития культуры, коммунизм, на мой взгляд, если только правильно понимать его гуманистическую суть, не имеет на сегодняшний день никакой другой разумной альтернативы.

И. А. Михайлов

Два вопроса. Как Вы считаете, какое общество строит сегодня Запад?

Второй вопрос, чтобы было ясно. Могли бы на Западе решать социальные вопросы, если бы не было социалистической системы? Вы говорите, что они прекрасно решили вопросы социальные рабочего класса и т. д. Могли бы они решить эти вопросы, если бы не было СССР?

В. М. Межуев

По поводу того, какое общество строят сегодня на Западе, лучше спросить у него. Там на эту тему ведутся многочисленные дискуссии. Одни называют его постиндустриальным, другие — информационным, третьи — глобальным. Много из того, о чем там спорят, имеет отношение и к нашей теме. Говорят, например, о переходе к постэкономической формации, о конце миркапиталистической системы и пр. О том, что события в России, начиная с Октября, повлияли на Запад, способствовали росту там социально ориентированной экономики и политики, спорить не приходится. Это признает и сам Запад. Вопрос в том, почему социализм на Западе во многом прижился, пусть и не без нашего воздействия, а у нас провалился.

А. А. Зиновьев

Слово имеет Владимир Дмитриевич Улас.

В. Д. Улас

Приношу извинения, поскольку этот доклад должен был читать Геннадий Андреевич Зюганов, доклад, посвященный русскому коммунизму и вызовам XXI века, но поскольку эти вызовы вполне конкретны, один из них сейчас присутствует на Украине, его приходится решать в связи с тем, что от выбора, который будет сделан в ближайший

выходной, будет зависеть очень многое для России, для коммунистической идеи, то Геннадий Андреевич Зюганов как раз там и просил извиниться перед вами.

Постараюсь очень кратко донести видение по этому докладу. Свое видение и видение ряда ученых Коммунистической партии, но вначале хочется пополемизировать с предыдущим докладчиком. Его выступление мне показалось бессмысленным в силу откровенной эклектики. В начале, середине и в конце настолько разные постулаты, что это бессмысленно. Когда мы с вами говорим о русском коммунизме и о вызовах XXI века, мы имеем в виду тенденции и перспективы развития коммунистической идеи, коммунистической идеологии и коммунистического движения в нашей стране в XXI веке. Очевидно, что эти тенденции, эти проблемы, которые сейчас стоят перед коммунистической идеологией, коммунистическая идея в целом определяются двумя группами факторов.

Первая группа факторов связана с историей развития коммунистического движения в России. Особенностью здесь является то, что в нашей стране в октябре 1917 года прошлого века была впервые в мировой истории осуществлена социалистическая революция. В крестьянской стране. Затем в течение 70 лет руководящей и направляющей, как раньше говорили, силой Советского Союза являлась Коммунистическая партия Советского Союза, под руководством которой, как это ни банально звучит, наша страна, Россия, Советский Союз добились колоссальных успехов, примеров которых в мировой истории очень немного, а может быть, и нет. До 1917 года страна была откровенно неграмотной, крестьянской на 90%, а после полнейшего разрушения, после интервенции, гражданской войны за короткий интервал времени страна сумела осуществить индустриализацию, коллективизацию, культурную революцию. Это принципиальный и качественный момент развития страны. Наша страна победила в Великой Отечественной войне, победила фашизм. Недооценивать эту вещь, на мой взгляд, принципиально неверно. В этой

войне погибло 40% коммунистов, пусть даже многие из них глубоко не читали Маркса.

После войны была создана мировая система социализма. Реально существующая. Важным элементом, который показывал и свидетельствовал о том, насколько она прогрессивна, насколько она экономически целесообразна, явился полет в космос нашего с вами земляка Юрия Алексеевича Гагарина, коммуниста, гражданина Советского Союза, русского. То есть, это базовые вещи. С другой стороны, когда мы говорим о вызовах XXI века, вот эти вызовы в значительной степени продиктованы тем, что коммунистическая партия, являясь руководящей силой, не справилась с теми проблемами, которые стояли перед страной. Она не сумела предотвратить мощный экономический, политический кризис в конце 80-х — начале 90-х годов, который привел к разрушению Советского Союза, и, безусловно, в этом значительная вина руководства Коммунистической партии. А поскольку КПРФ и другие коммунистические движения в нашей стране в общественном сознании неразрывно связаны с КПСС, безусловно, они и несут вот эту ответственность, в значительной степени моральную в общественном сознании, в том числе и за предательство своих руководителей.

Это первая важнейшая группа факторов, которые в значительной степени определяют эмоциональный и отчасти теоретический фон тех обвинений, которые сегодня звучат по поводу перспектив коммунистических идей.

Вторая группа факторов, которые напрямую определяют тенденции развития коммунистического движения и его перспективы, зависит от тех ответов, которые даст коммунистическая мысль, коммунистическое движение в целом на те вызовы, перед которыми стоит Россия в XXI веке, те вызовы, с которыми столкнулась целая человеческая цивилизация в постиндустриальном обществе. Это те вызовы, которые реально существуют перед системой социализма. Она существует в урезанном

виде. Китай сегодня уверенно выходит на то место, которое еще лет 15 назад занимал Советский Союз. Мировая система социализма (хотя, может быть, она в таком виде не совсем соответствует понятию мировая), и Китай, и Вьетнам, и Куба — это страны, которые руководствуются той идеологией, которую предыдущий докладчик назвал «растворившимся мифом».

Третья группа вызова, на которую надо ответить, это проблемы, которые стоят перед коммунистическим движением в нашей стране, в России. Скажу несколько слов по каждому из этих направлений и представлю то видение, которое существует у коммунистической партии.

Россия после реставрации по существу капиталистической системы, после разрушения Советского Союза, социалистического лагеря, который существовал в Западной Европе, столкнулась с целым рядом вызовов. Если на них объективно посмотреть, на место России, на внутреннее ее состояние, на перспективы развития, то речь идет фактически с ее выживании как государственного образования. Вот эта крупная проблема подразделяется на ряд более мелких. И по каждому из этих вопросов необходимо, чтобы теоретическая мысль, в том числе и коммунистическая, дала четкий ответ, четкое видение как решить эту проблему.

Первое — это элементарное вымирание нашей страны. Вы знаете, что за последние 4 года этот процесс опять ускорился. По статистическим данным, за этот год мы перевалим за 1 млн. человек, то есть идет вымирание населения страны, русского этноса, поэтому Коммунистическая партия уделяет этому вопросу значительное внимание. Четко говорит, что без спасения русского этноса мы не сможем сохранить страну, не сможем отстоять те завоевания, в том числе и природные богатства, которые на территории нашей страны остались нам от предков. По существу, сегодня есть две кладовых в мировом масштабе, которые не распечатаны. Это Дальний Восток и Восточная Сибирь. Желających добраться туда довольно много (при всей экономической внешней не-

целесообразности, как это часто пытаются доказать).

Вторая проблема, которая в значительной степени влияет и на первую, — это разрушение экономики и, прежде всего, наукоемких отраслей нашей страны. Если вы посмотрите эти базовые отрасли экономики, то увидите, что при внешнем общем падении на сегодняшний день экономического потенциала на 30–40% в этих отраслях обвал произошел в десятки, а иногда в сотни раз. Мы с вами прекрасно понимаем, об этом говорилось в предыдущем докладе, что сегодня, когда наука становится непосредственно производительной силой (кстати, и рабочий класс в этом случае трансформируется, он не исчезает, он не превращается в профессию, он просто вбирает в себя новые социальные группы, которые раньше мы по идеологической близорукости не включали туда), то будущее имеют только те народы, те нации, которые в состоянии производить, я подчеркиваю, производить и осваивать все новые технологии, технологии XXI века. А для того, чтобы эти технологии осваивать, нужна современная наука, нужно современное образование, медицина. И другой более эффективной системой экономической, чем социализм, человечество не придумало. Мы можем, конечно, сослаться на ряд западноевропейских стран, США, но нужно учитывать еще такой факт, что в систему капитализма включены более сотни государств. Верхушка этого айсберга высасывает с периферии значительные ресурсы, позволяет себе жить, выдавая это за законно присваиваемую ренту, то это не факт, что она решила эти проблемы. Без социалистического планирования, без контроля государства над базовыми отраслями экономики, такими как транспорт, связь, военно-промышленный комплекс, наука, образование, медицина, которые сами по себе в рыночных условиях не могут существовать, не обойтись, и мы это понимаем, потому что у нас сворачиваются эти отрасли на протяжении последних 13 лет. И никакого выхода в этом плане не будет. С учетом еще и климатических условий. Безвыходная ситуация. Если государство не будет контролировать эти

отрасли, не будет определять стратегию их развития, обеспечивать стратегическое финансирование, подчеркиваю — стратегическое, мы с вами ничего не получим. И ничего не будет.

С другой стороны, коммунистическая партия видит четкий источник, который позволит стране сейчас из этой трясины выйти. Без национализации, будем говорить, возвращения в собственность государства природных богатств, доходов от них у нас с вами тоже ничего не получится, поскольку соизмеримого финансового источника на сегодняшний день для восстановления страны, экономики, нации у нас с вами просто нет. Нужно понимать, что миллиарды, которые изъяты, которые получили Абрамович, Фридман и прочие, — это миллиарды, которые изъяты из народного хозяйства, из науки, из образования, культуры. То есть, здесь предлагается четкая программа действий на эти вызовы, с которыми столкнулась наша страна. Если в ближайшее время мы их не разрешим, мы просто сойдем с исторической арены. Как говорил Державин: «Река времен своим течением уносит все дела людей и топит в пропасти людей, народы, царства и царей». Многие цивилизации сошли с исторической арены. Их нет. То же самое постигнет Россию, если она, еще раз подчеркиваю, не встанет на социалистический путь развития.

Вторая группа вызовов связана с человечеством в целом. Очевидно, что сегодня, когда земной шар в значительной степени освоен, когда природные ресурсы довольно ограничены, когда мы столкнулись с перегрузкой биосферы, капиталистическая система развития — абсолютно тупиковая. Принцип, который является основополагающим в учении Маркса, — это бесклассовое общество, к этому человечество либо придет, либо оно погибнет.

Третье. Это мировая система социализма. Очевидно, что после гибели Советского Союза на его место вышел Китай. Мы можем говорить о некоторых экономических особенностях китайской модели. Можем кликушествовать, как это делает телевидение, что там давно коммунизма

нет, но, тем не менее, базовые вещи, контроль государства — финансовый, кадровый, полная социальная поддержка и продуманная политика в Китае осуществляется. За последние неполные 15 лет он в 6 раз увеличил валовой продукт. Только за то, что коммунистическая партия Китая, подчеркиваю, вывела из нищеты более миллиарда населения, думаю, что человечество поставит ей памятник.

Наша задача, русской коммунистической мысли, просто этот китайский опыт проанализировать, очень серьезно посмотреть, где мы ошиблись. Многие наши ошибки они учли, к счастью.

Еще момент — коммунистическое движение в нашей стране. Очевидно, что стержнем этого коммунистического движения и стержнем теоретической работы в этом направлении является Коммунистическая партия Российской Федерации. Сегодня для того, чтобы этот призрак окончательно угробить (а для тех, кто серьезно занимается анализом развития страны, ее проблемами, это совсем не призрак, а очень реальная возможность при очередном катаклизме, а он у нас периодически случается в стране), для того чтобы не допустить этот призрак опять (тем более что население потихоньку прозревает), идет попытка разрушения коммунистического движения. И власть в этом плане воспользовалась хорошо испытанными методами, которые существовали еще в дореволюционной России, — это разложение и ликвидация коммунистического движения, в частности, и через захват политических высот. Партия с этим столкнулась буквально год назад. К счастью, мы сумели преодолеть этот кризис. Думаю, впереди будет очень серьезное развитие.

Для придания устойчивости той системе, которая была заложена Ельциным, при всех особенностях, которые за последние годы Путин внес, тем не менее для придания политической устойчивости этой системе, Путин сегодня формирует двухпартийную политическую систему. Место в этой системе коммунистическим партиям, коммунистической идеологии,

безусловно, не предусматривается. Здесь в качестве партнера «Единой России» пытаются внедрить социал-демократическую партию, условно опять западноевропейского типа, на ее роль сейчас выдвигается «Родина», но поскольку те проблемы, которые стоят перед страной, при выбранной социально-экономической политике принципиально не могут быть разрешены, то, к сожалению, Россию в будущем ждут потрясения, катаклизмы. Задача наша, коммунистической партии, сохранить партию, подготовить кадры, быть готовыми к выполнению той исторической миссии, которую на коммунистов возложила сама история. Спасибо.

В. М. Межуев

Скажите, пожалуйста, есть такое движение, оно не очень приятное, либерализм. Тоже достигло успехов, у власти находится. До сих пор все либералы спорят по поводу того, что такое либерализм, в чем состоит идея. Масса книг выходит. Поэтому это движение живуче. Почему коммунисты, когда начинаешь обсуждать вопрос, что такое коммунистическая идея, говорят: не в этом дело, дело в том, как управлять, дело в том, чтобы коммунистическая партия пришла к власти. Ответьте, что вы понимаете под коммунизмом?

В. Д. Улас

Коммунистические идеи, коммунистические идеологии. Человечество шло в этом направлении задолго до Маркса. Тот же Жан Жак Руссо, Вольтер, можно и дальше перечислять. Но Марксу принадлежит научная разработка этой системы. Он показал, каким образом мы придем к ней. Что является движущей силой. В чем противоречие. Что такое коммунизм. Суть социалистического, коммунистического общества (во всяком случае, мы с вами находились на первом этапе) — это обеспечить условия, обеспечить возможности для развития человеческого потенциала, обеспечить возможность доступа к образованию, здравоохранению,

уничтожить рабство в виде присвоения результатов чужого труда. Почему? Потому что частная собственность, вы сами об этом говорили, неизбежно предполагает и присвоение конечного продукта. Мы видим, насколько это рационально, когда этот общий пирог ограничен. Мы видим, как покупаются футбольные клубы, когда страна вымирает. И многое другое. Насчет либеральной идеи. Не нужно путать фантик с ее содержанием. Либеральные идеи в нашей стране привели к тому, что мы сегодня имеем.

А. И. Фурсов

Вам не кажется, что ваша формулировка — вы сказали, что проблема в том, что КПСС не справилась с кризисом — не кажется ли вам, что эта формулировка не точна? КПСС не то, что не справилась с кризисом, она была сама источником этого кризиса. Верхушка КПСС оказалась представлена людьми — Горбачев, Яковлев, группа людей, которые в один момент все, что можно было сдать, сдала. А ведь все эти люди делали карьеру по законам системы. Видимо, дело не так обстоит, что не справились, а что логика системы привела к такому варианту. Обратите внимание, с середины 50-х годов у советской верхушки нарастает неадекватность современному ей миру. Она становится все менее адекватной, а в конце сдает позиции. Дело, наверное, не в том, что не справилась, а в том, что была неадекватна сама система с какого-то момента.

В. Д. Улас

Причина — в структуре власти: однопартийность. Отсутствие здорового развития, кадрового, прежде всего, оно постепенно, с 50-х годов накапливалось, и партия мелко «обуржуазилась», так скажем. Перерождение ее верхушки, действительно, произошло. Горбачев, Ельцин, Яковлев. Верхушка в целом отошла от коммунистической идеологии. Все

сводилось к всеобщей уравниловке. Основной базовый принцип социализма «от каждого по способностям — каждому по труду» фактически не выполнялся. И многое другое. Наша задача сегодня — проанализировать те ошибки. Ведь мы выплеснули вместе с водой и ребенка.

И. А. Михайлов

Известные изречения — нет ничего практичнее, чем хорошая теория. Скажите, пожалуйста, какая сегодня теория у современных коммунистов, какие перед ними сегодня стоят задачи и цели?

В. Д. Улас

Я в докладе говорил, что наши цели не оторваны от тех проблем, от тех вызовов, с которыми столкнулась Россия. Мы можем с вами теоретизировать здесь, но фактически речь идет о существовании нашей страны. Наша партия тоже предлагает путь, в том числе экономическую модель, которая позволит восстановить позиции. Страшно, что мы вымираем. У нас нет союзников. Нас обложили. И еще Чечня, по старым меркам, незначительный конфликт, с которым Россия не может справиться, который говорит о том, что фактически и все внутренние ресурсы исчерпаны. Потеря продовольственной безопасности, лекарственной. Я не говорю об экономической. Вот эти проблемы. И есть путь их преодоления. Несколько элементов его я называл. Сейчас не задачи построения коммунизма перед нашей страной стоят. Сейчас бы общедемократические задачи решить.

Б. Ф. Славин

Вы сказали, что главная причина падения КПСС — это предательство вождей. Я так вас понял. Не считаете ли вы, что в такой формулировке вы становитесь на точку зрения, что только вожди

определяют ход истории. Есть и более фундаментальные причины кризиса коммунизма.

В. Д. Улас

Есть, безусловно. Эти вещи взаимосвязаны, то есть и отход значительной части руководства от коммунистической идеологии, который был осуществлен в начале 50-х годов, с того же Хрущева. Эти процессы развивались. Они друг друга дополняли. Мы и программу к концу имели в значительной степени аморфную, отнюдь не коммунистическую. Плюс и определенные вызовы, которые связаны с научно-технической революцией. Экономическая модель, которая в стране застыла, не соответствовала совершенно. Мы должны посмотреть на то, что делается сегодня в Китае. С одной стороны, государство осуществляет контроль, причем очень четкий контроль. Ни одна иностранная фирма не сможет сменить руководителя. Она может выдвинуть к нему претензии. Финансовые потоки там тоже контролируются полностью. А вместе с тем дан выход частной инициативе в тех секторах экономики, где уровень развития производительных сил недостаточен для того, чтобы провести обобществление.

И. М. Ильинский

Насколько я знаю, компартия сегодня спокойно относится к частной собственности и не против существования частной собственности.

В. Д. Улас

Я здесь хочу уточнить. Компартия спокойно относится в том плане, что она не выступает за частную собственность. Базовый элемент нашей идеологии — это то, что частная собственность должна уйти. Подчеркиваю, что, учитывая уровень развития производительных сил, который существует у нас, в отдельных областях экономики,

обобществление собственности является менее эффективным. Мы относимся к этому терпимо.

И. М. Ильинский

Что значит, терпимо? Вы допускаете?

В. Д. Улас

Да, допускаем, но мы понимаем, что при развитии производительных сил...

И. М. Ильинский

Да, понятно, но вы допускаете. Это к вопросу о «чистоте жанра».

Второе. Как вы смотрите в будущее? Мы сегодня обсуждаем вопрос перспективы мирового коммунизма. Будем говорить в категориях российского коммунизма. С идеологией, с перспективами. Интересно просто знать.

В. Д. Улас

Конечно же, масса проблем, масса вопросов.

И. М. Ильинский

Мы не о проблемах. Об идеологии и, следовательно, о движении.

В. Д. Улас

Та программа, наше видение ситуации, развития страны и общества в целом, — она не законченная. На многие вопросы мы сами еще не имеем ответов. Некоторые имеются, но корректируются. Считать, что у нас что-то застыло и что-то сложилось в идеологическом плане, что мы можем ответить на все вызовы, которые XXI век ставит перед нами, нельзя. Нет, это не так.

А. А. Зиновьев

У меня вопрос. Идеологией КПРФ остается марксизм.

В. Д. Улас

Безусловно.

А. А. Зиновьев

Из того, что произошло в мире, уроки извлечены в отношении признания марксизма в качестве идеологии?

В. Д. Улас

Безусловно. А кто не извлекает уроки? Если бы мы не извлекали уроки, нас бы сегодня не было.

А. А. Зиновьев

Понятно. Меня этот вопрос интересует.

В. Д. Улас

Под марксизмом вы один шаблон вещей имеете в виду. Товарищ спрашивал меня, что является базовым сегодня в марксизме, как идея.

А. А. Зиновьев

Марксизм — есть марксизм. В марксизме есть определенные положения. Такие, например, как два класса, доведенные до диктатуры пролетариата.

В. Д. Улас

А что, классы отсутствуют сегодня?

А. А. Зиновьев

Я вопрос свой договорю. В марксизме говорится об отмирании государства. В марксизме говорится об отмирании денег. В марксизме говорится о распределении по потребности. И что? Вы все эти лозунги сохраняете? Это уже идеология.

В. Д. Улас

Отвечаю Вам. Те лозунги, те вещи, которые вы только что назвали, они свойственны коммунистической формации. Для этой коммунистической формации помимо определенного уровня производства еще требуется определенный уровень развития личности. Это двуединая задача. Это перспектива очень далекого будущего.

А. А. Зиновьев

Ясно. Вопросов больше нет? Нет.

Сейчас, по намеченному плану, я должен говорить. Постараюсь уложиться в установленный регламент.

Слово «коммунизм» употреблялось и употребляется во многих значениях. Я в свое время насчитал более сотни различных употреблений. Выбирать, какое-то из них как правильное, — занятие бессмысленное и бесперспективное, ибо на этот счет никаких принудительных правил нет. К тому же во всех употреблениях этого слова, которые я рассмотрел, логические правила введения научных понятий не соблюдаются. Не соблюдаются они и в марксистской литературе. Это наносило значительный ущерб репутации марксизма. Знаменитое марксистское определение «полного» коммунизма через распределение «по потребности» стало предметом насмешек в самых широких кругах людей.

Состояние терминологии не есть нечто второстепенное, оно есть важный компонент самого способа исследования и понимания обозначаемых ею объектов. Я с самого начала моих размышлений на тему

о коммунизме (а это началось еще в конце тридцатых годов двадцатого столетия!) пошел путем, которому не изменял всю жизнь и не намерен изменять впредь. Убедившись в том, что все то, что в те годы (как и во все последующие) печаталось и говорилось о коммунизме и о советской реальности, так или иначе не соответствовало тому, что я сам наблюдал в этой реальности, я принял решение изучать эту реальность как нечто объективно данное мне и вырабатывать свое собственное ее понимание, отбросив упомянутый словесный мусор (разумеется, мусор с моей точки зрения). Я различил коммунизм идеологический (коммунистический идеал) и коммунизм реальный, то есть тот социальный строй (или тип социальной организации человеческих объединений), который получается на самом деле при попытке воплотить идеал в жизнь, причем — получается в силу объективных социальных законов, не зависящих от сознания и воли людей.

В рамках идеологического коммунизма я различил немарксистский и марксистский идеалы. В первом случае я имел в виду идеал социального строя, при котором ликвидируется частная собственность на средства производства, частное предпринимательство и скопление больших богатств в частном владении. Во втором случае я имел в виду то специфическое, что внес марксизм. Это специфически марксистское привнесение было четко определено классиками марксизма и общепризнанно в советской идеологии. Это — идея доведения классовой борьбы до диктатуры пролетариата, отмирания государства и денег, различения социализма как низшей стадии коммунизма и «полного» коммунизма и т. д., — все это общеизвестно. Я установил для себя, что коммунистический идеал в первом смысле сполна реализовался в Советском Союзе в результате Октябрьской революции 1917 года, тогда как марксистский идеал не реализовался и, как я установил, в принципе не мог реализоваться в силу объективных социальных законов, которые, кстати сказать, не были известны марксистам (и прочим специалистам в

сфере социальных исследований до сих пор).

Сложившийся в Советском Союзе социальный строй я стал называть реальным коммунизмом. Для тех, кто считал его неправильным или ненастоящим коммунизмом, я делал оговорку: кому это название не нравится, можно удовольствоваться термином «советский социальный строй» или, короче, «советизм». Я считал и считаю до сих пор советизм наиболее полным (можно сказать — классическим) воплощением коммунистического идеала в первом смысле. И не вижу в обозримом будущем возможности того, что где-то возникнет нечто близкое к нему по уровню этого типа социальной организации. И говоря о советском вкладе в социальный прогресс человечества, я имею в виду именно советизм, или реальный коммунизм. В этом отношении наша страна стала величайшим новатором социального прогресса человечества. Советский коммунистический эксперимент является непревзойденным в истории по масштабам, достижениям и влиянию на ход социальной эволюции человечества. И тот факт, что советский коммунизм был разгромлен, не снижает его историческую значительность. Более того, чем дальше он удаляется в прошлое, тем отчетливее проявляются и вырастают его масштабы. Прав был Есенин: большое видится на расстоянии. Убитый великан не становится карликом, а пришедший на его место карлик не становится великаном.

Советизм (реальный коммунизм) возник в нашей стране в результате Октябрьской революции 1917 года и прекратил существование в результате антикоммунистического переворота, который начался в конце августа 1991 года и завершился в начале октября 1993 года. Он прожил немногим более семидесяти лет. Срок с исторической точки зрения ничтожный. Он только вступил в стадию зрелости и еще не успел развернуть во всю мощь заложенные в нем потенции. Он был убит в самом начале своего пути, разрушен искусственно, а не изжил себя, как утверждают его враги, разрушители и мародеры. Тем не менее он успел

проявить свою социальную натуру настолько сильно и ярко, что вычеркнуть его из памяти человечества, как это стремятся сделать упомянутые люди, вряд ли удастся. История человечества просто немыслима без него, как она немыслима без Великой французской революции конца восемнадцатого века, без наполеоновских войн, без Первой мировой войны, без гитлеровского правления в Германии и других значительных событий реальной истории.

А стремление исказить и вычеркнуть совсем из истории советизм превысило все известные случаи такого рода и невольно порождает сомнение в здравом уме носителей этого стремления. Например, при праздновании дня победы над Германией в войне 1941–1945 годов говорили о том, что победу одержал народ. Просто народ. При этом не сказали ни слова о том, что это был народ советский, организованный в коммунистическую социальную систему, возглавлявшийся сталинским руководством и т. д. Победа в этой самой грандиозной войне в истории человечества была прежде всего и главным образом победой советизма. Это — исторический факт. И каким бы ни было наше субъективное отношение к советизму, игнорирование его означает умышленную фальсификацию истории.

Поразительно то, что в фальсификации сущности и истории советизма принимают участие не только политики и идеологи, но и люди, претендующие на статус ученых. Официально признанное научное понимание советизма так и не было создано в советские годы. Это признал Юрий Андропов незадолго перед смертью. Среди причин, помешавших выработке такого понимания, можно назвать новизну самого предмета и общее состояние социальных исследований в мире. Но главным препятствием при этом, на мой взгляд, стала господствовавшая в стране марксистская идеология. Марксизм сам претендовал на статус высшей науки о социальных явлениях. И все то, что не укладывалось в его рамки, считалось антинаучным и беспощадно преследовалось. С разгромом

советизма марксистская идеология была просто отброшена. Но на ее место пришел воинствующий антикоммунизм и антисоветизм, и условия для создания научного понимания советизма нисколько не улучшились. Забавно, что одни и те же попытки построения научной теории советизма, предпринимавшиеся мною, оценивались в советские годы как антисоветизм и антикоммунизм, а теперь оцениваются как апологетика советизма и коммунизма.

Исторически реальный коммунизм (в качестве советизма) возник по такой схеме. Возникла коммунистическая идеология. У нее появились сторонники. Появились революционеры, намеревавшиеся изменить мир в соответствии с призывами ликвидировать частную собственность как основу эксплуататорского общественного устройства. В октябре 1917 года революционеры-коммунисты осуществили революцию и захватили высшую власть в России. Они создали новую систему власти, с которой стали создавать коммунистическую экономику и другие компоненты новой социальной организации. В этой организации стала проходить вся жизнь населения страны. Очевидно, процесс происходил совсем не по марксистской схеме: до революции в России не было никакого коммунистического базиса в марксистском смысле, так что в реальности не было никакого приведения надстроек в соответствие с базисом, а было, наоборот, создание нового базиса по инициативе и под руководством новой власти, то есть надстройки в марксистском смысле.

Все компоненты новой социальной организации и их взаимоотношения строились не по идеологическому проекту. Такого вообще не было в строгом смысле слова «проект». Были отдельные высказывания на этот счет скорее мечтательного, морализаторского, агитационного и т. п. характера, а не научно обоснованного. Предпринимались попытки какие-то из них претворить в жизнь. Но скоро они отпали как нежизнеспособные и даже просто нелепые. Это не означает, что идеология не сыграла роль. Она как раз сыграла огромную

роль, но именно как идеология, то есть роль средства организации и ориентации масс людей на восстание против существовавшего социального строя, на его разрушение. Думаю, что без коммунистической идеологии это условие, совершенно необходимое для возникновения реального коммунизма в России в те годы, не появилось бы. Позитивная же работа по построению новой (коммунистической) социальной организации осуществлялась как историческое творчество многих миллионов людей в течение ряда поколений. Это была грандиозная историческая драма и в значительной мере трагедия для многих участников процесса. В нем совершались бесчисленные преступления. Имели место жестокость, обман, насилие, нелепости, ошибки, бессмысленные эксперименты, потери, жертвы и т. п. И все же это был грандиозный исторический процесс, в котором рождалось социальное существо более высокого уровня социальной организации человеческих объединений, какого до того не знала история человечества.

Этот процесс проходил как сознательный в том смысле, что в нем проделывалась огромная интеллектуальная работа, принимались бесчисленные сознательные решения, создавались планы, прилагались сознательно-волевые усилия к их выполнению, строились прогнозы и т. д. Но он не был субъективно произвольным. В нем действовали объективные социальные законы, независимые от воли и сознания людей. Никакого противоречия тут нет: социальные законы суть законы именно сознательно-волевой деятельности людей. Люди не знают о них и зачастую действуют вопреки им, за что они «наказываются» негативными последствиями своих поступков, что не отменяет сам факт существования таких законов. Реальный советский коммунизм сложился не по злumu или добromu умыслу отдельных деятелей истории (хотя такие умыслы суть обычные явления), а как закономерное социальное образование, во всяком случае — не менее закономерное, чем общества прошлого и настоящего, включая западные.

В моих многочисленных книгах и статьях, которые стали публиковаться на многих языках начиная с 1976 года, я детальнейшим образом описал упомянутые социальные законы и тот тип социального феномена, который сложился в нашей стране и затем во многих других странах в двадцатом веке после Октябрьской революции 1917 года. Основные из этих публикаций — «Коммунизм как реальность» (1981), «Кризис коммунизма» (1991), «На пути к сверхобществу» (2000), «Гибель русского коммунизма» (2001). Это мое описание как в целом, так и в деталях принципиально отличается от марксистского социального учения (называемого историческим материализмом) и марксистского учения о коммунизме (называемого научным коммунизмом). Марксистское учение претендовало (и претендует) на научное понимание социальных явлений, включая реальный коммунизм. Но фактически оно не вышло за рамки идеологии. Я же противопоставил ему именно научный подход. Поясню кратко, в чем состоит отличие научного подхода в моем понимании от идеологического.

Научный подход к социальным явлениям (в моем понимании!) предполагает, что изучаемые объекты существуют в какой-то мере и форме эмпирически, на самом деле, а не в воображении. Их можно наблюдать. Высказываемые при этом суждения можно проверять путем сопоставления их с наблюдаемой реальностью. Когда возникло марксистское учение о коммунизме («научный коммунизм»), в реальности никакого социального явления такого рода нигде не было. И все, что говорилось на эту тему, можно было рассматривать лишь как гипотезы или проекты. В советские же годы специалисты по «научному коммунизму» игнорировали советскую реальность, вырывали из нее лишь то, что можно было изобразить как подтверждение марксовского учения, подгоняли явления реальности под марксистские фразы (фальсифицировали реальность), в лучшем случае утверждали, что коммунизм в стране еще не достроен или что он строится неправильно. Об изучении советской

реальности именно как реального коммунизма и речи быть не могло. Всесильная советская идеология (в основе марксистская) расценивала даже самые робкие попытки на этот счет как клевету.

Научный подход к социальным явлениям, далее, означает субъективную беспристрастность в отношении этих явлений. Марксизм же всегда подчеркивал то, что он явился выражением интересов рабочего класса (пролетариата). В советские годы стали говорить об интересах трудящихся, трудового народа. И именно в этой пристрастности марксизма видели его величайшее достоинство. Утверждали, что именно переход на позиции пролетариата позволил классикам марксизма создать якобы научное понимание социальной реальности (и вообще всего на свете, включая атомы, электроны, хромосомы и т. д.). Марксисты до сих пор цепляются за это пристрастие, хотя пролетариат как социальный класс вообще почти исчез с исторической арены в странах западного мира. Да и в России социальная структура населения принимает такой вид, что пролетариат можно обнаружить лишь с помощью словесных махинаций. Думаю, что именно классовая тенденциозность марксизма стала одной из причин того, что марксизм не дал научного понимания социальных явлений вообще и реального коммунизма в особенности.

Говоря все это, я вовсе не отвергаю великую историческую роль марксизма как самой грандиозной в истории человечества гражданской (светской, нерелигиозной) идеологии. Без него была бы невозможна Октябрьская революция 1917 года в России, не возник бы советизм (советский реальный коммунизм). Но это не превращает марксизм в науку. Идеология состоит из множества суждений (утверждений, высказываний). Далеко не все они ложны. Многие истинны. Иначе идеология не может иметь успех в массе людей. В этом смысле можно говорить о степени адекватности идеологии той реальности, с которой ее соотносят. Марксизм имел довольно высокую степень адекватности той реальности, в которой он возник и затем распространялся. Идеологи и политики выдавали это за

подтверждение научности марксизма, чего (научности) на самом деле никогда не было. Вследствие тех перемен, которые произошли в мире (включая нашу страну), степень адекватности марксистской идеологии настолько сократилась, что она утратила всякую позитивную роль. В Советском Союзе она стала одним из важных факторов в том комплексе факторов, который стал условием разгрома советизма (реального коммунизма).

Научный подход к социальным явлениям, наконец, предполагает следование правилам логики и методологии познания. На словах эти правила признаются всеми. Но в практике исследования и сочинения текстов с ними считаются очень редко и в самых примитивных случаях. Обычно же их игнорируют или не знают вообще. Марксисты к ним сознательно относились с презрением, воображая, будто они следуют какой-то высшей (диалектической) логике. Если последнюю понимать как диалектический метод (диалектику), то он в марксизме был сведен к некоему учению об общих законах бытия, а эти законы ограничились заимствованными у Гегеля несколькими общими утверждениями, лишенными методологического смысла. А без фундаментальной логической обработки понятийного аппарата и методов социальных исследований научное понимание современной социальной реальности (включая советизм, западнизм, постсоветизм, глобализацию) исключено даже при наличии страстного желания иметь его и при поддержке со стороны правящих и имущих слоев населения страны. И не удивительно, что советизм (реальный коммунизм) остался непонятым на научном (в моем понимании научности) уровне как в Советском Союзе, так и на Западе. В официальной (университетской и академической) науке он на этом уровне не понимается и теперь, поскольку необходимые для этого интеллектуальные средства просто отсутствуют. Их не разрабатывают, им не обучают студентов. Если тут что-то и делается в этом направлении, то лишь отрывочно, случайно, несистематически. На интеллектуальном

состоянии сферы социальных исследований это не сказывается заметным образом. А если к сказанному добавить вполне сознательное препятствование новшествам на этот счет со стороны массы специалистов в сфере логики, методологии и социологии, рассчитывать на серьезные перемены в понимании интересующего нас здесь объекта в обозримом будущем не приходится.

Как я сказал выше, в советский период в нашей стране была изобретена социальная организация (строй, система) более высокого уровня, чем все существовавшие ранее и в других странах планеты. Я назвал этот уровень сверхобщественным, мотивируя это следующими соображениями. Осуществив экспликацию понятия «общество» по правилам логики, я установил, что в том, что создавалось в Советском Союзе, имели место все основные компоненты социальной организации общества (государственность, правовая сфера, экономика, система образования, культура, идеология и т. д.), но одновременно сложились над ними явления сверхгосударственности (их называли словами «партия» и «партийный аппарат»), сверхэкономики (в виде органов командно-плановой и централизованной системы построения и управления хозяйством), сверхидеологии (в виде единой гражданской идеологии и идеологического аппарата, контролировавшего всю менталитетную сферу) и т. д. Эти явления образовали целостную систему, подчинившую компоненты социальной организации общества. Последние, говоря языком диалектики, включились в систему сверхобщественной организации в «снятом виде». Тут проявилась общая закономерность развития — новое качество возникло как структурное образование более высокого уровня.

Фактически сложившееся советское сверхобщество было первым в истории человечества сверхобществом огромного масштаба. Наша страна с этой точки зрения опередила западный мир по крайней мере на пятьдесят лет. Запад встал на путь эволюции в направлении к сверхобществу лишь после Второй мировой войны, причем — под влиянием Советского Союза

и в соответствии с социальным законом уподобления противников в мировой борьбе за лидерство. Поскольку советское сверхобщество осталось непонятым в этом его качестве, все его явления оценивались в научной, политической и идеологической среде ошибочно, причем — как на Западе, так и в самом Советском Союзе. В последнем даже больше ошибались, чем на Западе. На Западе хотя бы догадывались о преимуществах советизма, придавая в пропаганде им негативную окраску. Советские же политики, идеологи и «ученые» от непомерного приукрашивания советизма в духе западных добродетелей бросились в другую крайность — преклонения перед пропагандистски приукрашенными дефектами западнизма и очернения непонимаемых достоинств своего советизма. Вспомните, что идеи коммунизма (социализма) с человеческим лицом и перестройки страны в западном духе стали навязываться советскому населению сверху, с высот власти и интеллектуальной элиты страны. Очернение советизма превратилось в Советском Союзе буквально в оргию, скорее напоминающую медицинское умопомешательство, чем критическое осмысление реальности. И эта оргия не утихает до сих пор. Теперь к породившим ее факторам добавилось стремление оправдать свою эпохальную глупость и предательское поведение в судьбоносный период истории.

Обычно мои оппоненты выдвигают против моей концепции советизма (реального коммунизма) такой аргумент: если советский строй был таким, как я его описываю, почему же он рухнул? Такой аргумент есть типичный пример логической безграмотности моих оппонентов. Я на такой вопрос отвечаю так. Во-первых, рухнул не советский социальный строй (советизм), а конкретная страна с таким строем, причем — в конкретных исторических условиях. Социальный строй не существует сам по себе. Это лишь один из аспектов организации жизни конкретного народа в конкретных геополитических условиях, в конкретной социальной среде. Советский Союз рухнул в результате многолетней войны нового

типа с западным миром (более полувека!). Исторически сложился целый комплекс факторов, обусловивших этот крах. Среди этих факторов — колоссальный перевес сил Запада, назревание первого в истории специфически коммунистического кризиса в Советском Союзе, неизбежные дефекты самого советизма и т. д. Удивительно тут не то, на мой взгляд, что Советский Союз рухнул, а то, что страна в чудовищно трудных условиях перманентной борьбы с мощным западным миром в течение более чем семьдесят лет успешно защищала себя, выиграла крупнейшую в истории войн победу, добилась грандиозных успехов за исторически ничтожно малые сроки. И это — благодаря советизму! Советизм в нашей стране был молодым социальным строем, вполне жизнеспособным и самым совершенным из всего того, что могло сложиться в тех условиях. Он был разрушен искусственно. Причем, главную роль в его разрушении сыграли те, кто, по идее, должен был его защищать, — сами советские руководители, идеологи, привилегированные категории граждан. Вспомните, что в стране было около восемнадцати миллионов членов КПСС, которые при вступлении в партию давали клятву до последней капли крови сражаться за коммунизм. Они сдали коммунизм без боя, не пролив ни единой капли крови.

Но на этом эволюционный прогресс не прекратился. Разгромив советское сверхобщество на Востоке, западный мир сам устремился к сверхобществу. При этом он стремится с помощью российских холуев вообще вычеркнуть из памяти человечества тот факт, что Советский Союз в течение более семьдесят лет был бесспорным лидером эволюционного прогресса человечества. Я считаю, что наш долг как представителей русского народа, который был основным субъектом советизма, научно осмыслить опыт советизма и сохранить его хотя бы в какой-то мере в памяти потомков.

Позвольте на этом закончить.

Б. Ф. Славин

Вы все время употребляете категорию марксизм, марксистская идеология, кризис и т. д. Вы считаете, что идеология Маркса и идеология, которая была в советском обществе, это одно и то же?

А. А. Зиновьев

Это не одно и то же. Советская идеология стала складываться после революции. Марксизм дал только некоторую фразеологию, основы. Но значительную часть ее содержания образовало осмысление опыта жизни и достижений познания человечества в двадцатом столетии.

Б. Ф. Славин

Еще один вопрос. Скажите, у вас категория коммунизм означает определенную систему, возникшую после 1917 года, или это есть закономерность доисторических времен?

А. А. Зиновьев

Слово коммунизм многозначно. Коммунизмом называют определенную идеологию. В рамках идеологии различные течения, различные уровни. Словом коммунизмом называют также определенную социальную систему. Во всем мире нашу советскую социальную систему называли коммунистической. Вся идеология антикоммунизма, сложившаяся на Западе, рассматривала нашу систему как коммунистическую. Я всегда точно определял термины. В книгах своих четко различал коммунизм идеологический и коммунизм реальный. Реальный коммунизм — это определенная социальная организация, в которой имеет место то-то и то-то. В частности, ликвидирована собственность на средства производства. Ликвидировано частное предпринимательство. Классическим образцом реального коммунизма я считал и считаю то, что было построено в Советском Союзе. То, что в

Китае, это лишь некоторое приближение. А в странах Восточной Европы, была имитация под нашим воздействием.

В. В. Серебряников

Организация объединенных наций, ЮНЕСКО провела глобальные исследования того, как научная общественность мира относится к Марксу. Около 90% ученых с мировыми именами и большинство лауреатов Нобелевской премии назвали Маркса величайшим ученым. И как социолога, и как экономиста. Вот вы когда утверждаете свое мнение, что Маркс не ученый, марксизм — не наука, вы как-то согласуете?

А. А. Зиновьев

Никак. Такие проблемы не решаются опросом. Вы еще походите по деревням, у бомжей еще спросите, что они думают о том или о другом. А все эти нобелевские лауреаты являются абсолютно безграмотными людьми в понимании социальных явлений или шарлатанами. Я это могу доказать. Их мнение равным счетом ничего не доказывает. Повторяю, истина — не результат голосования. Истина начинается всегда с одиночек. Если бы было время, я бы показал, что весь понятийный аппарат сферы социальных исследований, включая марксизм, не отвечает требованиям логики. Более 200 определений понятия общества. Демократия — более 150 определений. Коммунизм — более 300 определений. Я проделывал на этот счет исследования в аудитории, где была сотня профессионалов, и задавал такого рода вопросы. Не было двух одинаковых ответов. И не было ни одного ответа, в котором давались бы маломальские точные разъяснения.

И. М. Ильинский

Вот Вы говорите бессмыслица и многообразие разного рода мнений, но скажите нам правильное определение коммунизму.

А. А. Зиновьев

Коммунизм, если вы имеете в виду идеологию, то это идеология, которая, в основе которой лежит идея ликвидации частной собственности на средства производства и частного предпринимательства, обобществление средств производства и т. д. Если вы имеете в виду коммунизм как реальную социальную систему, то я даю точно также точный ответ: это — социальная система, в которой ликвидирована частное предпринимательство, ликвидирована частная собственность в тех масштабах, в которых она служит средством эксплуатации человека человеком, обобществлены все средства производства, природные ресурсы и т. д. А о том, что вырастает на этой основе, я читаю целый курс лекций. Я подробно разворачиваю, как на этой основе организуется человеческое объединение, сверхобщество, коммунистическое сверхобщество. Например, описываю систему власти. Она включает в себя государственные учреждения. Это были советы. Над советами возвышалась сверхгосударственная власть — партийная система, партийный аппарат. Описываю, как они функционировали. И то же самое в экономике, в идеологии и т. д. Вот что такое реальный коммунизм.

И. А. Михайлов

Если бы в 80-е годы советское руководство, реструктурировав социально-экономическую систему, начало использовать методы конвергенции, мог бы выжить Советский Союз, на ваш взгляд?

А. А. Зиновьев

Советский Союз мог выжить при условии, если бы ничего не реструктурировали. Есть такой социальный закон: если страна вступает в состояние кризиса, то любые реформы приведут к краху. Как говорили американцы: лошадей на переправе не меняют. Нужно было вывести страну из кризиса. Для этого нужно было понять, что это за кризис. Когда

я его описал, ведь меня на Лубянку привели, потребовали сдать все бумажки. Взяли подписку о неразглашении. Я там предсказал тот кризис, который начался с приходом Горбачева к власти. Надо было преодолеть кризис. А он мог быть преодолен. Кризис этот был первый в истории коммунистический кризис, кризис коммунистического типа. Он мог быть преодолен только коммунистическими методами. А власти ухватились за западные методы. И пошли уступка за уступкой. То, что делают, кстати сказать, и в Китае.

Б.Ф. Славин

И все-таки, скажите, почему рухнула советская система. Такая сильная и жизнеспособная.

А. А. Зиновьев

Ее убили. Сработал комплекс факторов. Что значит — комплекс? Комплекс — это значит: каждый фактор необходим, а все вместе достаточны. Эти факторы — «холодная война», перевес сил противника, внутри назревание кризиса, расслоение населения, образование привилегированных слоев, крах идеологии, образование пятой колонны Запада и т. д. Затем были проведены диверсионные операции со стороны Запада. Возведение Горбачева на пост Генерального секретаря — это была диверсионная операция. Его провели на этот пост, как своего человека. Я жил на Западе. Тогда мне говорили довольно крупные работники из центров, которые занимались этим: скоро мы на «советский престол» посадим нашего человека. И посадили. Конечно, и коммунистическая система тоже не верх совершенства, в ней тоже есть свои недостатки. Я писал, что все недостатки системы неразрывно связаны с ее достоинствами. Они порождены одним и тем же источником. Вот этот комплекс факторов и привел к разгрому советского (русского) коммунизма.

В. Я. Портяков

Я постараюсь вкратце обрисовать ситуацию по ряду вопросов, а именно: анализ в Китае причин краха КПСС и распада Советского Союза; как себя позиционирует Китай с точки зрения социалистического строя и, наконец, о некоторых аспектах развития ситуации в Китае и последних решениях Коммунистической партии Китая (КПК).

Поскольку Китай генетически связан с КПСС, с Советским Союзом, вполне естественно, что крах, распад СССР и вообще все то, что случилось в 1991 году, было воспринято в Пекине с огромным вниманием. Это было смешанное чувство. С одной стороны, было чувство облегчения, поскольку «исчезла угроза с севера», потому что Советский Союз долгие годы рассматривался как главная угроза Китаю. Но в то же время пришло понимание, что независимо от желания самого китайского руководства теперь именно Китай жизнь выносит на позицию главного противника США на мировой арене, чего крайне не хотелось.

Какова же была реакция на то, что произошло. Это довольно интересный момент. Многие, наверное, слышали о знаменитой поездке Дэн Сяопина на юг. Это январь-февраль 1992 года, когда человек, которому было почти 90 лет, вдруг бросает все дела и едет в южные районы Китая, где высказывается по широкому кругу проблем развития страны. Эта акция была связана с опасением, что Китай — следующий на очереди, что волна «мирного перерождения» может настигнуть и Китай и что надо что-то сделать, чтобы этой волне противостоять. Ответ был выбран такой. Незадолго до того — в начале 1991 г. был принят очередной восьмой пятилетний план, в рамках которого среднегодовые темпы прироста экономики только что возглавившим партию генсеком Цзян Цзэмином и новым премьером Ли Пэном были запланированы на уровне 4-6%. Дэн Сяопин решает бросить все силы на форсирование темпов экономического роста. Весь смысл поездки на юг состоял в том, чтобы

снять все идеологические препоны и сделать все возможное, чтобы ускорить развитие страны. Пятилетний план был практически отброшен. Страна за полтора года, с начала 1992 года до середины 1993 года, пережила нечто похожее на мини-аналог «большого скачка». За форсирование темпов роста пришлось экономически заплатить тремя с половиной годами так называемой «мягкой посадки», то есть периодом борьбы с высокой инфляцией. Однако стратегически Китай выиграл все. На него обратили внимание в мире как на потенциального гиганта. Население поверило в способность партии обеспечить высокие темпы экономического роста. Плюс появилась та формула, которая с той поры определяет развитие современного Китая, а именно: главная задача Компартии — это развитие страны в широком смысле слова с развитием экономики в качестве основы.

В Китае тщательно анализируют причины того, что случилось в нашей стране. Издано огромное количество книг. Вот одна из них — «Размышления в 10-летнюю годовщину краха КПСС» — очень символическая книжка. Красный цвет суперобложки и черный цвет — под ней. Хочу сказать, что это размышления не совсем стороннего наблюдателя, а людей, которые переживают за это, которые в известной мере применяют это к себе.

Очень кратко. Главные причины распада СССР и краха КПСС, как считают в Китае, были причины внутренние. Разрыв между верхушкой партии и народом — это одна из главных причин. Еще одна — неспособность КПСС действовать по-настоящему в правовом поле. Вы, Александр Александрович, называете это «сверхсистемой», но фактически — это был возврат по многим позициям в феодальное, а то и дофеодальное общество. Внешние факторы, конечно, играли роль, но в Китае их главными, определяющими не считают.

Теперь второй вопрос — как себя позиционирует Китай с точки зрения мирового социализма и социалистического строя, этапов и т. д.

В современной китайской историографии весь период с 1956 г., когда Мао Цзэдун в выступлении на закрытом заседании Политбюро ЦК КПК (позднее его речь была опубликована под названием «О десяти важнейших взаимоотношениях») впервые стал критиковать Сталина за пренебрежение интересами крестьянства, подают как период поиска страной своей собственной модели социалистического развития. И в этом смысле даже ошибки Мао Цзэдуна, даже «большой скачок» и «культурную революцию» квалифицируют как ошибки в процессе поиска своей модели развития.

Официально сама идея собственной модели развития была выдвинута в 1982 году на XII съезде Компартии Китая, когда Дэн Сяопин впервые поставил задачу строить социализм с китайской спецификой. Соответственно, обращаясь к тому, что случилось в Советском Союзе, в Китае говорят: да, это поражение социализма, но не в целом, не как такового, а только одной конкретно-исторической модели — советской модели социализма, которая при всех ее огромных достоинствах имела ряд имманентно присущих ей недостатков.

Итак, социализм с китайской спецификой. Что дальше? Следующий важный этап — это 1986 год, когда в Китае выдвинули положение о начальной стадии социализма, на которой страна будет находиться минимум сто лет с момента победы народной революции, то есть до середины нынешнего века.

Что это им дает? Главная задача страны, партии, всего чего угодно, — это развитие производительных сил, для достижения которого буквально все средства хороши. Отсюда отношение к собственности. Сохраняя лозунг «общественная собственность в качестве основы», в Китае на деле проводят курс на многообразие форм собственности, на использование всех форм собственности, которые работают на развитие производительных сил.

Следующая логичная новация — многообразие форм распределения

с распределением по труду в качестве основы. Народ в известной мере удовлетворяют все эти формулы, которые позволяют делать многое и нормально развиваться при сохранении формально прежней идеологической основы.

Хочет ли Китай отказаться от марксизма, от социализма? Нет. Это было бы невыгодно как руководству, так и народу. Потому что любое потрясение в этот сложный период, при том огромном международном давлении, которое на Китай оказывается, — это путь к катастрофе. Плюс еще один важный фактор — проблема социальной стабильности. Она в последние годы заметно обострилась. Есть глубокие противоречия между городом и деревней. В деревне до сих пор живут 60% жителей, и 50% трудоспособного населения заняты или пытаются найти работу. Кроме того, существуют огромные разрывы в уровне жизни между регионами, и т. д. и т. п. Проблема социальной стабильности обострилась, поэтому никаких резких идеологических движений здесь делать нельзя. Как официально ставится задача в настоящее время? Вот, например, решения двух последних пленумов ЦК КПК. Пленум в октябре 2003 г. принял Решение о некоторых вопросах дальнейшего совершенствования социалистической рыночной экономики. Задачи в основном связаны с реформой госсобственности. В валовой продукции промышленности доля государственной собственности ныне порядка трети. Частный сектор дает в настоящее время более 20% валового национального продукта, на него приходится примерно 50% розничной торговли. На сегодня из 260 млн. человек, занятых в городах, в госсекторе работает 68 млн. человек. Разного рода частные и индивидуальные предприятия и «точки» — это порядка 48 млн. человек. Есть огромное количество разных вариаций акционерных и паевых форм собственности. При этом акционерная форма собственности объявлена главной формой реализации общественной собственности. Наконец, есть предприятия с участием иностранного капитала. Термин «смешанная экономика» был впервые официально представлен в решениях

прошлогоднего пленума. Партия, Китай как страна будут и впредь продолжать искать формы и методы соединения социализма с рыночной экономикой.

Можно ли говорить об этом как о «третьем пути?» Китайцы очень осторожны. Но первые заявки на то, чтобы рассматривать развитие Китая как своего рода «третий путь», уже есть. Недавно в нашем Институте вручали степень Почетного доктора одному из самых известных китайских экономистов Ху Аньгану, который всю свою лекцию посвятил именно этому. Опыт развития пореформенного Китая — «Пекинский консенсус» — противопоставляется и «Московскому», и «Вашингтонскому» консенсусам.

Что такое Московский консенсус — это известное совещание 1957 года в Москве. Это общественная собственность и т. д., всего 12 пунктов построения нового общества. Вашингтонский консенсус 1990 года утверждал всеобщую обязательность приватизации, минимизацию государственных расходов на социальные нужды и т. д. В этом смысле «Пекинский консенсус» интерпретируется как уход и от того, и от другого, в том числе от крайностей как огосударствления, так и приватизации. Тем не менее, мое глубокое убеждение, Китай остается в социалистической системе координат. Это просматривается по многим реалиям.

Эпидемия атипичной пневмонии обнажила слабость социальной политики страны. И надо отдать должное новому китайскому руководству во главе с Ху Цзиньтао, которое — пусть это декларативно, пусть это популистски — но тем не менее впервые выдвинуло лозунг «и жэнь вэй бэнь» — «брат человека за основу». Есть попытка реально усилить социальную политику не словами, но выделением значительно больших средств в бюджете, причем не только путем некоторого увеличения абсолютных сумм, но и за счет наращивания относительной доли социальных расходов. В общем, внимание ко многим социальным проблемам явно растет. Хотя, конечно, задача развития системы

социального обеспечения для Китая новая, решается она адекватно рыночным реалиям, то есть с отчислениями в фонды пенсионного и медицинского страхования не только от государства и предприятий, но и от самих работников. Очень важно, что страна движется в этом направлении.

Теперь о последнем пленуме ЦК КПК, который состоялся в сентябре 2004 г. Он принял решение с очень интересным названием — «Решение ЦК КПК об усилении управленческого потенциала КПК как правящей партии». В начальном разделе прямо говорится: решение построено на анализе опыта поражения ряда правящих партий мира. Я думаю, прежде всего КПСС. Снова провозглашено, что главная задача партии — это развитие. В развитии на сегодняшний день главное — это дальнейшее развитие социалистической рыночной экономики. Есть такой лозунг: идти в ногу со временем. Это, пожалуй, главное для компартии Китая — способность отвечать на вызовы времени, модернизироваться. И не только в экономике. Но и в духовной культуре, и в развитии политической системы. Тут есть свои особенности. Я не буду на них останавливаться. Отмечу лишь, что западную систему парламентаризма и разделения властей в Китае продолжают однозначно отрицать как несоответствующую национальным особенностям страны.

Что принципиально важно? КПК позиционирует себя, особенно с 2001 года, с доклада Цзян Цзэминя по случаю 80-летия КПК, не столько как партия социалистическая и коммунистическая, сколько как партия национальная.

Главные лозунги: возрождение китайской нации, мирное возвышение Китая. В Устав партии на XVI съезде КПК (ноябрь 2002 г.) записана такая формула: КПК является авангардом рабочего класса, авангардом всего китайского народа, авангардом китайской нации (поскольку китайцы живут не только в Китайской Народной Республике).

Современной идейно-политической платформой партии является

концепция «трех представительств», согласно которой КПК представляет передовые производительные силы, передовую культуру и коренные интересы народа. Здесь есть подвижки. Цзян Цзэминь делал акцент на передовых производительных силах. А Ху Цзиньтао делает акцент на коренных интересах народа. Он понимает, что партия резко оторвалась от народа, и пытается этот отрыв преодолеть, в том числе с использованием таких элементов, которые можно квалифицировать как левые, например, личный аскетизм, более жесткий антикоррупционный контроль за деятельностью членов партии. В то же время, КПК пытается сейчас очень активно показать, что она участвует в управлении страной на основе законов. Идет пропаганда Конституции, значимости Конституции. Прошла очень серьезная реформа конституции в марте этого года с включением положений о защите прав человека и о защите законно нажитой частной собственности.

Что касается внешней политики, надежд на Китай в деле возрождения соцсистемы, то КНР от этого уходила всегда, уходит и сейчас. КНР себя позиционирует как развивающаяся страна.

Поскольку для судеб и для выживания китайского государства ключевое значение имеют отношения с США, то политика Пекина строится на понимании того, что без нормальных отношений с США ключевые для страны на период до середины XXI века задачи модернизации и возвращения Тайваня не решить. Очень усилился европейский вектор. Это и личный приоритет Ху Цзиньтао. Большое значение придается, конечно, и российско-китайским отношениям. Тут много самых разных аспектов. Я не буду их затрагивать. Китай хотел бы видеть надежный тыл в России или, по крайней мере, иметь в нашем лице страну, которая старается отстаивать свою национальную систему ценностей, а не западную, страну, которая реально выступает за многополярный мир.

Еще один принципиально важный момент. И последний. На этом я

бы хотел закончить. В Китае поняли значение традиций, своего собственного цивилизационного наследия. Поэтому задача модернизации Китая на будущее выстраивается не только как достижение уровня развитых стран тогда-то и так-то, но и как задача, понятная каждому китайцу — создание общества «сяокан», то есть создание среднезажиточного общества. Это понятие существует с доконфуцианских времен.

А следующая фаза — это «датун» — великое единение. То есть не ставится задача построить развитой социализм. Ставится задача национальная по своей сути. Хотя содержание вкладывается современное.

Спасибо.

В. Д. Улас

Скажите, пожалуйста, правда ли, что львиная доля инвестиций, которая идет в китайскую экономику, принадлежит как раз этническим китайцам, которые разбросаны по всему миру?

В. Я. Портяков

Китай привлек свыше 500 млрд. долларов прямых иностранных инвестиций. Полностью вычленив инвестиции этнических китайцев, наверно, довольно сложно. Но, по официальным данным, один только Гонконг — это 45% инвестиций, то есть это 100% этнические китайцы. Еще есть Юго-восточная Азия. Но удельный вес других стран, самых крупных, Японии, США — это порядка 8–9% каждой.

А. А. Зиновьев

Объявляется перерыв.

А. А. Зиновьев

Продолжим работу. Слово предоставляется Леониду Ивановичу Шершневу.

Л. И. Шершнев

Недавно я 20 дней пробыл в Китае. Участвовал в Конференции Шанхайской Организации Сотрудничества, имел большое число встреч на разных уровнях. Меня особенно интересовало соединение социализма с конфуцианством в Китае и сопоставлении этого опыта с соединением капитализма с конфуцианством в Японии. Был приглашен в ЦК Компартии, где по просьбе китайских товарищей поделился своим мнением о причинах поражения Советского Союза в 3-ей Мировой или холодной войне. Несомненно, поражение нашей страны находится в теснейшей связи с поражением Коммунистической партии Советского Союза и коммунистической идеологии. Хочу попутно высказать мысль, что Россия в качестве страны, потерпевшей столь жестокое поражение в войне двух систем, представляет сегодня общечеловеческую ценность, а для Китая особенно, где у власти коммунисты, поскольку противостояние между миром капитализма и социализма в глобальном масштабе не закончилось. Китайцев интересовало, занимается ли кто-нибудь у нас изучением опыта поражения Компартии и коммунистической идеологии? Мне же представляется просто ущербным говорить о перспективах коммунизма, не раскрыв причин его поражения в нашей стране, в Восточной Европе.

Чтобы ответить на вопрос, есть ли будущее у коммунизма, нужны не умозрительные конструкции, а методологические основания и стратегическое мышление, которые дали бы его научно обоснованное видение. Такая задача под силу лишь мощнейшему интеллектуальному центру, хотя какие-то подходы к ее решению могут быть обозначены и в дискуссиях, подобных нашей. В этом мне видится теоретическая и

практическая значимость сегодняшнего обсуждения обозначенной темы.

На мой взгляд, методологический алгоритм подхода к проблеме сводится к постановке и ответу на ряд коренных вопросов:

1. Каков будет уровень развития капитализма в обозримом будущем?
2. Каков будет уровень антагонистических противоречий в обществе и в какой мере коммунисты будут способны использовать их в построении иного общества?
3. Во что переформируется современная идеология коммунистов, учитывая стремление разных политических течений к деидеологизации и тотальную склонность интеллигенции к оппортунизму?
4. Каков будет субъект коммунистической идеологии и будет ли он способен обеспечить ее выживаемость, то есть безопасность?

И наконец, каковы будут геополитическая ситуация и ее условия для появления коммунизма?

Учитывая фактор времени, полагаю необходимым остановиться на рассмотрении лишь отдельных сторон названных проблем, которые мне представляются наиболее актуальными. Например на факторе идеологической безопасности. На мой взгляд, обеспечение идеологической безопасности является более сложным делом, чем физической. Это обусловлено открытостью теорий коммунизма, необходимостью расширения социальной базы на идейной основе, борьбы за пассив. Стоит вспомнить работу В. И. Ленина «Детская болезнь левизны в коммунизме», целиком посвященную тому, как защитить партию. Но эта работа оказалась партией не усвоенной.

Предшествующий опыт показал нам печальную историю неспособности правящей коммунистической партии защитить свою идеологию, слом которой длился не один год. Партия почему-то не видела гибельности этого процесса для себя, для страны. Как оказалось, она не обладала истинной системой безопасности, защитными механизмами самой себя, своей идеологии. Она не смогла переварить такое большое

количество членов — почти 20 млн. человек, как-то дифференцировать их по уровню сознания и преданности идеям коммунизма. Поэтому в ее организациях возобладал центризм как форма оппортунизма. Партия недооценила опасность роли интеллигенции, особенно творческой, в разложении общества и самой партии. Она не смогла противодействовать методам, которые использовали против нее спецслужбы США и других стран Запада. Наивными оказались ее надежды на КГБ, который будто бы обладал возможностями идеологической защиты. Да, в структуре КГБ было 5-ое главное управление, в задачи которого входила борьба с антисоветизмом и антикоммунизмом, но в силу ряда причин и оно оказалось беспомощным. К тому же, партия сама отвела КГБ от наблюдения за своими функционерами. И как следствие, в самом ядре партии, в партийной элите сформировалась 5-я колонна, ставшая в последующем ядром криминально-буржуазного контрреволюционного переворота 1991 года. А высшие сотрудники КГБ спокойно перешли на работу в частные капиталистические банки защищать воровской капитал.

Поэтому вопрос о носителях и производителях коммунистической идеологии — сущностный в наших рассуждениях о судьбе коммунизма. Если это будут интеллигенты, то какие? В современном обществе, в своей массе они оказывают интеллектуальные или информационные услуги, разделяют либеральные ценности. Мы знаем, уже многие видные ученые на Западе признают, что либерализм себя исчерпал. Но что взамен? Теория умалчивает. После поражения Советского Союза, коммунистической идеологии, примитивных поборников социализма поубавилось, хотя признание того, что социализм эффективнее капитализма, остается. И в этом, видимо, шанс коммунистического будущего.

Ведущим вопросом во всем нашем обсуждении, естественно, должна быть собственность, ее формы, структура владельцев. Скажем, какие метаморфозы ждут средний класс? Начиная от Томаса Мора, все классики социализма и коммунизма выступают против частной собственности и

ратуют за общественную собственность. Уже и на Западе есть немало свидетельств тому, что будущего за капиталом нет, если человечество хочет развиваться на основе гуманистических принципов. Тем не менее в России утверждается частная собственность, как и в других бывших странах социализма. По современному опыту России, капитализм не смог эффективно переработать социалистическую собственность. Он не справился также с общественным сознанием, его перестройкой. Он показал образец разворовывания общественной собственности и массового разложения людей. Капитализм оказался не в состоянии предотвратить рост противоречий в российском обществе. В нашей стране утверждается частная собственность и характер отношений, присущих капиталистической формации начала прошлого века.

Идеи социализма могут зарождаться главным образом среди той интеллигенции, которая заинтересована в обосновании некой справедливости жизни, но с дальнейшим развитием капитализма несправедливость будет нарастать. Видимо, наступление социализма и коммунизма» следует ожидать там, где имеется особый слой образованных людей, понимающих, что необходимо бороться за справедливость. В свою очередь, готовность к этой борьбе будет определять положение людей в обществе. Нужна ли будет капитализму интеллигенция, когда она заменяется сферой интеллектуальных услуг и не допускается к собственности? В то же время либерализм остается главным защитником несправедливости, при том, что пытается обязать капиталистов делиться частью прибыли ради сохранения их господства.

Для будущего коммунизма социальная стратификация общества сохранит свое непреложное значение. В условиях, когда классовые отношения размыты, очевидно, большее значение будет иметь расслоение общества по другим признакам, например, на представителей «золотого миллиарда» и тех, кто не войдет в него; на управленцев и хозяев и др. Особый интерес будет представлять социальная стратификация общества в

разных частях света и, в частности, ее структура. Возможно, в Китае или Индии коммунизм получится быстрее, чем в России.

Как показывает наша дискуссия, в том числе и выступление ответственного деятеля КПРФ, вопрос остается открытым: что понимается под коммунизмом? Раньше полагали: общество без государства, без классов, с распределением материальных и духовных благ и др. Псевдокоммунизм Хрущева, социализм Пол Пота, поражение коммунизма в СССР и странах Восточной Европы — все это ослабило его привлекательность.

И наконец, коммунизм — это познанная необходимость? Но необходимость вне случайности не проявляется. Что же было в Советской России? Случайность? Если так, вызреет ли он в необходимость? Чего стоит приобретенный отрицательный опыт построения коммунизма в нашей стране? Набрал ли у нас коммунизм опыт борьбы за свое существование? Или мы будем стыдиться мифа о полной и окончательной победе социализма в СССР?

В этой связи хотелось бы обсудить проблему геополитического положения России в отдаленной перспективе. Останемся ли мы в нынешних границах, расширятся или сузятся до московского кольца?

Каков будет уровень антагонических противоречий в мире? Коммунизм, очевидно, возникнет на фоне или в результате серьезных катаклизмов, глубочайших кризисов. Просто так капитализм своих позиций не сдаст, от прибыли не откажется. Поэтому важно представлять динамику антагонизмов. Идет ли речь о построении коммунизма в одной стране или во всем мире? Каков механизм построения коммунизма? Можно ли коммунизм построить без партии? Есть ли монополия у коммунистических партий на построение коммунизма? Какими качествами и структурами, какими средствами должны обладать субъекты построения коммунизма? Думается, пока в российском обществе нет брожения умов по поводу коммунизма. Так надо ли его будоражить или стоит подождать

созревания условий для постановки проблемы будущего коммунизма в теории и на практике?

Убежден, что у коммунизма как идеала справедливости есть будущее, а вот какова будет его модель, предсказать сложно. Продуктивность разговора о будущем коммунизма во многом будет определяться научностью гипотезы ожидаемого общества, объясняющей, какие цели мы можем поставить и достичь. На выработке такой гипотезы и следовало бы сосредоточиться участникам сегодняшней дискуссии, другим заинтересованным лицам и структурам.

Спасибо за внимание.

А. А. Зиновьев

Слово имеет Андрей Ильич Фурсов. Подготовиться Б. Ф. Славину.

А. И. Фурсов

Уважаемые коллеги, я приготовился говорить по нескольким вопросам, но, думаю, что времени хватит только на один вопрос и на короткую реплику.

Я занимаюсь теорией и историей социальных систем. Проблема коммунизма для меня — это не проблема того, что писал Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. Это проблема реальности той социальной системы, которая существовала в Советском Союзе с 1917 по 1991 год, ее связь с русской историей и место в капиталистической системе. Этим я и ограничусь.

Одна из линий обсуждения в 1990-е годы проблем исторического коммунизма — я предпочитаю этот термин, акцентирующий строй, который существовал в истории, а не на бумаге, — заключалась в том, что постоянно говорили о некоей его случайности в русской истории. То есть, с коммунизмом Россия отклонилась от некоей нормы. И если вы помните, первая Дума, которая была создана в начале 90-х годов, какое-то время

называлась пятой: было четыре Думы до революции, а вот здесь появилась пятая, затем шестая. Потом поняли, что это некий перебор. Однако логика, согласно которой коммунистический порядок в СССР есть некое отклонение от каких-то общих (читай: западных) норм сохраняется до сих пор. Я думаю, что эта логика и основанные на ней схемы глубоко ошибочны. Как с точки зрения русской истории, так и с точки зрения истории капиталистической системы комстрой не является отклонением, его возникновение глубоко закономерно по обоим указанным историческим линиям. В этом плане даже можно говорить о некоем сверхдетерминизме, о двойной массе социально-исторического детерминизма.

Посмотрим на советский коммунизм под «русским углом зрения».

В русской истории до революции 1917 г. существовали три исторические структуры: Московское самодержавие, Петербургское самодержавие и пореформенная Россия. Каждая из них имела свою господствующую группу, соответственно — боярство, дворянство и пореформенное чиновничество. С точки зрения численности этих групп, то есть охвата властью общества, здесь совершенно ясная тенденция. Дворян было больше, чем бояр, пореформенных чиновников было больше, чем дворян, то есть власть разбухала и охватывала все большую часть общества.

А вот с точки зрения собственности прогрессия совершенно противоположная: чиновники в среднем были беднее дворян, дворяне были беднее, чем бояре или, как минимум, менее обеспечены собственностью.

Дворяне, которые считаются в русской истории группой, наиболее похожей на класс, на самом деле были очень бедной социальной группой. Чтобы вести социально приемлемый дворянский образ жизни в период с 1779 по 1861 год нужно было иметь сто душ или денежный эквивалент. Только 20% дворян имели сто «душ» или такой эквивалент. Очень часто

они просто проживали свое будущее, закладывая «души». В 1861 г. крестьян, помимо прочего, смогли освободить и по следующей причине: 66% крестьян были и так уже заложены их помещиками государству.

Таким образом, в течение нескольких столетий центральная логика и главная тенденция русской истории заключалась в том, что привластные (господствующие) группы становились более многочисленными, а собственности в их руках сохранялось все меньше. С этой точки зрения комстрой и советская номенклатура — логичное завершение долгосрочной тенденции, полное очищение власти от собственности. Ведь номенклатура — это господствующая группа, чье положение определяется исключительно властными характеристиками, которые внешне фиксируются в качестве и количестве иерархически ранжированного потребления — пайка.

Поразительно, но в самом начале исторического пути русской власти, в канун и в момент рождения (в виде опричнины) ее первой исторической структуры — Московского самодержавия — идея структурирования господствующих групп не на собственнической, а на властно-потребленческой основе, уже была высказана. В середине XVI века монах Ермолай Еразм подал Ивану IV, тогда еще не Грозному, аналитическую записку, которая на языке XVI века называлась «сказкой», в которой предложил перестать раздавать поместья за службу дворянам, а посадить их всех на продовольственный паек. Ивану IV идея понравилась, но он не осмелился. А вот Учраспред, созданный в 1920 году при активном участии Сталина, идею Ермолая реализовал. И это был не волюнтаристский акт, к этой власти без собственности Россия шла очень долго — и дошла.

Теперь взгляд на коммунизм с точки зрения капиталистической системы. Есть один парадокс исторического коммунизма, на который не обращают внимания. Коммунистические идеи существовали даже не со времен Христа, а со времен киников. Однако, как социальная система

коммунистический порядок возник только как антикапитализм. Не было коммунизма как «антирабовладения» или как «антифеодализма». Исторический коммунизм существовал только в качестве антикапитализма, в качестве отрицания капитализма на определенной (индустриальной) стадии его развития. Я не буду вдаваться в детали, скажу кратко: на определенной стадии своего развития капитализм способен существовать и со знаком «плюс», и со знаком «минус», то есть как антикапитализм. И этим антикапитализмом логически стала Россия, которая с помощью антикапитализма решила проблему самоочищения от собственности.

А негативный капитализм, антикапиталистический проект Запада, с помощью и на основе России решил свою задачу — он создал мировую антикапиталистическую систему. В связи с этим анализ коммунизма — теоретически задача значительно более сложная, чем анализ русской истории и истории капиталистической системы. Здесь нужна теория значительно более сложная и тонкая.

Ну и теперь реплика — я хочу ответить Вадиму Михайловичу и Леониду Ивановичу вместе. Вадим Михайлович заметил, что капитализму нужно бояться ученых, интеллигенции, а Леонид Иванович сказал в своем выступлении, что власть проморгала творческую интеллигенцию, разрушительный потенциал которой способствовал разрушению системы и страны. Я думаю, что на самом деле ни капитализму, ни коммунизму ученых бояться не надо. 30 лет работы в нашей академической и университетской среде и контакты с западными коллегами показали очень простую вещь: ученые продаются и покупаются так же, как и представители других профессий, а может еще проще и лучше.

Что касается роли творческой интеллигенции в эволюции советского общества, то, я думаю, не надо ловиться на один из шестидесятнических мифов. Он сконструирован так. Была оттепель. Были либеральная интеллигенция и консервативная власть. Либеральная интеллигенция противостояла консервативной власти, всяким сусловым-ильичевым и

боролась за черно-белого (à la Неизвестный) Хрущева. Боролась, проиграла, но не допустила реставрации сталинизма при Хрущеве и Брежнев.

На самом деле все было иначе. Как пел Высоцкий, «нет, ребята, все не так, все не так ребята».

На самом деле была консервативная фракция власти. И при ней была консервативная интеллигенция. И была либеральная фракция власти. И при ней либеральная интеллигенция. Эти две группы номенклатуры выясняли между собой отношения не столько сами, сколько с помощью двух этих фракций интеллигенции, которые ни в коем случае не были самостоятельными.

Шестидесятники проделали следующий трюк. Они элиминировали из своего мифа консервативную интеллигенцию и либеральную власть. Остались некая консервативная власть и некая либеральная интеллигенция, которая с этой властью боролась, в том числе и за Хрущева. На самом деле это примерно то же самое, как если бы Дюма писал «Трех мушкетеров» и с одной стороны были бы кардинал Ришелье, Рошфор и миледи, а с другой стороны — не король, де Тревиль и мушкетеры, а только слуги мушкетеров. Я не хочу сказать, что интеллигенция — это прислуга, но нужно помнить, что либеральная интеллигенция, как вообще интеллигенция в советском обществе, обслуживала номенклатуру. Поэтому не надо ее полностью отделять от либеральной номенклатуры. Проблема «творческой либеральной интеллигенции» — это проблема либеральной части номенклатуры, и не надо питать по этому поводу никаких иллюзий. Спасибо.

А. А. Зиновьев

Слово имеет Борис Федорович Славин.

Подготовиться Ковалеву Александру Митрофановичу.

Б. Ф. Славин

Я сначала сделаю возражение всем основным докладчикам. Межуеву мне возражать особенно не хочется, поскольку у нас вышла совместная книга полемики об идеологии и о социализме, — я отсылаю интересующихся к ней. Скажу только одно. С его идеалом и пониманием коммунизма я согласен, но не согласен с тем, что он вырывает целую пропасть между идеалом и действительностью, между будущим и настоящим, фактически отрицая политический характер социалистического и коммунистического учения и движения. Что касается выступления идеолога КПРФ, то я считаю, что он просто продемонстрировал сегодня воспроизведение той же идеологии, благодаря которой произошло крушение КПСС. Ничего нового он не дал. Отрыв идеологии от жизни и классических взглядов Маркса — одно из слабых мест сегодняшней идеологии КПРФ. Ее идейные представители не видят ни причин крушения КПСС, ни реальных перспектив развития общества.

Что касается Александра Александровича, то, мне кажется, главное мое возражение ему состоит не в плане того, что он говорил о советской системе, вычлняя ее позитивные стороны, а в причинах ее падения. Непонятным остается вопрос, как же могла такая позитивная система рухнуть. Где же ее преимущество, если она рухнула?

И второе возражение. Я не согласен с интерпретацией марксизма, поскольку марксизм, как он его характеризует в своих книгах и сейчас в выступлении, это фактически идеология КПСС времен 30-х годов.

А теперь по существу. По идеалу Маркса. Я написал книгу о социальном идеале Маркса специально. Считаю, что Маркс отождествлял понятие коммунизма и реального гуманизма, считал, что коммунизм есть преодоление всех форм отчуждения — экономического, политического, социального и духовного. Это главный стержень. К сожалению, этот стержень не был воспринят КПСС в 30-х годах, хотя в 20-ые годы эта идеология имела место, но потом была ликвидирована вместе с

ликвидацией правой и левой оппозиции.

Теперь о том, каковы причины крушения Советской власти. Александр Александрович настаивает на идее агентуры, то есть пятой колонны в СССР. Идеолог КПРФ говорил о том же самом: что измена вождей чуть ли не главная причина крушения Советской власти и СССР. Я считаю, что преувеличивать роль вождей таким образом, что они могут изменить целую систему, — это ничего общего не имеет ни с марксизмом, ни с научным подходом вообще.

Я считаю три основных причины, которые способствовали крушению Советской власти.

Прежде всего, советский социализм не выдержал конкуренции с капитализмом. По Ленину, он не дал более высокой производительности труда, чем он должен был дать как более прогрессивный строй.

Во-вторых. Он не создал более высокого жизненного уровня. Он создал средний жизненный уровень, но более высокого уровня, чем в капиталистических странах, он не создал. Поэтому люди предпочли в 90-х годах капиталистический мир социалистическому. Теперь, правда, кусают локти, поскольку они получили еще худшую ситуацию, чем была при Советской власти. Но факт остается фактом — жизненный уровень их во многом уступал жизненному уровню людей в развитых капиталистических странах практически по всем параметрам, за исключением, может быть, образования. Даже система социального страхования и медицина были в качественном отношении хуже, то есть Запад сделал на основе учета советской системы более совершенную систему социального и медицинского обслуживания населения.

Третья причина. Она связана уже с ролью партии в советском обществе. Партия, конечно, стала зазнавшейся партией, оторвалась от народа, потеряла свои социальные корни, уходящие в толщу трудового народа, поэтому, когда она сошла со сцены, ни один трудовой коллектив не вышел на ее защиту. Это факт.

В духовном отношении она оставалась догматической партией. Здесь я согласен с А. А. Зиновьевым, который критикует догматизм идеологии КПСС. Она отошла от основных идей марксизма, поэтому и рухнула.

Вот эти три основные причины показывают, что нужно сделать левым силам, если они вновь придут к власти. Они должны, прежде всего, начать с экономики. Решить проблему бедности, которую не может решить сегодняшняя буржуазная власть. Создать более высокие темпы производительности труда, чем в развитых капиталистических странах. Создать более высокий уровень жизни. Стать партией открытой, которая видит, в чем сегодня состоят основные вызовы современности, включая глобальные проблемы.

Я не указал еще одну важнейшую причину, связанную с вышеназванными. Советской властью не была реализована идея, с которой шел рабочий класс в 1917 году на революцию, то есть создать более демократическое общество, чем западный мир. Дать демократию, которая бы давала возможность каждому труженику участвовать в управлении производством и обществом. Если вы посмотрите статистику членов КПСС, то вы увидите, что это была в основном партия чиновников и служащих: удельный вес рабочих был минимальным. Как сегодня Единая Россия, так и КПСС представляла не те слои, которые она декларировала как свою социальную базу, а сугубо бюрократический аппарат, который отчуждал власть от собственности.

Вот решение всех этих проблем и должно лечь в основу программы нового левого движения, которое рано или поздно должно возникнуть на развалинах прежних партий. К сожалению, КПРФ, да и недавно отколовшаяся от нее ВКПб, судя по их современным программам, ничего нового здесь не дают, или образно говоря, дают «тех же щей, пожиже или погуще влей».

А. А. Зиновьев

Слово имеет Ковалев Александр Митрофанович.

Подготовиться Серебрянникову Владимиру Васильевичу.

А. М. Ковалев

Благодарю за представленную возможность участвовать в настоящем обсуждении. Хотелось высказать несколько слов о социализме. Еще в 1959 году я написал статью «Полная и окончательная победа социализма в СССР» и отправил ее в «Коммунист». Через некоторое время мне говорят: мы обсуждали, и мнения разделились. Одни считают, что окончательная победа достигнута. Другие — нет. Поэтому, мы решили пока воздержаться от публикации. Недели через две-три выступает Н. С. Хрущев и заявляет, что у нас достигнута полная и окончательная победа социализма. Я звоню в «Коммунист» и говорю, ну теперь-то вы опубликуете статью? Нет, — говорят, пока речь Хрущева не опубликована, мы тебя не будем публиковать. Лишь после XXI съезда КПСС вышла моя брошюра.

Я хочу этим сказать, что социализмом я занимаюсь очень давно. Но я должен вам сказать и другое, что, занимаясь этой проблемой длительный период (многие не знают, что заведовал кафедрой и отделением научного коммунизма в Московском университете), в конце 80-х годов пришел к выводу о том, что общество, которое у нас было построено, не могло быть социализмом. Хотя я убежден, что если бы этого общества у нас не было, со всеми его достоинствами и недостатками, то мы бы проиграли Вторую мировую войну, как до этого Россия проиграла три войны: Крымскую, русско-японскую и Первую мировую. Конечно, построенное у нас общество было закономерным, но, тем не менее, это не социализм. Я опубликовал книгу, которая вышла еще в 1990 году «Что же такое социализм», где это стремился доказать.

Почему я пришел к этому выводу? Давайте размышлять над этим.

Прежде всего возникает вопрос почему социализм победил не в

развитых странах капитализма, где было большинство рабочего класса, где были массовые коммунистические партии, а победил сначала в России, а потом в Китае, Вьетнаме на Кубе, в Корее и т. д., странах экономически отсталых, где число рабочего класса достигло, например, в Китае 4%, а у нас 11%, и он повел за собой весь народ. В конечном счете, революции в России, Китае и ряде экономических отсталых стран означали переход к промышленной цивилизации, который в этом регионе совершался позднее, причем если в странах Запада он сопровождался целой серией буржуазных революций, то в странах Востока он ознаменовался победой революции несколько иного характера и направления, то есть антикапиталистических и антидемократических, но отнюдь не социалистических. Еще Маркс писал об «азиатском способе производства». Вот это сочетание азиатских общественных структур и промышленной цивилизации и породило общественную систему, которая отличается от стран Запада, но не тот социализм, о котором писал Маркс и о котором мы размышляли.

Социализм — это первая фаза коммунизма. Согласно марксизму-ленинизму, он обязателен для всех стран мира. Но разве Америка пойдет по китайскому пути? Или Китай пойдет по пути Америки, или Америка наш опыт воспримет? Конечно нет.

Но сводить проблему повторяемости в истории лишь к формационному подходу нельзя.

Я поехал в Архангельскую область. Мне говорят: а у нас никогда частной собственности на землю не было. А я говорю: а ветреные мельницы? И сейчас некоторые еще стоят. А никакой частной собственности на землю не было. Это доказывает, что нельзя только по одному экономическому укладу, уровню производственных сил, определять развитие и структуру общества. По этим критериям определить что-то можно только в том случае, если все другие компоненты общественной структуры, природная среда, народонаселение более или менее одинаковы. Если же они различны, то одна и та же цивилизация

может реализоваться разных общественных формаций. Ведь до войны наши ученые искали рабство в России. Почему? Потому, что раз рабство было в ряде стран, то это обязательный компонент, оно должно быть у нас. А на самом деле, рабства в России не было. Кстати, и в Китае, не было рабства. То есть не всегда формационная повторяемость может соблюдаться. И в этой связи Плеханов говорил: поскольку у нас революция совершается в отсталой стране, а после феодализма должен наступить капитализм, давайте Россию направлять в капиталистическое русло. Большевики, наоборот, считали, что поскольку после капитализма следует социализм, то давайте, в России строить социализм. Современные либеральные демократы говорят: раз не вышло с социализмом, давайте строить капитализм на американский манер. То есть для всех существует либо капитализм, либо социализм, а что сверх того — то от лукавого.

Я думаю, что восточные особенности создают предпосылки для появления общественных структур, которые надо изучать, исследовать и развивать.

Но не только возникновение социализма вызывает массу вопросов, немало вопросов вызывает также и его уход с исторической арены. Многие считают, что т. н. социализм в нашей стране пал в результате измены и предательства разного рода враждебных элементов внутри страны. Однако при этом нельзя не задаваться вопросом: как могло случиться, что в стране, в которой насчитывалось 22 млн. коммунистов и несколько миллионов комсомольцев, что с их семьями и близкими составляло около 1/3 всего населения страны, могла возникнуть столь сильная оппозиция, способная сокрушить советский строй при отсутствии каких-либо внешних катаклизмов или войн. Не может также возникнуть вопроса и относительно того, почему «самый справедливый и самый прогрессивный общественный строй пал при почти полной пассивности народа, который легко расстался с ним не встал на его защиту. Многие считают, что социализм в СССР пал в результате происков империализма.

Действительно, как и внутреннего предательства этого нельзя отрицать. Возникает вопрос: почему же внешняя агентура сработала? Вспомните, что в странах Запада были коммунистические партии. Итальянская компания насчитывала 2 млн. 200 тысяч. Французская — 1 млн. 800 тысяч. Почему же наша агентура не сработала на Западе, а у нас их агентура сработала? Почему такое произошло?

Ответ на все эти вопросы дали в свое время еще Маркс и Энгельс, которые указывали, что если пролетариат придет к власти в стране, не готовой к социализму, то там рано или поздно возродится вся старая мерзость. Вот эта мерзость и возродилась.

Я думаю, что здесь произошло то, что советское общество возникло на определенном этапе, как необходимый переход к промышленной цивилизации, для подготовки отпора врагу и т. д. Когда это было достигнуто, то оно просто изжило себя и потребовало перехода к новым структурам. Другое дело — то, что сейчас делается: это совершенно неправильно страна идет не в ту сторону, не учитываются ее особенности. Это не значит, разумеется, что нам надо вернуться обратно или встать на американский путь. Конечно, нет. Должны учитываться своеобразные особенности развития России.

Пытаясь реабилитировать и возвеличить Троцкого и принизить Сталина, некоторые экономисты считают, что победа социализма в одной отдельно взятой стране вообще невозможна без победы мировой революции, о чем заявлял Троцкий. И якобы это показал опыт нашей страны. На самом же деле опыт нашей страны, отразившей интервенцию стран Антанты в период Гражданской войны, разгромившей фашизм в Отечественной войне и добившейся грандиозных результатов в экономике и культуре, показал возможность победы социализма в одной стране, тем более если бы социалистическая революция победила, например, в США.

Опыт нашей страны показал не невозможность победы социализма в одной стране, а то, что социализм невозможен в условиях промышленной

цивилизации, как невозможен был капитализм в условиях земледельческой цивилизации.

А. А. Зиновьев

Слово предоставляется Серебрянникову Владимиру Васильевичу.

В. В. Серебрянников

Уважаемые коллеги, я хотел бы подчеркнуть, что, действительно, заслушанные перед нами доклады являются творческими, выдвинут ряд радикальных идей, взглядов и оценок, многие из которых являются революционными.

Вместе с тем сложность обсуждаемых проблем заставляет, как говорится, огрублять и упрощать те вещи, о которых мы говорим. Естественно, такое упрощение допустимо в определенных рамках. Мне кажется, что, может быть, я ошибаюсь, но в целом ряде случаев вот эти рамки допустимых упрощений переходили в невыгодную для рассматриваемой проблемы сторону. Я коснусь, прежде всего, того, о чем говорил Вадим Михайлович, который в результате своего выступления подвел итоги и сказал: коммунизму ни в рамках экономики, ни, по существу, в рамках политики и в рамках культурной жизни места нет.

Мне кажется, что несколько упрощенно была подана марксистская идея о развитии производительных сил, об идее освобождения рабочего класса и трудящихся. В частности, действительно, развитие производительных сил никогда в марксизме не рассматривалось как самоцель. Никогда не рассматривалось в марксизме как самоцель освобождение рабочих, трудящихся от рабочей функции, о которой говорил Вадим Михайлович. Как можно считать серьезной теорию, которая ставит вопрос об освобождении от рабочих функций трудового рабочего?

Никогда не ставился вопрос об освобождении от рабочих функций.

И не случайно, я скажу, в выступлении по такому серьезному вопросу не прозвучало, что вопрос ставился об освобождении не от трудовой функции, а от эксплуатации. Вы этого слова совершенно избегали. Думаю, что вот это «избегание» влечет очень и очень серьезные последствия для рассмотрения в целом всей проблемы. Я еще коснусь этого. Это положение ведет к огрублению теоретического представления идеи коммунизма.

Или ничего не сказано о справедливости. А ведь это центральная идея коммунизма и центральная идея марксистской теории. Или говорится о том, что поставили вопрос о том, чтобы освободить человека, а для чего его освободить, — не разъяснили, вроде. Я думаю, что это опять не соответствует действительности. Если мы посмотрим на развитие взглядов марксистских, в т. ч. зафиксированных в программах бывшей нашей коммунистической партии, то мы увидим, что там все очень обстоятельно проработано. Даже во второй программе, которая была принята в начале XX века. Ленин, выступая в полемике, говорил: да, развитие производительных сил и в условиях капитализма может быть доведено до такого уровня, когда материальные потребности народа, трудящихся могут быть удовлетворены вполне. Он говорил: да, и демократия в условиях капиталистического общества может быть доведена до очень высокого уровня. Говорят о том, что социализм — это непременно, как самоцель, развитие производительных сил для удовлетворения материальных потребностей, а демократия — для участия во власти. Но есть еще более высокая цель. Специально по его настоянию она была зафиксирована в программе. Это развитие человека. Я согласен с Борисом Федоровичем, который подчеркнул коммунистическую идею в рамках коммунизма и марксизма-ленинизма. Причем, у Ленина это очень обстоятельно было проработано.

Что значит освобождение личности, человека? Это не только его всестороннее развитие: физическое, интеллектуальное, духовное и т. д., владение всеми богатствами человеческой культуры. Но и дальше Ленин

говорил, что речь идет о том, чтобы предоставить и создать условия для человека, когда он все эти свои способности может реализовать. Может в практике использовать, в реальной своей жизни. Поэтому я говорю, что вряд ли вот такие упрощения допустимы. Хочу обратить внимание, не имея возможности развить эту идею, что тот коммунизм (я согласен в этом отношении с Александром Александровичем), который строился у нас, вот эту коммунистическую идею, несмотря на все издержки, которые существовали, осуществлял.

Приведу только один факт. Недавно мне пришлось столкнуться. Выступаю в одной аудитории, мне говорят: сталинизм, вот, понимаете, — крестьянство давили, никуда не пускали. Мы специально с Институтом военной истории провели исследование. 80% маршалов, генералов армии и высочайших начальников — это выходцы из крестьян. Подчеркиваю, — из крестьян. Та интеллигенция, которая руководила промышленностью, сельским хозяйством, армией, всеми делами в том государстве, — это был новый человек. Это был человек из трудящихся. Это доказывает, что идея, о которой говорил Маркс, которая была зафиксирована в программе партии в начале XX века, реально осуществлялась при коммунизме. То есть мне кажется, что не надо утыкаться в умозрительные конструкции. А больше — реальные документы, реальные труды анализировать, чтобы конкретно обсуждать такие сложные и большие проблемы.

Спасибо.

В. М. Межуев

Позвольте мне реплику. Я напомним два выражения Маркса из подготовительных рукописей.

Первая задача. Свести необходимый труд к минимуму.

Второе. С какого-то момента главным мерилom общественного богатства, по Марксу, становится не рабочее время, а свободное.

Так это же прекрасно.

Вот эту сторону дела, то есть чисто гуманитарную сторону дела коммунизма мы не заметили. Мы заметили все экономические аспекты. Мы не заметили этого, для чего это все делается.

Про это я и говорил.

А. А. Зиновьев

Слово предоставляется Болдыреву Юрию Юрьевичу.

Ю. Ю. Болдырев

Уважаемые коллеги, я хочу выразить благодарность организаторам этого мероприятия.

Мне представляется, если мы говорим о том, что нужно не оплевывать прошлое и хранить традиции любого общества — китайского, российского и т. д., — нельзя допускать, чтобы и на интеллектуальном уровне, и на уровне практической деятельности мы с каждым новым витком истории выплескивали вместе с водой ребенка. В этом смысле советский исторический период жизни нашей страны, при всех известных издержках, тем не менее, ничем принципиально не хуже предшествующих. Его тоже нужно уважать, а не оплевывать.

Безусловно, советская система создала невиданные ранее лифты вертикальной мобильности. Создала невиданные прецеденты, когда масса людей получила те возможности, которых она не могла иметь ни в какой другой ситуации. Не оспаривая Ваш тезис (а Вы сказали, что не коммунизм решил проблемы, а лишь капитализм), может быть, предлагая свою трактовку Вашего тезиса, я бы сказал: так же, как не ядерная бомба решила проблему сохранения мира, а ее наличие, точно так же здесь ярко выраженная, может быть, крайняя теория самим фактом своего существования и фактом попыток ее реализации, пусть с искажениями, тем не менее, оказала колоссальное воздействие на весь мир. В этом смысле, безусловно, коммунизм — и реальный, и теоретический — сыграл

огромную роль в истории XX века, в истории человечества.

Далее хотел бы ограничиться репликой, касающейся не теоретического, а сугубо практического аспекта.

В конечном счете, социальные теории прагматичны. В том смысле, что они преследуют целью решение не надуманных, а совершенно реальных, злободневных проблем, в данном случае — создание более справедливого общества, освобождение угнетенных слоев населения, создание для них лучших условий.

Сегодня в нашей стране налицо и то, что называлось «порабощением рабочего класса», угнетением значительной части населения, и то, что называлось «гнетом внешней буржуазии». В обоих случаях мы имеем ситуацию неравноценного, несправедливого обмена. Можно называть это эксплуатацией. Можно называть иначе. Но существенные признаки того, что заставило в свое время разрабатывать революционные теории, и сегодня налицо.

Наверное, теоретикам имеет смысл спорить о тех или иных нюансах теории, но для практиков важно выстроить, может быть, не абсолютно идеальную, но практическую концепцию и программу развития общества и государства, которая позволила бы сегодня:

а) не разделяться левым и левому центру, в том числе коммунистам, ВКПб и т. п., а создать в стране широкое левое, социальное движение, противостоящее монополии и произволу крупного капитала;

б) создать широкое национально ориентированное движение, противостоящее господству транснациональных корпораций и стоящих за ними государств «золотого миллиарда».

То есть задача — найти адекватные применения этой и иных, в том числе, социал-демократических теорий, к сегодняшнему дню, современному миру и нашему положению в нем.

За ваш вклад в эту работу присутствующим здесь большое спасибо.

А. А. Зиновьев

Слово предоставляется Шендрику Анатолию Ивановичу.

Подготовиться Гусейнову Абдусаламу Абдулкеримовичу. После будет выступать Митрошенков Олег Александрович, а потом заключительное слово будет предоставлено докладчикам.

Прошу.

А. И. Шендик

Прежде всего, мне бы хотелось подчеркнуть, что, сегодняшней наш разговор с полным основанием может рассматриваться как примета времени. Еще несколько лет тому назад рассуждать всерьёз о судьбах мирового коммунизма могли позволить себе только некоторые представители интеллигенции, сохранившие свои коммунистические убеждения и негативно воспринимающие те перемены, которые происходят в российском обществе, да немногочисленные партийные функционеры тех политических партий, которые позиционировали себя как принадлежащих к левой части политического спектра. Иногда к этой теме обращались публицисты правого толка, но они не столько пытались выяснить то, есть ли будущее у коммунизма, сколько ёрничали по поводу «закоренелых догматиков», которые ничего не поняли и ничему не научились.

Сегодня судьбы мирового коммунизма интересуют значительно более широкий слой думающих людей. Демонстрируя способность к критической оценке не только прошлого, но и настоящего, они переосмысливают не только те оценки, которые ими давались ранее тому строю, что возник в России после Великой Октябрьской социалистической революции, но и те поспешные приговоры, которые были вынесены в начале 90-х годов советской модели социализма, коммунизму и марксизму.

Это в значительной степени объясняется тем, что сегодня Россия, как и в 1917, и в 1991 снова стоит перед выбором. Крах реформ очевиден. Об

этом откровенно говорят и пишут представители как левых, так и правых партий. Общим местом в их работах является признание того факта, что ни одна из задач, которая ставилась идеологами и вдохновителями реформ в начале 90-х годов, не решена. За 13 лет превратить Россию в одну из передовых стран не удалось. Она явно не является на сегодняшний день частью так называемого «цивилизованного мира», который по-прежнему с большой настороженностью смотрит на Россию, всячески препятствуя ее превращению в высокоразвитую державу, полноправного члена «глобального клуба». Уровень жизни большинства населения остается таким же низким, как и до начала реформ. Победить коррупцию не удалось, как не удалось справиться с организованной преступностью.

Более того, сегодня явно наметился откат назад, о чем можно судить по беспрецедентному усилению влияния исполнительной власти, замедлению темпов формирования структур гражданского общества, увеличению бюрократизации общественной жизни.

В этих условиях обращение к теме, которую мы обсуждаем, является не только своевременным, но и весьма важным. Разговор относительно того, куда необходимо идти, какие необходимо сделать выводы из тех ошибок, которые были совершены как в далеком прошлом, так и в относительно недавние времена, представляет огромную значимость.

Второе на что мне бы хотелось обратить внимание так это на то, что наш разговор носит весьма хаотичный характер. В значительной степени это объясняется тем, что количество проблем, вынесенных сегодня на заседание Русского интеллектуального клуба, явно превышает возможности их глубокого осмысления. Стоит ли доказывать, что проблема причин поражения КПСС и распада СССР суть самостоятельная проблема для отдельного разговора. Совершенно другая проблема – проблема перспектив мирового коммунизма. Третья проблема – это проблема оценки исторического опыта строительства социализма в СССР

и той модели социального устройства, которая была воплощена в жизнь в советский период отечественной истории.

На мой взгляд, прежде всего, надо определиться, что мы обсуждаем: вопрос о судьбе идеи коммунизма; вопрос о реальности построения общества, основанного на принципах гуманизма, социального равенства, социальной справедливости; вопрос о судьбе социализма в России и возможности возврата страны на путь социалистического развития или какой-то еще вопрос.

Если мы обсуждаем вопрос относительно судьбы идеи, то думаю, здесь нет предмета для дискуссии. Идея коммунизма жива и будет жить до тех пор, пока человечество не выработает идеал более совершенного общественного устройства, чем коммунизм, что вряд ли возможно. Да, сегодня носителей коммунистической идеи не так уж и много. Но кто сказал, что завтра их не станет больше, а послезавтра они не превратятся в абсолютное большинство, а сама идея, овладевшая массами, не станет той материальной силой, которая перевернет мир? Думается, что это не только возможно, но и неизбежно свершится, ибо сама капиталистическая действительность рождает сомнение в правильности выбора пути, которым идет «цивилизованное человечество».

В начале 90-х годов в России так называемыми младореформаторами было провозглашено, что образцом социальной системы является то общество, которое построено в процветающих странах западного мира, прежде всего в США. Наличие рынка, многопартийности, парламентской демократии, разделения трех ветвей – законодательной, исполнительной и судебной – власти, господство частной собственности на орудия и средства производства, сведение функций государства к функции «ночного сторожа» и т.д., рассматривались ими как условия построения общества более совершенного, чем то, что сложилось в СССР за годы советской власти.

Хотя сами классики либерализма, в частности, Дж. Локк, Ш. Монтескье, С. Милль, отнюдь не считали гражданское общество и правовое государство образцами совершенства и не скрывали, что в социальной системе, базирующейся на частной собственности, в принципе не могут быть решены главные вопросы, стоящие перед человеком как родом, и, прежде всего, вопрос о снятии различных форм его отчуждения, что говорить о гармоничном и всестороннем развитии каждого индивида как цели общественного развития в данной социальной системе нельзя, тем не менее, идея построения такого общества была принята широкими слоями населения. Она воодушевляла многочисленных представителей гуманитарной, научно-технической интеллигенции, мелких предпринимателей, студенчества, которые стали движущей силой того контрреволюционного переворота, который произошел в 1991-1993 году в России.

Однако оказалось достаточно десятилетия, чтобы эта идея, привлекавшая весьма многих на закате «перестройки», перестала выполнять миссию силы мобилизующей массы. Сегодня в то, что общество, построенное в России по канонам классического либерализма, есть образец совершенства, верят, если судить по тем публикациям, которые появляются на страницах периодической печати и на сайтах Интернета, только бывшие «прорабы перестройки», идеологи «экономических реформ» да те, кто стал «стратегическим собственником», в ходе грабительской чековой приватизации и залоговых аукционов, проводившихся в середине 90-х годов.

В либеральную идею не верят сегодня не только в России, но и на Западе, о чем можно судить по работам Гюнтера Рормозера, одного из столпов немецкого консерватизма, которого сравнивают по степени влияния на критически мыслящую часть европейских интеллектуалов с Арнольдом Геленом, Хельмутом Шельски и Эрнстом Хорсхофом и, прежде всего, по его книге «Кризис либерализма», где он пишет:

«Германия должна так совершить поворот в духовной области. Об этом так много говорилось раньше, однако сейчас поворот в духовной области стал императивом выживания. Распаду нравственности и культуры мы ничего не сможем противопоставить, пока у нас не будет обновленного консерватизма, самокритичного и опирающегося на свои лучшие традиции. Прогрессирующая либерализация сама носитель болезни, на лечение которой она претендует. Такой либерализм, как у нас в Германии, исчерпал свои возможности. Ему придется уйти, поскольку он уже добился своего успеха: такого же рода судьбу Маркс предсказывал капитализму..... В условиях кризиса либеральной демократии, наш либерализм нигде не может вытащить себя из болота сам, как Мюнхаузен, дернувший себя за волосы.... Справиться с ситуацией исторического кризиса такого масштаба, как нынешний, не под силу либерализму, которому не хватает корректировки и противовеса со стороны консерватизма»¹.

Весьма критично настроены сегодня относительно либерализма и на Востоке, хотя еще несколько лет тому назад гражданское общество, правовое государство, рыночная экономика рассматривались как верх совершенства в Болгарии и Польше, Чехии и Румынии, Словакии и Венгрии, где в начале 90-х годов у кормила государственной власти оказались лидеры и идеологии «правых» партий.

Разочарование в либерализме как идее привело, в конечном счете, к тому, что сегодня подавляющее большинство правящих партий в бывших странах социалистического содружества суть «левые» партии. Они в качестве программных целей ставят перед собой построение общества, основанного на принципах социальной справедливости и социального равенства, общества, где будут неукоснительно соблюдаться права человека, в том числе право на труд, на образование, на медицинскую помощь, на жилье, на свободу мысли и волеизъявления и т.д.

¹ Рормозер Г. Кризис либерализма. М., 1996.- С.12

Подтверждением справедливости высказанного выше тезиса являются следующие факты.

В сентябре 2001-го блок в составе Социал-демократических левых сил (СДЛС) и Союза труда (СТ) – «левой» партии, объединившей в своих рядах бывших членов «Солидарности», разочаровавшихся в Л. Валенсе как политическом лидере и в политике, проводимой им, на парламентских выборах в Польше получил более 40% голосов, одержав убедительную победу над партиями правившей правой коалиции «Избирательная акция «Солидарность» — Союз свободы», которые вообще не смогли провести в нижнюю палату парламента ни одного депутата. Как самая крупная и популярная партия страны, СДЛС, выиграв выборы, получила реальные шансы реализовать свою программу, которая в настоящее время успешно осуществляется.

В ноябре 2000 году Румынии произошел «левый поворот». Он стал следствием провала социально-экономической политики «правых», которые находились у кормила государственной власти с 1996 года. Партия социал-демократов Румынии (ПДС), опираясь на профсоюзы, создала правительство меньшинства и правит самостоятельно. По прогнозам аналитиков, в ближайшие годы ПДС будет самой влиятельной силой в стране.

На парламентских выборах 1998 года Чешская социал-демократическая партия получила 32,31 % голосов, обогнав прежнего лидера - правоцентристскую «Гражданскую демократическую партию» (ГДП). Последняя получила на последних выборах 27,7 % голосов. Сегодня ЧСДП имеет 74 депутата в парламенте из 200. Она позиционирует себя как партию, по своим идейным установкам и программным целям близкую к социал-демократической партии Германии или лейбористской партии Великобритании. Вместе с тем при решении важнейших вопросов она выступает в союзе с Коммунистической партией Чехии и Моравии,

которая год от года увеличивает численность своих сторонников и которую поддерживает сегодня почти 1/6 часть чешского электората.

В Словакии сегодня ведущей политической партией является Партия левых демократов, которая выступает в союзе со Словацкой социал-демократической партией.

На парламентских выборах в Венгрии весной 2002 года правоцентристская партия «Фидес», которая стояла у руля государства почти десятилетие, набрала 49% голосов, что значительно меньше, чем четыре года назад. По сути, она потерпела поражение от оппозиционной Венгерской социалистической партии, костяк которой составляют бывшие коммунисты и которым отдали свои голоса 46 % избирателей. Вместе со своими союзниками из левоцентристской партии «Союз свободных демократов» они сформировали коалиционное правительство, пользующееся поддержкой самых широких слоев населения страны.

Таким образом, в странах Центральной Европы политический маятник, который в первые годы трансформаций зашкаливало вправо, перемещается со все меньшей амплитудой влево. Посткоммунистические партии сегодня превратились во влиятельную политическую силу и стали центром притяжения симпатий электората.

Сегодня есть все основание говорить о том, что на смену полностью исчерпавшей себя либеральной идее идет идея коммунистическая. Можно предположить, что в ближайшей исторической перспективе нас ожидает ренессанс коммунизма, с которого, думается, начнется новый этап мировой истории.

Относительно судеб коммунизма как общественного строя, дать однозначный ответ значительно сложнее. На первый взгляд, есть все основания утверждать, что практика социалистического строительства в СССР и других странах социалистического содружества, сменивших вектор исторического развития после краха КПСС и распада Советского Союза, убедительно доказала утопичность идеи о возможности

построения общества на коммунистических началах; что коммунизм как идеал перестал быть привлекательным для широких масс, память которыхотягощена негативным социальным опытом.

Действительно социализм (коммунизм)² на данном историческом этапе проиграл в том споре, которой велся между ним и капитализмом более 70 лет. Действительно, ему не удалось решить ряд важнейших проблем, в том числе проблему достижения более высокой производительности труда, чем при капитализме, проблему снятия отчуждения человека от власти и собственности, проблему установления реального социального равенства и другие. Однако говорить о смерти социализма (коммунизма) несколько преждевременно, ибо, всё-таки мировая социалистическая система все же существует. Как известно, есть ряд стран, которые не отказывались от социалистического пути развития. Лидером этих стран, безусловно, является Китай, достижения которого трудно преуменьшить. Достаточно сказать, что Китай в течение 15 лет имеет темпы прироста валового внутреннего продукта на уровне 10% ежегодно. Таких примеров мировая история не знала до сих пор. Впервые за почти шеститысячелетнюю историю страны социалистический Китай решил проблему продовольственного обеспечения полутора миллиардного населения и начал экспорт риса.

Впечатляющи успехи и социалистической Кубы, где создана самая совершенная система здравоохранения в мире, и где практически решены большинство тех социальных проблем, которые стоят на повестке дня в более богатых и не находящихся в тисках экономической блокады капиталистических странах. Быстро развивается социалистический Вьетнам и социалистическая Северная Корея.

² Классики марксизма употребляли понятия «коммунизм» и «социализм» как тождественные практически на протяжении всего периода своей творческой деятельности. О социализме как первой ступени коммунистического общества впервые было упомянуто в «Критике Готской программы» К Маркса, написанной в 1875 году, за 8 лет до кончины Маркса.

Таким образом, социализм (коммунизм) как социально-экономический строй, как тип общества отнюдь не стал достоянием истории. Он – реальность и это обстоятельство нельзя игнорировать.

Но это далеко не все аргументы, которые можно привести в доказательство того, что у социализма (коммунизма) есть будущее, что в исторической перспективе его победа над капитализмом преопределена.

Как хорошо известно, современный капитализм, пребывает в состоянии перманентного кризиса уже не одно десятилетие. И это не идеологема, а констатация факта. О том, что путь экономического и социального развития, выбранный «фаустовской цивилизацией» не оптимален и постоянно порождает кризисные явления, писал еще русские народники, и представители немецкой «философии жизни», в частности Ф. Ницше, еще в конце XIX века. Об этом говорили и все так называемые «социальные критики» 60-х годов, начиная от Э. Фромма и заканчивая Г. Маркузе, которые убедительно показали, что по мере развития капитализма в нем зреют все более и более масштабные противоречия, которые постепенно приобретают характер антагонистических, на подобии противоречий между трудом и капиталом. Получив временную передышку за счет использования ресурсов бывших социалистических стран (только из России в начале 90-х годов был вывезен практически весь накопленный за послевоенные высокообогащенный уран на общую сумму, превышающую, по оценкам экспертов, 8 триллионов долларов в ходе так называемой «урановой сделки», осуществленной правительством В.С. Черномырдина с правительством США), современный капитализм с конца 90-х годов начал новый виток кризисного развития. Тот факт, что современный капитализм превратился в систему, где поселился и бурно развивается вирус саморазрушения, признают сегодня не только культурологи и критически мыслящие социальные философы, такие как М. Кастельс, Э. Валлерстайн, А. Негри, С. Жижек, но и сами «капитаны капиталистической экономики», в частности Дж. Сорос, который недавно

выпустил в свет книгу с примечательным названием – «Кризис современного капитализма». В этой работе ученик Ф.А. фон Хайека и К. Поппера и непримиримый противник врагов «открытого общества» пишет: «Система капитализма, которой мы обязаны необыкновенным процветанием, трещит по швам. Сегодняшний спад на фондовых рынках США является всего лишь симптомом, к тому же запоздалым, говорящим о более глубоких проблемах, поражающих мировую экономику».³

Кризис капитализма стимулирует поиски нового пути социально-экономического развития и все чаще и чаще трезвомыслящие политики, общественные деятели, представители интеллектуалов Запада приходят к выводу о необходимости перестройки системы общественных отношений на социалистических началах.

Другой факт, который не может не внушать оптимизм сторонникам левой идеи. Как известно до середины XX века альтернативой господствующей частной собственности в развитых капиталистических странах была государственная собственность. Последняя многими теоретиками западной социал-демократии, да и не только ими, рассматривалась как промежуточная форма между частной собственностью и общественной собственностью на орудия и средства производства. Однако во второй половине века возникла новая ситуация, которая может быть описана следующим образом: государственная и частная собственность перестали выступать как альтернативные формы собственности. Сегодня в недрах капиталистической экономики складывается самостоятельный социально-экономический уклад, базирующийся на различных формах трудовой коллективной собственности. По подсчетам ведущих западных экономистов, сегодня в структуре хозяйства развитых капиталистических стран различные формы трудовой коллективной собственности составляют сейчас в среднем около 10 %. На долю государственной собственности приходится

³ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. М.,1999.-С.1X

приблизительно 30 %, на долю частной – около 60 %. Речь идет о кооперативном секторе экономики, где каждый работник одновременно является и собственником орудий и средств производства, получающим свою долю прибыли соответственно личному трудовому вкладу. О темпах роста данного уклада и масштабах явления можно судить по следующим фактам: В Англии в конце 80-х годов число трудовых кооперативов по сравнению с концом 70-х годов возросло в 40 раз. В Италии в 1991 году в некоторых отраслях они производили от 8 до 10 % продукции.⁴ В Испании знаменитая федерация «Мондрагон» (Мондрагонская кооперативная группа) стала монополистом по поставке высокотехнологичной продукции (управляющих систем) для ряда отраслей промышленности. Сегодня «Мондрагон» – это около 200 самоуправляемых трудовыми коллективами фирм (кооперативов): промышленные предприятия, сельскохозяйственные товарищества, сеть супермаркетов, инвестиционный банк (Народная трудовая касса), страховая компания, фирма по экспортным операциям, технологические (включая вычислительные), научно-исследовательские и учебные центры. Предприятия «Мондрагон» опережают все предприятия Испании по уровню механизации, компьютеризации и производительности труда. Продукция «Мондрагон» считается лучшей в Испании.

Другой пример. В США уже несколько десятилетий действует план создания собственности работников ЭСОП (Employee Stock Ownership Plan). К началу 90-х годов в США насчитывалось более 10 тыс. компаний, применяющих ЭСОП. На них было занято 11,5 млн. человек (примерно 12 % всей рабочей силы). Большинство американских компаний с ЭСОП имеют средний размер (от 100 до 1000 работников). Но эту программу успешно реализуют и крупные фирмы. Среди фирм с ЭСОП, где работникам принадлежит большая часть акций, две из десяти крупнейших

⁴ Более подробно см. : Плетников Ю.К. Будущее – социализм. Главные черты современной эпохи. М., 2001.

в Америке сталелитейных компаний, две из десяти крупнейших негосударственных медицинских корпораций, две из десяти крупнейших машиностроительных компаний и другие крупные фирмы.

Действуют подобные предприятия и во Франции (часовой завод в Безансоне), и в Англии (завод мотоциклов в Меридане), и в Канаде, и Японии, и в Германии, и в Италии т.е. практически во всех экономически развитых странах западного мира. В последнее время появились такие предприятия и в России.

Таким образом, в ведущих капиталистических странах формируется смешанная, многоукладная экономика, которая представляет собой такую экономику, в которой сосуществуют различные по своей формационной природе исторические типы собственности. Наличие такой экономики есть свидетельство коренных перемен, которые происходят в капиталистическом обществе, которое все более и более социализируется по мере того, как нарастает доля трудовой коллективной собственности и снижается доля частной собственности в структуре экономики. Говоря другим словами, в недрах капитализма формируется социалистический уклад хозяйствования. По сути, происходит, как это и предрекал К. Маркс, самоотрицание капитализма, который постепенно сдает свои позиции новому общественному строю, который, как свидетельствует логика истории, восторжествует в исторической перспективе.

Третий факт, заставляющий весьма скептически относиться к утверждениям об утопичности построения коммунистического общества в обозримой исторической перспективе, таков.

Как известно, реальностью наших дней является все углубляющийся экологический кризис. Как показано в работах теоретиков Римского клуба, в книгах Э. Гора, а также в трудах гениального русского ученого Н. Н. Моисеева, антропогенная нагрузка на природу превзошла на протяжении последнего полувека все мыслимые пределы. Сегодня воспроизводство биосферы стало проблемой, ибо, как показывает

практика, природа уже не в силах справиться с загрязнением окружающей среды отбросами промышленного производства и бытовой деятельности человека, с выбросами вредных газов, отравляющих атмосферу, с многочисленными захоронениями расщепляющихся материалов, вредных металлов, искусственных химических соединений и т.д.

Абсолютное большинство этих отходов дают страны так называемого «золотого миллиарда», т.е. те, кто сегодня рассматривается российскими «реформаторами» в качестве образца для подражания. Они же потребляют и большинство тех природных ресурсов, которые добываются на планете. Так, в частности на каждого жителя Соединенных штатов Америки сегодня приходится в среднем 2614 кг нефти в год, тогда как в Индии – 62 кг, а в Бангладеш и Заире – 10. Подсчитано, что 45% мировой добычи редкоземельных металлов использует Япония, 36% – США, остальные 19% – Западная Европа.

Эти страны достигли своего благополучия, прежде всего, за счет ограбления колоний, которыми они владели вплоть до середины XX века, захватнических войн, эффективного использования достижений научно-технического прогресса, интенсивных методов развития экономики, систематического увеличения масштабов использования природных ресурсов для производства товаров и услуг. Правительства данных стран ни в ближайшей, ни в отдаленной перспективе, не собираются снижать уровень жизни населения и, соответственно, уровень потребления, ибо это неизбежно приведет к нарастанию социальной напряженности, обострению классовых противоречий, которые ныне сглаживаются за счет того, что не только представители эксплуататорских классов, но и работники наемного труда имеют свою долю доходов от продолжающегося ограбления других стран, находящихся в экономической зависимости от ведущих капиталистических государств, о чем можно судить хотя бы по тому факту, что ряд из них, в частности, США, не подписали декларацию, принятую представителями 179 стран на

уровне глав правительств или государств по итогам международной конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 году, известную под названием «Повестка дня на XXI век», где провозглашается необходимость перехода стран мира, и прежде всего стран «золотого миллиарда», на рельсы устойчивого развития для предотвращения грозящей экологической катастрофы.

Однако, как показывают расчеты специалистов, сохранение столь высокого уровня потребления странами «золотого миллиарда» в обозримой исторической перспективе, а тем более расширение круга государств, где будет обеспечен приблизительно такой же уровень жизни, вызовет колоссальную антропогенную перегрузку биосферы, которая неизбежно приведет к глобальной экологической катастрофе или, в лучшем случае, к физической, умственной и социальной деградации человеческого рода.

Это обстоятельство осознается практически всеми трезвомыслящими политиками, учеными общественными деятелями, которые понимают опасность дальнейшего развития «фаустовской цивилизации» по тому направлению, которое было обозначено в работах мыслителей Нового времени и Просвещения, воспевших гимн мощи человеческого разума и обосновавших правомочность рассмотрения природы как поля для приложения безграничных потенций человека как рода. В частности Генеральный секретарь Совета Земли, канадский ученый Морис Стронг, выступая на открытии уже упоминавшейся конференции в Рио-де-Жанейро, сказал: «Процессы экономического роста, которые порождают беспрецедентный уровень благополучия и мощи богатого меньшинства, ведут одновременно к рискам и дисбалансам, которые в одинаковой мере угрожают и богатым и бедным. Такая модель развития и соответствующий ей характер производства и потребления не являются устойчивыми для богатых и не могут быть повторены бедными. Следование по этому пути

может привести нашу цивилизацию к краху».⁵ Сходная оценка сложившегося положения вещей дается и в «Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию» и в «Плане осуществления решений на высшем уровне» – основных документах, подписанных главами 191 страны мира по итогам саммита в Йоханнесбурге в сентябре 2002 года.

Выход из кризисной ситуации государственными деятелями, подписавшими вышеназванные документы, имеющие принципиальное значение, видится в *переориентации стран мира на новый алгоритм развития*. Этот алгоритм предполагает: учет интересов всех стран народов, а не только стран-лидеров; перераспределение доходов от эксплуатации природных ресурсов между бедным Югом и богатым Севером; рациональное использование экосистем; свертывание, а в дальнейшем и прекращение, избыточного потребления; формирование разумных потребностей у индивидов; усилении государственного контроля за деятельностью субъектов хозяйственной деятельности; изменение соотношения между государственной, частной и коллективной трудовой собственностью и т.д..⁶ По сути, речь идет о необходимости перевода экономик стран мира на социалистические рельсы, о формировании новой – социалистической – по своей природе системы взаимоотношений между субъектами деятельности; о воспитании нового типа личности, имеющей принципиально иные ценностные установки нежели «человек экономический», которому воспели осанну в своих трудах Локк, Милль, Монтескье и другие классики либерализма.

Следует сказать, что первым об экологическом императиве, задающем вектор социалистического развития человеческой цивилизации, начал говорить Н. Н. Моисеев, перу которого принадлежит книга «Объективные основания и практика социализма», которая носит

⁵ Форум в Рио-де-Жанейро и «Повестка дня на XXI век» // Устойчивое развитие. Наука и практика., № 4, 1994.

⁶ Более подробно см.: Залиханов М.Ч. Итоги парламентской части РИО +10 // Устойчивое развитие. Наука и практика.-№1,2003.; Урсул А.Д. Всемирный саммит по устойчивому развитию в Йоханнесбурге// Устойчивое развитие. Наука и практика.-№1,2003.;

подзаголовок «Экологический социализм». Она была написана Н.Н. Моисеевым в 1998 году и представляет итог его размышлений о судьбах мира и России. В ней говорится: «Всегда различал «идею социализма» и «систему» или, точнее – «практику социализма». Мне кажется, что идея социализма изначально присуща человеку, его глубинным представлениям, как и идеи свободы и равенства, с которыми идея социализма связаны в единый узел. Но с другой стороны, очевидно, что эти идеи противоречивы. В самом деле, свобода, в силу логики Природы рождает неравенство, ибо люди по своей сущности разные и свобода, какой бы смысл в неё не вкладывать, способна только увеличить это неравенство, ибо позволяет более ярко проявиться генетически присущим особенностям индивидуальности. А законы общества, стремящиеся обеспечить равенство, неизбежно рождают несвободу, сдерживая проявление этой индивидуальности. Тем не менее, понятия свободы и равенства живут в сознании людей как далёкая и прекрасная мечта.

К той же категории относятся и идеи социализма. Разве не они лежат в глубинах всех мифов о счастливом будущем, да и во всех религиозных мифах тоже? И не является ли эмпирическим обобщением тот факт, что последовательная реализация в практике жизни любого из подобных мифов рождает трагедии?

И всё же не случайно идеи социализма, неотделимые от идей демократии, как и идеи демократии от идей социализма (чтобы не говорили «демократы»), они органически входят в миропонимание большинства людей порой и бессознательно, и уж, во всяком случае, точно не формулируемые...

И что может быть самое важное для нас, людей живущих на переломе тысячелетий: по мере роста могущества цивилизации, по мере того, как человек становится равным, если не богам, но Природе, идеи социализма приобретают всё большую практическую значимость. Особую роль они играют в понимании несвободы во взаимоотношениях с

Природой. Почему я и стал употреблять словосочетание «экологический социализм». И эти идеи реализуются, порой бессознательно, не целенаправленно, как все законы самоорганизации, как свершения в силу логики Природы. И в этом может быть заключена великая правда жизни. Не дай нам Бог снова стать на «столбовую дорогу социальной инженерии», но надо чувствовать тенденции и не плыть против течения!

И именно потому, что «экологический социализм» – если человечество собирается выжить – неотвратим, нам предстоит сделать определённые шаги в его сторону. Причём целенаправленно! Но именно шаги, отвечающие тенденциям развития общества, его согласованности с развитием Природы, а не «построение социализма» следуя шаблону, рождённому разумом некоего, может быть и очень талантливого мудреца»⁷.

Таким образом, согласно Н.Н. Моисееву, приход всех стран мира к социализму (коммунизму) предопределен. Если мы желаем сохранить человеческую цивилизацию, то другого – не дано

В заключение несколько слов о перспективах социализма (коммунизма) в России.

То, что социализм в России потерпел полное и окончательное поражение и что социалистическая идея не может более привлекать никого кроме горстки полубразованных фанатиков, испытывающих ностальгию по ушедшим безвозвратно временам, относится к числу постперестроечных идеологем, не имеющих под собой никакого основания.

Да, слова «коммунизм» и «социализм» сегодня вызывают аллергическую реакцию у обывателей. Да, коммунисты вместе со своими союзниками перестали быть парламентским большинством и сегодня не в состоянии столь же эффективно, как это было в Государственной Думе второго созыва, противодействовать «правым», объединившимся в единый

⁷ Моисеев Н.Н. Объективные основания и практика социализма. Экологический социализм. М., 1998.- С.11-16.

блок вокруг пропрезидентской партии.

Но означат ли это, что социалистическая идея умерла, что, совершающаяся ныне быстрыми темпами, капитализации России бесповоротна, что строй, утвердившийся за последнее десятилетие, вечен?

На все эти вопросы, с полным основанием можно дать только один ответ – отрицательный.

О том, что коммунизм имманентен русскому человеку, что русское мирозерцание базируется на иных принципах, чем мирозерцание человека «фаустовской» цивилизации много и обстоятельно писали не только представители русской революционно-демократической мысли, но и русские идеалисты, в частности, Н.А. Бердяев, перу которого принадлежит знаменитая книга «Истоки и смысл русского коммунизма», вышедшая в свет в 1937 году и до сегодняшнего дня остающаяся классическим трудом, где с позиции человека не приемлющего практику и идеологию большевизма, раскрываются причины Великой Октябрьской социалистической революции и дается подлинно научный анализ той ситуации, которая сложилась в России накануне Октября. Бердяев всегда, это следует подчеркнуть особо, позиционировал себя как идейного противника советской власти, осуществляющего критику того строя, который сложился в России после пролетарской революции с позиций религиозного персонализма. Поэтому подозревать его в апологетике или в необъективности суждений не приходится. Вот что он писал в упомянутой выше работе: «Вся история русской интеллигенции подготовляла коммунизм. В коммунизм вошли знакомые черты: жажда социальной справедливости и равенства, признание классов трудящихся высшим человеческим типом, отвращение к капитализму и буржуазии, стремление к целостному мирозерцанию и целостному отношению к жизни, сектантская нетерпимость, подозрительное и враждебное отношение к культурной элите, исключительная посюсторонность, отрицание духа и духовных ценностей, придание материализму почти

теологического характера».⁸ И далее: «Русским крестьянам всегда были чужды понятия римского права о собственности. Крестьяне считали, что земля Божья, т. е. ничья в человеческом смысле. Присвоение земли помещиками-дворянами крестьяне всегда считали такой, же неправдой, как и крепостное право. Общинное, коллективное владение землей было более свойственно русскому народу, особенно великороссам, благодаря существованию общины. Крестьяне мечтали о «черном переделе», т. е. переделе земли между крестьянами. Раньше верили даже, что это сделает царь. Революционная народническая организация 70-х годов называла себя «Черный Передел» в соответствии с настроениями и мечтами крестьянства. Русская коммунистическая революция и совершила этот «черный передел», она отобрала всю землю у дворян и частных владельцев. Как и всякая большая революция, она произвела смену социальных слоев и классов. Она низвергла господствующие, командующие классы и подняла народные слои, раньше угнетенные и униженные, она глубоко взрыла почву и совершила почти геологический переворот. Революция освободила раньше скованные рабоче-крестьянские силы для исторического дела»⁹.

Как бы это не звучало парадоксально, есть весомые основания утверждать, что и сегодня Россия во многом по-прежнему остается социалистической страной, хотя в результате контрреволюционного переворота, совершенного 1991-1993 годах, исчезло социалистическое государство, разрушен социалистический базис экономики, изменена система общественных отношений.

Что дает основание для подобных суждений? Прежде всего, то, что базовые ценности значительной части представителей различных социальных слоев и групп остаются социалистическими по своей природе. Как показывают многочисленные социологические опросы, только одна

⁸ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русской революции.-М.,1990.-С.100.

⁹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русской революции.-С.112.

седьмая трудоспособного населения в России, считает справедливым все увеличивающееся имущественное и социальное расслоение; только одна десятая часть работающих считает, что различие в оплате труда наемных работников и руководителей предприятий, которые в подавляющем большинстве являются фактическими собственниками, может быть более чем в 5 раз; только каждый четвертый считает, что гайдаровско-чубайсовская приватизация была оправданной; только 2 % согласны с тем, что государство не при каких обстоятельствах не должно вмешиваться в процесс формирования цен. Это, во-первых.

Во-вторых, в России существует мощное левое движение, составными частями которого выступают многочисленные коммунистические, социалистические и рабочие партии. К ним примыкают различные патриотические движения левой направленности. Их общая численность во много раз превышает численность партий, занимающих «правую» половину политического спектра. Именно в этой среде не только сохраняются социалистические идеалы, но и репродуцируется та система социальных связей и отношений, коренным образом отличающая социалистическое общество от капиталистического.

В третьих, социализм в России существует в виде направления социально-экономической мысли, идейного течения, противоположного либерализму, который выступает в качестве теоретико-методологической основы проводящихся в стране так называемых «реформ». Очень многими представителями научной, технической и гуманитарной интеллигенции социализм в значительной мере воспринимался ранее (и воспринимается сегодня) как теоретическая программа исследования процесса общественного развития, подобная, например, теории постиндустриального общества, в рамках которой только и можно получить содержательные ответы на все те актуальные вопросы, которые поставил перед человечеством ХХI век.

В четвертых, социализм в России существует в виде пласта

духовной жизни, совокупности идейно-эстетических ценностей, привлекающих многомиллионные массы. Их позиции против своей воли вынуждены учитывать те, кто стоит у рычагов управления средствами массовой информации. Подтверждение факта реального существования социалистической культуры является постоянная демонстрация практически по всем телеканалам советских фильмов, в том числе и таких которые несут мощный социалистический идейный заряд: фильмов «Чистое небо», «Баллада о солдате», «Коммунист» Г. Чухрая, «Летят журавли» М. Калатозова и других. Советские песни периода передаются практически круглосуточно такими радиостанциями как «Ретро», «Резонанс», «Серебряный дождь», классическая музыка того периода – радиостанцией «Орфей». Традиции критического реализма продолжают такие мастера кино как С. Хотиненко, А. Абдрашитов, Е. Миндадзе, Н. Губенко, которые, несмотря на все сложности снимают фильмы, пользующиеся огромной популярностью.

Таким образом, говорить о крахе социализма в России совершенно беспочвенно. Более того, есть все основания утверждать, что социалистическая идея в России обрела новое дыхание. Освободившись от сращенности с властью, сбросив оковы догматического способа мышления, она получила новый импульс развития, чему пример лавинообразный рост публикаций по проблемам социализма, который наблюдается в последние годы. Можно назвать десятки монографий, вышедших в свет в последнее время, где разрабатываются вопросы теории социализма, осмысливаются уроки прошлого, обосновывается идея об отсутствии реальной альтернативы социализму в России.¹⁰ Свидетельствами того, что социалистическая идея жива, являются и многочисленные конференции, которые систематически проводятся институтами РАН, ведущими вузами, в частности Московским

¹⁰ Среди них прежде всего следует назвать книги В.М. Межуева, В.Ф. Славина, Б.П. Курашвили, А.В. Бугалина, И.М. Воейкова, Р.И. Косолапова, Ю.К. Плетникова, Ф.Н. Клоцвога, и многих других

государственным университетом, введение тем, связанных с прояснением сути марксизма в учебные планы и программы вузов. Сегодня в левой печати представлены как минимум полдесятка весьма детально проработанных концепций социализма, учитывающих как опыт осмысления данной проблемы, содержащийся в трудах классиков марксизма, так и практику «реального социализма» в СССР. Не будет преувеличением утверждать – социализм в России сегодня обрел статус научной теории, авторитетной и влиятельной, как и другие направления общественной мысли

Напоследок хотелось бы сделать одно замечание по поводу той критики, которая была высказана в адрес партии, которую я имею честь представлять.

Бориса Фёдоровича Славина я хорошо знаю и считаю, что это один из наиболее знающих марксистов, однако видимо он недостаточно знаком с теми документами, которые мы опубликовали в открытой печати и где изложена официальная точка зрения ЦК на те проблемы, которые существуют в российском обществе. В этих документах ВКПБ изначально позиционирует себя как авангардную партию, которая, прежде всего, решает задачи, которые не в состоянии решить другие левые партии, в том числе и те, что превратились в партии парламентского типа.

Спасибо за внимание.

А. А. Зиновьев

Слово имеет Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов.

А. А. Гусейнов

У меня, к сожалению, в отличие от большинства здесь выступающих, нет ясного представления о самом коммунизме и еще меньше о его исторических судьбах. Я пришел с единственным интересом послушать, что коллеги думают о предмете, который вчера еще нам всем

казался таким важным и реальным, а сегодня воспринимается большинством как нечто эфемерное и маргинальное. То, что я услышал, для меня в высшей степени полезно. Я убедился, что, в целом, рассуждения о коммунизме лишены предметности, а тем самым и научной строгости. Они все еще остаются в поле идеологических предпочтений.

Когда мы говорим о коммунизме, то мы должны прежде всего уточнить, о чем идет речь. Прежде всего, надо ответить на вопрос, является ли коммунизм философской идеей, своего рода пафосом культуры, как говорит Вадим Михайлович Межуев. Или это — некая социальная программа и теория. Если это философская, культурная идея, то она неистребима, как неистребимо человеческое стремление стать лучше, чище. Но в таком случае она может претендовать только на этический статус. Это означает, что ее мотивирующее воздействие ограничивается пространством индивидуально-ответственного поведения. Коммунизм в таком случае оказывается делом личного выбора, разновидностью морального императива. Но если это — социальная теория, то она претендует на исторический статус, на роль программы массового действия. А это уже есть нечто совершенно иное. Речь, собственно говоря, идет о различии, которое в свое время было зафиксировано марксистами в связи с позицией Эдуарда Бернштейна, видевшего в коммунизме регулятивную идею кантианской выделки. Ему решительно возразили Каутский, Плеханов, Ленин, сказав, что коммунизм — это реальная цель, завтрашний день человечества.

Коммунизм во всех вариантах, и в утопическом и в научном, всегда предъявлял себя обществу в качестве исторической программы, а не в качестве философской теории. Поэтому, между прочим, Платон является коммунистом, Аристотель нет. Томас Мор является коммунистом, а Френсис Бэкон нет. Коммунизм по преимуществу мыслил себя как новую форму общественной жизни, счастливое будущее человечества, как историческую перспективу. И уж совершенно несомненно, что в таком

духе выдержан марксистский коммунизм. Если мы принимаем всерьез эту претензию, тогда, мне кажется, мы должны отталкиваться не от текстов, даже если это тексты такого гения как Карл Маркс. Мы должны отталкиваться от реальных опытов осуществления этой идеи. И прежде всего от самого грандиозного коммунистического опыта, каким был советский опыт, с наибольшей полнотой и размахом осуществленный у нас в России. Заостряя вопрос, я бы даже сказал так: коммунизм есть то, что было в СССР и других странах того же типа. Поэтому плодотворность ответа на вопрос, который сегодня поставлен, упирается в отношение к советскому опыту, к советской истории, в исследование того, что это было.

Если говорить об отношении к советскому обществу в российском общественном сознании, как это обнаруживается, например, в СМИ, в массовой гуманитарной литературе, то можно зафиксировать два полярных взгляда, базирующихся, впрочем, на одной и той же ложной методологической основе. В подавляющем своем большинстве люди исходят или из того, что советское общество само о себе думало, или из того, что о нем говорили его заклятые враги. Соответственно мы видим разные диспозиции по отношению к советскому опыту.

В первом случае мы имеем два варианта: или ярых сторонников советского общества, которые апеллируют к его великим достижениям, индустриализации, культурной революции, победе в войне, прорыву в космос и т. д. Или тех, которые относятся к этому обществу критически, но под совершенно определенным углом зрения: оно, мол, не соответствовало идеалу, отступило от предначертаний Маркса и т. д., словом было недостаточно, не вполне социалистическим.

Во втором случае, когда, за исходный пункт берется то, что думают о социализме его противники, мы тоже имеем два варианта. Одни считают, что социализм — это тупик, деформация. Своего рода историческая мутация. Кошмар, который надо забыть, изжить, и ни в коем случае не допустить вновь. Что-то наподобие фашизма. Другие считают его частью

нашей истории, несчастной судьбой России. Так, мол, случилось, ничего не поделаешь. Нам остается лишь принять факт существования социализма. Точно так же, как и факт его гибели.

Как известно, о человеке нельзя судить по тому, что он сам о себе думает, говорит. И об обществе нельзя судить по тому, что оно о себе думает, как себя манифестирует. Точно также о человеке и обществе нельзя судить по тому, что о них думают их противники. И тот и другой род суждений являются абстрактными, односторонними. Они не столько выражают суть дела, сколько прикрывают и искажают его. Научный анализ начинается тогда, когда мы пробиваемся к действительности сквозь вербальную завесу и саму эту завесу истолковываем как часть действительности. Именно этого не хватает в подходе к советскому обществу. Собственно говоря, я не вижу других сколько-нибудь серьезных попыток научного исследования той исторической реальности, которая называлась СССР, кроме теории реального коммунизма Александра Александровича Зиновьева.

Зиновьев понял масштабность и уникальность советского общества, рассмотрел его как особый тип социальной организации. Подобно тому, как Маркс, для того, чтобы объяснить природу капитализма, выдвинул свою теорию исторического материализма, теорию формаций (заметим в скобках, что именно этой придуманной для объяснения капитализма теорией Маркса легкомысленно руководствуется большинство авторов, рассуждающих о социализме), точно также для того, чтобы понять советское общество, Зиновьев разработал свою социологическую теорию. Кто бы и что бы ни говорили о теории реального коммунизма Зиновьева, одно совершенно бесспорно: она обобщает советский опыт в его качественном своеобразии, как такую социальную форму, которая до этого не имела аналогов в социальном развитии и которая позволяет глубже, точнее понять само это развитие. Этим подход Зиновьева отличается от других концепций социализма, в которых он рассматривается как

серийный продукт истории, то как разновидность модернизации, то как разновидность тоталитаризма, то еще как-нибудь. Словом, для осмысления советского общества (коммунизма как он реально явил себя в истории) нужна особая теория; для того, чтобы понять советское общество, нужен новый взгляд на общество в целом.

Словом, прежде чем говорить о судьбах коммунизма, надо разобраться, что это такое, надо его исследовать, исследовать во всей основательностью, методологической оснащенностью, эмпирической тщательностью, без чего вообще невозможно познание какого бы то ни было типологически нового класса явлений. Маркс назвал свое учение о коммунизме научным. Он был прав в том, что касается необходимости и путей возникновения коммунизма. Он поставил учение о коммунизме на научную основу тем, что связал его появление с промышленным развитием и революционным потенциалом пролетариата. Но в том, что касается самого коммунизма как особой формы организации социальной жизни, Маркс не мог создать научной теории. Он не мог этого сделать по той причине, что не существовало самого коммунизма. Кстати заметить, согласно самой методологии Маркса, последующая качественная стадия того или иного процесса является ключом для правильного понимания предыдущих, но не наоборот. Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны, но из анатомии обезьяны вывести (научно предсказать) анатомию человека невозможно. Поэтому принципиально неверным является подход, когда мера коммунистичности (социалистичности) советского общества определяется соответствием марксовым схемам или даже некоему абстрактному идеалу. Научный ход мысли должен быть прямо противоположным. То, что было в СССР и последовавших его примеру странах, и есть коммунизм. И научная теория коммунизма может быть только осмыслением, обобщением этого опыта. Именно таков, насколько я могу судить, подход Зиновьева к обсуждаемому нами вопросу. Очень жаль, что как его социологическая теория, так и в особенности сама

методология исследования коммунизма остаются, выражаясь образно, гласом вопиющего в пустыне. Возможно, это объясняется тем, что еще мала дистанция, отделяющая нас от всех событий, связанных с рождением и крахом советского коммунизма, что мы еще несем его в себе, что все происшедшее порождает слишком большую радость у одних, и слишком большое разочарование у других. Все «слишком», чтобы можно было вести объективный, беспристрастный анализ. Но как бы то ни было отсутствие свободного от эмоциональной и идеологической предзаданности научного анализа советского опыта в том виде, в каком он, прежде всего, конечно, воплотился здесь у нас, в Советском Союзе, в России, но и с учетом его вариаций, в мире, вплоть до нынешнего Китая, отсутствие такого анализа удручает и позволяет утверждать, что дискуссии о коммунизме у нас все еще не приобрели теоретической строгости.

А. А. Зиновьев

Слово имеет Митрошенков Олег Александрович.

Подготовиться Солодухину Юрию Николаевичу.

О. А. Митрошенков

Уважаемые коллеги! Я благодарю организаторов за возможность выступить по предложенной теме в столь серьезной и авторитетной аудитории. Я могу не разделять точки зрения некоторых здесь присутствующих, однако мое уважение к ним остается несомненным.

По существу проблемы хотел бы сказать следующее.

Коммунизм, несомненно, великая идея. Ее развивали великие умы, вершиной среди которых является Маркс. Во многом заслуга коммунизма в том, что в XX веке человек впервые в истории попытался осознанно строить свою социальную жизнь. И не только в России. После Октябрьской революции сразу же было принято законодательство в защиту трудящихся в Скандинавии. Кризис 1929–1932 годов на Западе

усилил внимание к роли государства и государственному планированию. В большинстве стран взяты на вооружение концепты социального равенства и справедливости. Коммунистический эксперимент стимулировал попытки осознанного построения социальной жизни и социал-демократией, и в практическом приложении теории модернизации, и во многих национальных программах развития стран «третьего мира», и в опытах по строительству новой государственности на месте бывших диктаторских режимов и недееспособных государств, и даже в политике МВФ и Всемирного банка.

Ни один эксперимент не дал идеальных ответов на ставившиеся перед ним вопросы. Каждый породил собственные противоречия и издержки. Но каждый стал объективно гипотезой, верификация которой может существенно продвинуть социальные опыты и познание. Каждый был по-своему важен не только для отдельных стран, но и для всего мира.

Но сегодня коммунизм не кажется мне магистральным направлением развития человечества. Эта идея откровенно периферийна и на теоретическом, и на политическом поле. Мне неизвестны теоретические разработки сторонников коммунизма, которые говорили бы об обратном. Кроме Китая, политически в мире коммунизм маргинален, интерес к нему невелик. Марксизм — уважаемая теория, но сегодня его место — на библиотечных полках, рядом с другими общественными теориями, которые претворять в их чистом виде никому в голову не приходит. Западные и другие компартии мало популярны и невлиятельны.

В России эта периферийность коммунизма проистекает во многом из слабости и вторичности отечественного общественного знания. Сегодня не видно интеллектуальных сил, целенаправленно разрабатывающих эту идею и способных на это. КПРФ также не демонстрирует концептуальных прорывов. В России, упрощая, теоретической вершиной остается Маркс с его более чем полуторавековыми представлениями, которые гениальны, но созданы для другой эпохи и новым вызовам времени не отвечают.

Я внимательно изучил материал Геннадия Андреевича Зюганова «Понять и действовать», размещенный на сайте КПРФ. На мой взгляд, он подтверждает то, о чем я сказал. В нем нет ничего, о чем не знал бы нормальный грамотный человек (а что-то и не разделял бы), особенно если он смотрит немногие хорошие аналитические программы и читает два-три хороших научных журнала. Например, Геннадий Андреевич настаивает на государственных гарантиях социальной защиты, на бесплатном образовании и медицине, на общенародной государственной собственности. Говорится о том, что источник стоимости один — человеческий труд (а не капитал и земля). Утверждается, что в условиях перехода к постиндустриальному обществу передовым общественным классом являются ученые, конструкторы, технологи, управляющие, квалифицированные рабочие, воспитатели, учителя, преподаватели вузов, врачи, работники сферы услуг и т. д. И они будто бы будут опорой КП в условиях противоречия постиндустриального труда и капитала. Лишь реализация коммунистической идеи способна достойно вознаградить их труд. Жаль, они, похоже, об этом не знают. Геннадий Андреевич справедливо утверждает, что Россия страдает не только от капитализма, но и от недостаточного его развития. Однако вывод занимателен: оказывается, лучше всего задачу буржуазных преобразований выполнит не буржуазия, а трудящиеся во главе с КП, преодолев сопротивление бюрократии (удалось ли кому-нибудь победить ее? Не от этого ли сошла с исторической сцены КПСС?). По всем этим и другим вопросам предлагаются свои решения, все иные точки зрения объявляются «вульгарными», «фразеологией», «благими пожеланиями», и т. д.

Я не обсуждаю эти определения, как и идеи автора. Я о другом. Я не вижу здесь ничего концептуально нового, что могло бы захватить умы и сердца и привлечь многочисленных сторонников. Большинство других материалов сайта КПРФ откровенно слабы и не выдерживают никакой критики.

Проблема коммунизма сегодня в том, что теоретически он не развивается. Ни на Западе, ни в России среди его теоретиков нет интеллектов, равных, например, Д. Беллу, О. Тоффлеру, И. Валлерстайну, Ю. Хабермасу (имена случайны), не говоря уже о Марксе или Плеханове. Поэтому вполне объяснимо то, что от КПРФ не исходит пока такой идеи в развитие коммунизма, которая бы, говоря словами Маркса, «овладела массами и превратилась в материальную силу». А без этого успех вряд ли возможен.

Видимо, речь идет о теоретической, концептуальной состоятельности, точнее, несостоятельности тех сил, которые представляют коммунизм. Впрочем, они не одиноки, поскольку и на правом фланге плохо со свежими идеями. Сегодня в обществе вообще нет никакого общенационального диалога. Но и КПРФ не сумела инициировать такого диалога. Чего же не хватает — политического влияния или коллективного ума найти такую тему, которая бы захватила всех? Тогда на чем основаны претензии на власть?

На левом фланге в мировой политике сегодня влиятельны не коммунисты, а социал-демократы. Многие из них стоят у власти. Я знаю, лидеры КПРФ негативно относятся к преобразованию в социал-демократическую партию, считая, что эту идею «подбрасывают» коварные враги. Кроме того, считается, что КПРФ — это брэнд. На мой взгляд, такой подход — рецидив прошлого, историческая ошибка и утрата очередного шанса. «Окна возможностей» обычно захлопываются быстро. Сегодня в России никто не смог пока занять эту нишу. Сиюминутный прагматизм лидеров КПРФ может дорого стоить самой партии и всему левому флангу, как это уже произошло с КПСС. Кто, скажем, может помешать политтехнологам под патронатом Президента создать социал-демократическую партию, как была создана «Единая Россия»? Эта социал-демократическая партия может быть сильнее «Единой России», поскольку последняя слишком ассоциируется с бюрократией. И тогда о

КПРФ можно будет забыть вообще, не говоря уже о других коммунистических образованиях. (Впрочем, если под принципиальностью лидеров КПРФ лежат другие основания, например экономические, деньги, а не логика дела, тогда это уже другая тема и говорить тут не о чем).

Значит ли все это, что идея коммунизма бесперспективна? Думаю, так категорично утверждать довольно опрометчиво.

1) Идея коммунизма имеет онтологическое (бытийное) основание, суть которого в том, что людям всегда свойственно думать о будущем, строить идеалы. Тем более на русской почве, где идеи социальной справедливости и влечение к идеалу — вовсе не пустой звук. Коммунизм — идеал, к которому можно стремиться, но который недостижим, ибо реальность всегда приземленнее идеала. К тому же и сам идеал может меняться, углубляться и развиваться. Опросы Социологического центра РАГС показывают, что в ценностной структуре массового сознания идеалы социализма занимают видное место. В 2003 г. 58,4% респондентов сочли, что «следовало бы развивать новые подходы к социалистическому обществу». При этом большинство из них высказалось за развитие рыночной экономики, которая в их сознании не является антиподом социализма.

2) Согласно синергетике общество — открытая саморазвивающаяся и самонастраивающаяся система. Траектория его движения всегда вариативна. Предусмотреть все точки роста и варианты развития невозможно. Нельзя исключить, что на определенном этапе и уровне развития общества идея коммунизма заиграет новыми смыслами и гранями, а общество окажется в состоянии их оценить и даже осуществить. Об этом говорит и цикличность развития социума.

3) Коммунистическая идея нуждается в развитии. Если коммунизм — движение, то он по определению должен трансформироваться, обновляться, избавляться от устаревшего и изжившего себя. Следовательно, нужны серьезные научные исследования, теоретические

разработки, новые крупные идеи и подходы, неординарные решения. Нужны хорошие аналитические центры и издания, которые придали бы коммунистической идее современный и солидный вид. Привлечение мощных интеллектуальных сил способно придать коммунизму новое дыхание. Вряд ли эти силы будут многочисленными, но все же найти их можно. Это могут быть совсем неизвестные люди, но дело в их потенциале, а не популярности. На старом багаже далеко не уедешь.

4) Нужно готовить серьезные кадры разных уровней, которые работали бы в обществе с людьми, вкладывать в них деньги. Их надо учить в самых лучших вузах, осуществлять переподготовку по самым лучшим программам. Ибо безграмотные сторонники могут лишь дискредитировать идею.

Современный коммунизм, если он хочет остаться на плаву истории, должен отказаться от насилия, неправовых форм достижения целей, от попыток строить свою политическую программу на отрицании рынка и частной собственности. Однако он должен настаивать на другом, человеческом их измерении. Россия, по выражению Бердяева, страна антиномий. Сегодня, на мой взгляд, императив и должная парадигма российского бытия — медиация, срединность, сохранение баланса между крайностями, между всевозможными Сциллами и Харибдами — либерализма и авторитаризма, вседозволенности и ханжества, архаики и постмодернизма, «красного» и «белого», нашего и не нашего (список можно продолжать). Если силы, теоретические и политические, представляющие коммунизм, хотя бы подумают над этим, то у него еще не все потеряно.

Что касается Китая, то с учетом его нарастающей мощи и геополитических территориальных претензий к России и ввиду очевидной слабости последней превращение его в угрозу, которая поставит под вопрос само существование России — вопрос лишь времени, и не столь далекого, как может показаться. Особенно если не принять адекватные

этой угрозе ответы.

Допускаю, что оценки и мысли докладчиков и других выступающих глубже и вернее.

Спасибо за внимание!

В. М. Межуев

Должен сказать, что сожалею о своем согласии выступить на этом заседании. Сказать за 20 минут то, о чем думаешь полжизни, невозможно. Мне кажется, многое из того, о чем я попытался сказать, осталось непонятым.

Хочу напомнить, что я — не социолог, не экономист, не политолог, а философ. И меня как философа интересует идея социализма (или коммунизма), а не то, что называлось у нас социализмом. Каждый философ знает, что нельзя отождествлять идею с реальностью. Попробуйте отождествить идею добра с тем, что существует в реальности. Или идею красоты, истины, свободы и пр. Исказите реальность и извратите идею. Именно Сталин и проделал нечто подобное с идеей социализма, отождествив ее с созданной им реальностью. В итоге возник миф о победившем социализме, сталинский миф, в которые сегодня многие безоговорочно верят.

Здесь уже говорили о том, что идея социализма и то, что было у нас, — не одно и то же. Как и выступавший здесь А. М. Ковалев, я также не считаю, что мы жили при социализме. Но тогда надо ответить и на вопрос, что следует называть социализмом и шире — коммунизмом, в чем состоит их идея. Без этого нельзя разобраться и в той реальности, в которой мы жили. Философы отвечают за идеи, политики — за их практическое воплощение. Именно к идее коммунизма, к тому, как она может выглядеть сегодня, а не к ее практическому воплощению в нашей стране, я и хотел привлечь внимание в своем выступлении.

А. А. Зиновьев

Слово предоставляется Журавлеву Юрию Ивановичу.

Ю. И. Журавлев

Уважаемые коллеги, любая теория есть модель. Она не может отражать реальности в полном смысле этого слова. Никогда никакая теория никогда никакую реальность полностью не отражает. Это ясно надо понимать. Любая модель есть приближение, равно, как и любая теория. Это первое.

Много говорили о том, может ли предательство одного человека резко изменить систему, роль личности и т. д. Это вопрос сложный. Лет 10–15 развилась такая математическая теория катастроф. Причем, под катастрофой понимается отнюдь не обязательно плохое действие. Это резкое изменение системы. Оказывается, что любая сложная система проходит в своем развитии некоторые критические точки, когда очень маленьким воздействием можно получить очень большой эффект. И вот в эти небольшие, незначительные по времени моменты времени, относительно всего времени, роль личности колоссально возрастает. И вот это надо учитывать. В основном, как правило, действительно это так. Кроме вот этих особых точек.

И последнее. Я вырос и получил все свои чины и звания в основном при советской власти. Тогда у технарей, у математиков было глубокое пренебрежение к гуманитарной науке, потому что мы смотрели вокруг и видели, что происходит. Естественно, не как все, но большинство. И вот сегодня мне приятно услышать (я с чем-то согласен, с чем-то не согласен, я сейчас об этом говорить не буду), очень приятно было услышать несколько ярких, интересных выступлений наших гуманитариев. А это означает, что не все у нас потеряно. Потому что, если у нас будет сильная гуманитарная наука, через некоторое время у нас все изменится к лучшему. Одни технари этого не сделают. Спасибо.

А. А. Зиновьев

Слово имеет Юрий Николаевич Солодухин.

Потом для короткой реплики — Виктор Степанович Кожемяка.

Ю. Н. Солодухин

Хотел бы высказаться по некоторым вопросам, которые здесь поднимались.

Коммунизм характеризовался как теория, философская идея, культурологическая идея, миф, реальность — все эти термины использовались. Очевидно, каждый из них в определенном отношении правомерен. На мой взгляд, все мы сходимся в том, что был 70-летний отрезок времени, в течение которого существовала конкретная историческая реальность, которая резко отличалась как от предыдущего этапа, так и последующего этапов развития. Она и должна быть исходным пунктом изучения, рефлексии о коммунизме, поскольку строилась в соответствии не только с объективными закономерностями, но и с определенными представлениями, определенным видением коммунизма. Другого эмпирического материала для действительно предметного обсуждения темы коммунизма у нас нет.

Так вот, если обратиться к этой реальности, то увидим, прежде всего, что доктрина, теория, концепция коммунизма позволила нашей стране в сжатые сроки совершить прорыв на передовые рубежи экономического и социального развития, стать одной из самых мощных держав мира. Естественно встает вопрос, почему же Советский Союз рухнул? Почти 20 лет отделяет нас от начала горбачевских преобразований. На протяжении без малого 15 лет Россия идет по пути экономических, политических, социальных реформ. Представляется, что только сейчас формируется временная дистанция, позволяющая без пристрастий и предубеждений взглянуть на эту проблему. Мне представляется, что она должна быть

сформулирована следующим образом: крах советского варианта коммунизма — это крах самой идеи, теории коммунизма? Или это крах именно ее советского воплощения, крах конкретной исторической модели, не сумевшей справиться с вызовами времени?

Лично я склоняюсь к тому, что сегодня человечество не располагает опытом, который бы позволил дать научно обоснованное, то есть строго доказанное, заключение о жизнеспособности или, напротив, нежизнеспособности идеи коммунизма. Подчеркиваю, именно идеи, или, говоря современным языком, коммунизма как глобального исторического проекта. Иное дело, советский коммунизм. Его крушение стало результатом действия целого ряда, комплекса факторов, причин. Одна из них хорошо показана в трудах А. А. Зиновьева и определена им как управленческий кризис. Я с ним в этом полностью согласен. Уже в начале 60-х годов в СССР явственно обозначилась неадекватность управленческих технологий, сложившихся в своих основных чертах в 30-40-е годы, растущим масштабам и усложняющимся связям народного хозяйства страны. Однако попытки их модернизации, предпринятые в середине 60-х годов и известные как «косыгинские реформы», не получили поддержки у партийной элиты.

Есть и вторая причина крушения, может быть, еще более значимая. Реальный социализм или коммунизм, построенный в Советском Союзе, оказался слабо восприимчивым к тем изменениям в развитии производительных сил, к тому прорыву в технологиях, который произошел в мире после Второй мировой войны. По-видимому, сказался ряд факторов: косность правящего класса, отсутствие системы экономических стимулов, спроса на предприимчивость и инициативу предприятий, трудовых коллективов и прочее. Все это имело место. Проявились ли в этих недостатках советской модели родовые, врожденные недостатки коммунизма? Однозначный ответ дать трудно. Если это были родовые недостатки, тогда социализм и, соответственно, коммунизм обречены. Но,

скорее всего, это не так, поскольку лозунг «органического соединения достижений научно-технического прогресса с преимуществами социализма» выдвигался, конкретные предложения о том, как это сделать, прорабатывались. Похоже, что у высшего руководства не хватило политической воли довести дело до конца, а хозяйственная элита не была заинтересована в лишних хлопотах.

Думаю, что, несмотря на все попытки отечественных либералов полностью дискредитировать сами понятия «коммунизм», «социализм», вытравить из сознания народа саму память об этом периоде в истории страны, перспективы возрождения интереса, притом интереса не умозрительного, а практического, у идеи коммунизма есть. Они обусловлены тем, что тот заряд энергии, активности, который капитализм получил после Второй мировой войны, сейчас явно начинает выдыхаться.

Уже видно, что капитализм не в состоянии решить такую проблему, как обеспечение занятости. Нарастает дифференциация в уровнях доходов внутри самих постиндустриальных стран. Она особенно высока в США. В странах Европейского Союза пока удается удерживать этот процесс под контролем. Но нет и сокращения дифференциации. Речь не о том, что нужна уравниловка, речь об отсутствии прогресса в реализации одного из базовых принципов социального государства — принципа социальной справедливости.

Высокий уровень жизни присущ только очень узкому кругу стран. Большинство из них объединено в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Почти 90% товарооборота членов этого объединения, насчитывающего немногим более 40 государств, приходится на них самих. Точно также 75–80% осуществляемых ими инвестиций — это инвестиции в рамках этого сообщества. Иными словами, возник, если так можно сказать, анклав хорошо себя чувствующих государств, окруженных странами более бедными, за счет которых они, собственно, и живут. Раскол человечества на богатый Север

и бедный Юг становится все более глубоким и взрывоопасным. Здесь один из главных истоков современного международного терроризма.

Мне кажется, что для нашей страны изучение коммунистического проекта имеет особую актуальность. Мы сейчас находимся в очень странном состоянии. На Российскую Федерацию сегодня приходится примерно 1–2% мирового промышленного производства. Наш удельный вес на рынке высоких технологий 0,3%, для сравнения — США 27%, Япония 25%. По индексу развития человеческого потенциала, который отслеживает ООН, мы сейчас находимся на 57 месте в списке из 170 государств. В начале 90-х годов мы занимали 42-е место. Международная организация труда считает, что уровень оплаты труда, обеспечивающий минимально приемлемый уровень жизни, составляет не менее 3 долларов в час. С учетом инфляции и снижения курса доллара этот показатель сегодня должен быть не менее 3,5 долларов в час. У нас средняя номинальная оплата труда составляет около 2 долларов в час. Если мы выполним установку президента В. В. Путина РФ об удвоении ВВП в 2010 году, то выйдем на макроэкономические, душевые показатели, которые РСФСР имела в 1990 году, то есть через 20 лет вернемся на 20 лет назад.

К чему я привожу все эти цифры? Чтобы показать, что положение России не такое плохое, как кажется на первый взгляд, оно еще хуже. Как из этого положения выходить? По пути продолжения либеральных реформ, позитивную отдачу от которых ощущает лишь небольшой слой населения, или путем использования некоторых элементов того опыта, который накопил Советский Союз? Ответ мне представляется очевидным. Уже по этой причине задача анализа коммунистической идеи, опыта СССР представляется важной не только с чисто интеллектуальной точки зрения, но и с точки зрения практической политики.

В. С. Кожемяко

Я как журналист здесь говорю, поэтому больше на уровне массового

сознания или подсознания, чем на теоретическом уровне.

Начался разговор за упокой в выступлении В. М. Межуева, а кончился все-таки во здравие. В выступлениях Солодухина, Митрошенкова, который сказал, что крест на коммунизме полностью ставить нельзя. Еще не известно, как будет трансформироваться, развиваться эта идея и т. д.

В. М. Межуев все хотел, чтобы ответили, что такое коммунизм. Я бы ответил одним словом: справедливость. Вот что такое коммунизм для большинства людей на уровне массового сознания. И вот почему, с моей точки зрения, победила революция в России в 1917 году. Потому что это было близко, выражаясь научным языком, менталитету русского человека. Если взять русские песни, сказки, былины и т. д., если подумать, почему именно христианство, именно православие в России. Для меня совершенно очевидно, что вот поэтому Октябрьская революция победила или в том числе поэтому. В моем представлении, решающим образом поэтому. Мне кажется интересным исследование Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма». Там как ученый он много чего проследил, заметил и отметил.

Если говорить о том, что будет. Конечно, гадать не надо. Я уверен, что все-таки не только как идея справедливость для русского человека остается жить, но и как стремление к этой справедливости — тоже. Годы, которые мы пережили за последнее десятилетие, привели к переоценке ценностей очень многих. И многие из тех, кто шел под антикоммунистическими, антисоветскими лозунгами, сейчас уже рассуждают совсем по-другому, видя то, что произошло.

Конкретный факт. На экране телевизора стоят два писателя в Переделкино. Стоит Фазиль Искандер и стоит Андрей Битов. Больших демократов и больших либералов представить трудно. Но они рассуждают неожиданно. А ведь, наверное, говорит Искандер, нам не ввали, когда говорили о капитализме, писали о нем в советской печати. Оказывается, на

самом деле это так. Это Искандер под воздействием, что какой-то завод возле их дачи теперь строят. То есть беспредел остановить невозможно, и он понимает, что, оказывается, ему не ввали про капитализм. Оказывается, на самом деле то, что писали, верно.

Можно привести еще много примеров, фактов, говорящих о том, что в сознании людей происходят большие перемены. И само состояние нашего общества заставляет многое переосмысливать. Запад не заинтересован в том, чтобы Россия усиливалась. Он заинтересован в том, чтобы она погибла. И чем скорее, тем лучше. Это ясно. И все силы идей Запада действуют против нас, направлены против нас. Но вопрос: выживем или нет? Не надо забывать и о странах третьего мира. У Межуева все слилось: вот все так, потому что все решено. Но решено-то где? Идеи коммунизма небезнадежны. И дело коммунизма. Я в это свято верю. Читая работы А. А. Зиновьева о реальном коммунизме, многое лучше начинаешь понимать. И это может никогда не повториться, этот исторический опыт, колоссальный опыт, но если говорить лично обо мне, то я убежден, что в другой форме, но неизбежно должен повториться. Человечество не может отказаться от стремления к справедливости.

А. А. Зиновьев

Конечно, на одной конференции решить все проблемы невозможно. Думаю, что это будет только начало. Обсуждать проблему коммунизма, так или иначе, придется. Это одна из самых главных тем для размышлений.

Пару слов по поводу выступления Юрия Николаевича. Дело в том, что моя жизнь сложилась так, что мне в течение более 20 лет пришлось наблюдать всю кухню разрушения Советского Союза и советского коммунизма. Мне создали такую репутацию, что я мог видеть своими глазами святая святых всей этой механики. Скажем, невосприимчивость советской системы к открытиям и т. д. Да ничего подобного. Просто

разные системы. И к различным явлениям восприимчивость. Незадолго до возвращения в Россию, я в Америке встретился с одним из крупнейших организаторов погрома Советского Союза. Он мне сказал, что американцам теперь никакая наука не нужна. Им на 20 лет хватит патентов, которые они захватили в Советском Союзе, чтобы их изучать и использовать. У меня буквально волосы на голове шевелились, когда я просматривал только приблизительно, каков перечень открытий, которые были сделаны в нашей стране, опередившие в этом отношении западный мир на много десятилетий, может быть даже на целое столетие. Открытия делались потрясающие. Другое дело, не использовались, не внедрялись в жизнь. Ресурсов не хватало. Учитывать надо фактор бедности. То, что мы делали, мы делали в условиях социальной пустыни, бедности. То, что они делают, они делают там, в условиях социальных джунглей, избыточного богатства. То, что там можно, у нас невозможно. В одном социальном пространстве Соединенных Штатов фактически сосуществовало 50 систем, сопоставимых с советской. Они могли позволить себе вариации.

Жизненный уровень. Какими критериями руководствоваться? Могу как ученый показать, что можно ввести критерии сравнения, согласно которым, жизненный уровень в нашей стране был выше, чем даже в богатой Германии и США. Если бы в Советском Союзе на самом деле был бы такой провал, как изображают его враги, то не было бы такой надобности в «холодной» войне. Основой для холодной войны и вообще тотальной войны против нас, которая и сейчас продолжается, были не провалы, а реальные успехи, которые были достигнуты благодаря именно социальной организации. Надо изучать на научном уровне то, что было на самом деле. Были преступления и прочее. С точки зрения социальной организации не это главное. Главное именно преимущество самой организации.

В предисловии к книжке «Запад» я писал: «Разгромив коммунизм на Востоке, Запад сам устремился в том же направлении». Западный мир

пошел по тому пути, который открыла наша страна. По-своему, по-другому, богаче и т. д. Но путь тот же: сверхобщество. Дайте мне любое явление советской социальной структуры, я вам могу показать в западной структуре аналогичное явление. По-другому называется, другие формы имеет, но функции те же. Просто жутко становится от того, что мы прошляпили. Нас оболванили, обвели вокруг пальца. Сейчас мы оказались в таком ужасающем положении. Что делать? Я уверен, что необходимым условием возрождения России является следующее: или мы с беспощадной ясностью поймем на самом высоком научном уровне, что у нас было, почему рухнуло, что есть на Западе, куда идет мир и т. д., или мы погибнем. Мы должны переумнить Запад. В этом сейчас наше главное оружие.

На этом закончу. Считаю, что конференция была в высшей степени полезна. Мы напечатаем все ее материалы. Надо будет обязательно эту книжку с итогами выпустить на широкий литературный рынок, а не ограничиваться только узкими пределами университета. Такая книга не останется незамеченной. Спасибо вам за участие в конференции.

И. М. Ильинский

Договоримся обсудить перспективу мирового либерализма. Альтернатива. Это будет плодотворно. Спасибо.

17 марта
2005 года
Московский
гуманитарный
университет

Двенадцатое заседание

Тема: «Перспективы мирового либерализма»

Присутствуют:

Члены Русского интеллектуального клуба

Зиновьев Александр Александрович — Президент Русского интеллектуального клуба, доктор философских наук, профессор.

Ильинский Игорь Михайлович — ректор Московского гуманитарного университета, вице-президент Русского интеллектуального клуба, доктор философских наук, профессор.

Михайлов Игорь Алексеевич — вице-президент Русского интеллектуального клуба, политический обозреватель «Голоса России», политолог и публицист.

Болдырев Юрий Юрьевич — государственный деятель, профессиональные интересы в сфере государственного управления и контроля, экономической и социальной политики.

Журавлев Юрий Иванович — академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор, академик РАЕН, член Испанской королевской академии, директор Института кибернетики РАН.

Катульский Евгений Данилович — проректор по научной и издательской работе Московского гуманитарного университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Луков Валерий Андреевич — заместитель ректора МосГУ по научной работе, заведующий кафедрой социологии молодежи Высшей гуманитарной школы (Щецин, Польша), доктор философских наук, профессор.

Луков Владимир Андреевич — декан факультета научно-педагогических кадров, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований МосГУ, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Межуев Вадим Михайлович — главный научный сотрудник Института философии РАН, профессор МосГУ, доктор философских наук, профессор.

Серебрянников Владимир Васильевич — заместитель руководителя Центра социологии национальной безопасности Института социально-политических исследований РАН, доктор философских наук, профессор, генерал-лейтенант запаса, действительный член Академии политической науки.

Шершнева Леонид Иванович — президент Фонда национальной и международной безопасности, главный редактор журнала «Безопасность», эксперт Государственной Думы и Совета Федерации РФ по безопасности, генерал-майор запаса.

Эксперты по теме обсуждения:

Гайдар Егор Тимурович — директор Института экономики переходного периода, доктор экономических наук.

Булаков Олег Николаевич — декан юридического факультета, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета, доктор юридических наук

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович — академик РАН, заместитель директора Института философии РАН.

Долженко Олег Владимирович — главный редактор журнала «Alma mater: Вестник высшей школы», доктор философских наук, профессор.

Ледяев Валерий Георгиевич — председатель отделения Российской ассоциации политической науки, профессор кафедры социальной и политической философии МосГУ, доктор философских наук, профессор, доктор политики (Манчестер).

Митрошенков Олег Александрович — заведующий сектором Социологического центра Российской академии государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук, профессор.

Новицкий Иван Юрьевич — депутат, председатель Комиссии по

землеустройству Московской городской Думы, кандидат биологических наук.

Сивков Константин Валентинович — специалист Российского центра военно-стратегических исследований Генерального штаба Вооруженных Сил РФ, доктор военных наук, капитан 1-го ранга, академик Академии военных наук.

Чиркин Вениамин Евгеньевич — главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ.

Шабров Олег Федорович — заместитель заведующего кафедрой политологии и политического управления Российской академии государственной службы при Президенте РФ, доктор политических наук, профессор, академик Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка.

Шендрик Анатолий Иванович — заведующий кафедрой культурологи Московского гуманитарного университета, доктор социологических наук, профессор, секретарь ЦК ВКПБ.

Стенограмма заседания

Председательствует А. А. Зиновьев

А. А. Зиновьев

Уважаемые коллеги, разрешите объявить открытым заседание Русского интеллектуального клуба.

Тема сегодняшнего заседания Русского интеллектуального клуба: «Перспективы мирового либерализма». Докладчиками по теме являются:

Гайдар Егор Тимурович — директор Института экономики переходного периода, доктор экономических наук.

Болдырев Юрий Юрьевич — член Русского интеллектуального клуба.

Регламент такой как всегда: докладчики от 20 до 25 минут, а выступающие от 8 до 10 мин.

Позвольте предоставить слово Гайдару Егору Тимуровичу.

Е. Т. Гайдар

Уважаемые коллеги, поставленная тема, как вы понимаете, безбрежна. Ее можно освещать в любом виде и бесконечное время. Уже не говоря о том, что можно вступить в длинные дискуссии о том, что такое либерализм, и вспомнить о том, что «либерализм» даже на английском языке совершенно по-разному воспринимается в США и, скажем, в Англии.

В силу этого я хочу говорить только об одном важном аспекте этой темы — о взаимосвязи либерализма в классическом смысле этого слова (принятом в XVIII веке, как у Адама Смита в его труде «Исследование о природе и причинах богатства народов»), и того процесса, который называется современным экономическим ростом. Термин введен,

разумеется, неудачно, но укоренился, к сожалению. На мой взгляд, вопросы перспективы мирового либерализма обсуждать вне контекста современного этапа современного экономического роста очень трудно и малопродуктивно. Так как здесь, если я правильно понимаю, не все присутствующие экономисты, то несколько слов о вещах достаточно общеизвестных.

Процесс современного экономического роста — это процесс беспрецедентного в мировой истории ускорения экономического развития, который начался на рубеже XVIII и XIX веков. Ведутся споры. Дмитриевич считал, что это скорее конец XVIII-го, сегодня его последователи полагают, что это начало XIX-го века. Но в целом это процесс, который связан с беспрецедентным, в десятки раз, ускорением экономического роста и вытекающими из него беспрецедентными по масштабам глобальными изменениями социальной структуры и организации общества. Структуры населения, структуры занятости, демографического поведения, рождаемости, продолжительности жизни, уровня образования и т. д. Все эти изменения носят глубокий и системный характер.

Этот процесс не завершен, поэтому, как показывает опыт, очень трудно надежно прогнозировать на основе экстраполяции. Скажем, Маркс, когда писал об абсолютном обнищании пролетариата, опирался на глубоко укоренившиеся и общепринятые представления. Эта тема не обсуждалась до 60-х годов XIX века. Точнее так: обсуждался вопрос, идет ли абсолютное обнищание или просто не растет уровень жизни. Но то, что уровень жизни не растет на фоне беспрецедентного экономического роста, — это была аксиома. А дальше историки на протяжении 150 лет пытаются определить: на самом деле было обнищание или его не было. Поскольку историческая статистика ненадежна, то доказать это точно нельзя. Эта тема неисчерпаема.

Важно не это. Важно, что к 1860-му году все были убеждены, что

абсолютное обнищание есть факт или, по крайней мере, что повышение уровня жизни невозможно. Потом выясняется, что с 1860-х годов она сменяется на прямо противоположную, и начинается беспрецедентное в истории повышение уровня жизни как раз рабочего класса и низших слоев общества. Оно нарастает и через 20 лет уже является темой обсуждения. Короче говоря, это не стационарный, преподносящий массу сюрпризов тем, кто думает, что он понимает его закономерность, процесс, который, просто по определению, мы не можем знать и прогнозировать. Это первое.

Второе. Сам этот процесс, разумеется, теснейшим образом связан с либеральной парадигмой, с той своеобразной системой институтов, которая сформировалась в северо-западной Европе. Она сформировалась в северо-западной Европе где-то к концу XVII, к XVIII веку. В первую очередь в Голландии. И именно она связывала руки власти. Суть ее — связанные руки власти. Власть не всесильна. У нее есть ограничения. После этого мы получаем возможность выйти из той ловушки аграрной цивилизации, в силу которой у нас в течение десятилетий уровень жизни практически не рос.

Дальше начинается процесс радикальных изменений. Он начинается на базе либеральной парадигмы, которая доминирует в интеллектуальном мире в полном объеме в XVIII веке, в первой половине XIX века. Это считается общепринятым. Это классическая либеральная парадигма, а совершенно не та, которая существует сегодня, но в рамках которой предполагается: связать руки власти, защита прав частной собственности, демократия налогоплательщиков. Люди не платят налогов, в установлении которых они не принимали участия через своих представителей. Все это начинает восприниматься как данность. Если посмотреть, какое влияние оказывали английские идеи на французских просветителей, то видно влияние этой либеральной парадигмы на Европу, сначала Западную, потом всю Европу. Но в рамках этой парадигмы, действительно создающей базу беспрецедентного ускорения экономического роста, конечно, не

предполагается собственно никаких социальных программ, которые выходят за пределы того, что принято в традиционном обществе. Идея о том, что можно предоставить всем пожилым людям пенсионное обеспечение людям 30-го года XIX века показалась бы абсолютно столь же идиотичной, как идея, что можно этого не делать людям середины XX века.

Дальше появляется целый набор серьезных социальных проблем, которые порождены современным экономическим ростом и на которых я не буду останавливаться, потому что, я думаю, это всем присутствующим более или менее понятно. Выясняется, что что-то надо делать, потому что идет та самая социальная дезорганизация, о которой сказал Маркс. Дальше эта либеральная парадигма постепенно шаг за шагом уступает место другой. Ее можно назвать социалистической. Мы говорим: да, у нас огромные новые возможности и у нас новые социальные проблемы, и государство должно заняться тем, чтобы эти проблемы решать. Государство начинает заниматься тем, что решает эти проблемы. Либеральные экономисты начала XIX века говорят, что попытки решить эти проблемы только усугубят дело. Их прогнозы не сбываются. Выясняется, что фабричное законодательство социальные гарантии не ухудшает, а улучшает дело и они отнюдь не препятствуют экономическому росту. На этом фоне растет длинная-длинная социалистическая волна, которая основана на нарастающей убежденности (в разной форме: марксистская, немарксистская) в том, что государство может решить все больше и больше проблем именно потому, что оно получает новые беспрецедентные ресурсы, инструменты. Эта волна определяет развитие событий в мире где-то между 70-ми годами XIX века и примерно до конца 70-х годов XX века. Можно бесконечно уходить в детали, включая детали, связанные с грандиозными событиями, социалистическими экспериментами, но я, в данном случае, не хочу этого делать.

Основные структуры, институты современного мира, как принятые, как очевидные, данные, формируются именно на фоне этой длинной социальной дирижистской волны. База этой длинной социальной дирижистской волны, когда она поднимается особенно высоко (конечно, это с 1913–1914 годов), — это ломка представлений о верхних пределах налогообложения. Представления о том, что есть верхний предел налогообложения, совместимый с нормальным функционированием общества, существовали тысячелетия и в самых разных цивилизациях. Они варьировались. Выше они в обществах, основанных на орошаемом земледелии, ниже в обществах, основанных на неорошаемом земледелии, но в целом они крутятся все где-то вокруг 10%. Всё, что мы знаем из исторической статистики, все эти цифры дают предельный размер налогообложения в районе 10% валового внутреннего продукта. Когда пытаешься отобрать у крестьянина больше, то, соответственно, он начинает либо умирать от голода, бежать с земли, идти в разбойники, у тебя сельское хозяйство приходит в состояние разорения, и дальше понимаешь, что — всё. Есть огромная, безграничная литература по этому поводу.

В XIX веке произошли беспрецедентные изменения: а) в уровне благосостояния, б) в возможностях государства взимать налоги с тех сфер деятельности, которые традиционно были освобождены от налогообложения, с торговли. Но все равно сохранились представления о том, что 10% — это нормальное налогообложение, если ты взимаешь больше, то это крайне вредно для экономического роста. Они полностью доминируют вплоть до начала Первой мировой войны. Спорят, что 15% — это слишком много, а 5% — хорошо, 10% — нормально. Это аксиома.

А потом Первая мировая война ломает эти стереотипы. Выясняется, что когда надо, государство, которое обладает гораздо большими административными возможностями (и уже имея просто большую базу, потому что уровень жизни далеко оторвался от того минимального

прожиточного уровня, на котором жил крестьянин в данном государстве), может взять и 10, и 15, и 20, и 30%. Этот постепенный процесс выхода на новые границы идет постепенно, он, конечно, тяжелее идет с длинной традицией низких налогов как некой добродетели. Но и здесь, на самом деле, линия обороны оказывается быстро прорванной. Первая мировая война вносит дополнительный вклад, условно говоря, без деталей, выводит его с 10% на 20%, а Вторая мировая война выводит его с 20% на 30%. Как среднее по наиболее развитым странам. Потом идет дальнейшая волна роста государственных доходов на долю ВВП. Где-то до 60-х годов вообще тема существования верхних пределов налогообложения категорически не произносится. Есть отдельные работы Кларка, Шумпетера, которые прогнозируют, что проблема снова встанет. Столько было прогнозов, что вот этот верхний предел — оказалось: неверно, вот этот верхний... Это занятие становится страшным для профессиональной репутации. На эту тему просто предпочитают не писать. Вот видим же, что можно. Говорили, что нельзя — можно, говорили, что нельзя — можно...

Именно на фоне этой волны (соответственно беспрецедентные темпы экономического роста и беспрецедентные темпы наращивания возможности изъятия государственных ресурсов, и соответственная идеологическая волна, связанная с оптимизмом: государство все может сделать) и формируются основные современные институты социальной защиты. Формируется современная пенсионная система, формируется современная система организации финансирования образования, формируется современная система организации финансирования здравоохранения, формируются современные системы социальной защиты. Они формируются в условиях безумного роста государственных возможностей и при этом еще плодов общества, где на 2% налога на заработную плату в Америке профинансировать достаточно много. Все это очень маленькое. Расходы на здравоохранение — это 2% ВВП, образование — 2% ВВП. Что это стоит, если можем изъять 50%? Ничего

страшного нет. Но мы тем самым формируем эту систему, закладываем очень длинный долгосрочный пакет, потому что пенсионную систему сформировать очень трудно. Но демонтировать нельзя. В демократической стране нельзя демонтировать. Обещать всем гарантии бесплатного здравоохранения, а потом сказать, что на это денег нет, — это трудно.

То есть мы заложили систему. Причем все это накладывается на две вещи. Первое: завершение демократического периода. Мы из общества молодого, с очень ограниченной долей пожилого населения, причем еще со старыми традициями, что пожилые работают до тех пор, пока они трудоспособны, потому что пенсия — это же просто страховка на случай дожить до времени нетрудоспособности — так все воспринимается с 30-го года. А ситуация-то радикально меняется. Мы переходим от населения, где было 7 рождений на одну женщину, к семье, где 1,3 рождений на одну женщину во многих странах. Переходим к обществу, где у нас людей старших возрастных групп радикально, в разы больше в процентах, чем это было раньше. А это уже имеет последствия не только для пенсионной системы. Так, есть очевидные хорошо известные зависимости потребности расходов на здравоохранение среднего возраста. Скажем, в Америке на последний год жизни приходится треть расходов на здравоохранение.

То есть мы заложили тенденцию не просто роста абсолютного размера доходов, который может компенсироваться экономическим ростом. Мы заложили механизм роста доли расходов ВВП, которая направляется на ряд социальных нужд, на ряд социальных программ. Потому что ваша задача не просто обеспечить, скажем, стабильный уровень доходов пенсионеров. Социально важно обеспечить стабильное соотношение их пенсий и средней заработной платы. Человек, который переходит из положения работающего в положение неработающего, в современном обществе предполагает (с учетом сокращения потребностей, но, тем не менее), что должен сохранить примерно исходный уровень жизни.

Это не вопрос, если ВВП возрастет на 3% в год. Это не мешает, потому что это структурные вещи, они заложены. Они просто другие, чем были в аграрных обществах, но они есть. Они немножко разные в разных странах. Это показывает последнее развитие. Они выше в странах моноэтнических, мононациональных, дезинтегрированных, нефедеральных. Они меньше в странах менее социально интегрированных, менее однородно этнических, федеративных. Во всех федеративных странах, скажем, в Германии они существенно ниже, чем в странах такого уровня развития как в Скандинавии — относительно моноэтнической, но они выше, чем в США, полиэтнической страны.

Дальше они где-то находятся в диапазоне от 30 до 50%. Но попытки выйти за эти 30–50% приводят, как уже показывает опыт, к широкому распространению теневой экономики, к уклонению от уплаты налогов, к переносу предприятий в другие страны с более благоприятным налоговыми условиями, соответственно — к налоговой конкуренции, к финансовым кризисам, к инфляции, к необходимости торможения этой инфляции. На рубеже 70–80-х годов мир вступает в новый этап, где ясно, что возможности государства объективно ограничены. Дальше наращивать налоги нельзя. А потребности в росте социальных расходов — заданы, их очень трудно ограничивать.

Есть огромная история попыток ограничить рост расходов на здравоохранение в самых разных развитых странах мира. Они показывают, что разными административными мерами, регулированием бюджета больниц и т. д. можно это приостановить лет на 8–10. А потом все равно все пробивается. Уже проверено. Стареет население. И проверено: растут новые возможности в здравоохранении, и вы можете спасти людям жизнь, и объяснить в этой ситуации, что вы не будете предоставлять деньги на то, чтобы спасти людям жизнь, если это возможно, очень трудно. А дальше возникает вся эта проблема экономики дефицита, хорошо известная всем, кто жил в Советском Союзе: с очередями по многу-многу месяцев на

медицинское обслуживание, с невозможностью вызова врача, с очередями по многу месяцев на то, чтобы сделать анализ, с неудовлетворительным качеством обслуживания, со стилистикой общения «вас много, а я одна», «вы здесь не стояли». Все это. Если вы посмотрите, что там происходит в системе здравоохранения многих очень развитых стран, — это очень напоминает Советский Союз.

Это объективное противоречие, собственно, и порождает новую идеологическую либеральную волну на этот раз, которая, если говорить о политиках, конечно, связана с именами Рейгана и Тэтчер и которая во многом начинает определять то, что происходит и неизбежно будет происходить в наиболее развитых странах. Это вопрос теперь уже не убеждений. Это вопрос долгосрочной экономико-финансовой динамики, которая задает эту тему ограничения экспансии государства, ограничения государственных обязательств, рационализацию использования государственных денег, дополнение этих государственных денег везде, где это возможно, частными деньгами. Просто данность на ближайшее десятилетие.

Для России, как и для многих стран, которые начали современный экономический рост примерно на поколения два позже, чем лидеры, все это просто показывает картину нашего собственного будущего. У нас тоже была экспансия всех социальных идей, связанная с социалистическим экспериментом. У нас демографический переход был деформирован очень ранним, с точки зрения уровня развития, увлечением женщин работами крестьянского хозяйства и очень ранним началом падения рождаемости. Это создает нам очень своеобразную, довольно тяжелую демографическую динамику на ближайшие 50 лет. Но, по существу, от всех этих проблем мы никуда не денемся. Мы выберем одних, других, третьих. Все равно они не хуже и не лучше будут решать этот набор проблем.

Уважаемые коллеги, по-моему, я уложился в свой регламент. Я человек крайне дисциплинированный.

А. А. Зиновьев

Я думаю, что вопросы будут к Егору Тимуровичу.

И. М. Ильинский

Вопрос о перспективах. На общем фоне лучше о российских, потому что у всех болит свое. Но общий фон, конечно, нужен.

Е.Т. Гайдар

К сожалению, это тема, которую нельзя обсуждать в целом, по всему спектру. Потому что по всему спектру как обсуждать ее меньше, чем за час, я не знаю. Давайте я вам расскажу просто на примере. Он не единственный пример. Но он достаточно яркий и очевидный.

Проблема каждодневная, с которой мы все время сталкиваемся. Это проблема ситуации в нашей армии и соответственно система призыва, что касается отсрочек. Не послушать, как в очередной раз два солдата сбежали с автоматами, кого они убили, включив телевизор, невозможно. Но при обсуждении этих проблем у нас в стране преобладает такой своеобразный крайне краткосрочный подход. Денег недодали армии или генералы очень тупые, министерство обороны неправильное, пресса развалила армию антиармейской пропагандой — разные интерпретации. Чуть-чуть подправим — и все встанет на свои места.

Но это все абсолютно оторвано от контекста и российского, и глобального. Дело в том, что генералы у нас странные, иногда они полагают, что нынешняя система призыва традиционно российская. На самом деле, когда ее вводили в 1874 году, то генералитет писал статьи и письма, записки царю о том, что это полное нарушение всех российских традиций, это уничтожение порядка формирования, которое ввел Петр Великий, это вообще разрушение российской армии. Эта система возникла, я не буду рассказывать длинную историю, во Франции и

Пруссии, соответственно в разных вариантах. После франко-прусской войны стало очевидно, что прусская система комплектования является единственно возможной и эффективной. Поражение Франции в этой войне было главным аргументом, которое позволило убедить царя пойти на военные реформы, отказ от рекрутчины, введение всеобщей воинской обязанности в 1874 году, короткой, позволяющей создать большой военнообязанный резерв при относительно небольшой армии мирного времени.

И вся эта система — дальше я, конечно, не рассказываю всей истории, я думаю, что она понятна, — на многие-многие десятилетия, по крайней мере, в континентальной Европе, система короткого призыва, позволяющего создать большой военный обученный резерв, применимый в ходе крупной войны, становится абсолютно доминирующей, то есть воспринимается единственно возможной. К 1950-м годам у генералитета, у всего военного института, у всего общества сложилось представление о том, что эта система — единственно возможная в наше время. И она навсегда.

А это все на фоне радикальных изменений в жизни общества, которые связаны с тем же современным экономическим ростом. В России система призыва вводилась в 1874 году, когда на среднюю российскую женщину приходилось 7,1 рождений. И старшего сына в армию не брали. Только во время войны, причем крупной, во время войны мировой. И для этого крестьянского паренька, которого берут в армию, совершенно не было трагедией, что берут в армию. Это шанс получить дополнительное образование, специализацию, выйти в город. Старшему наследнику достанется земля, а ему что делать? Это было продолжением традиции. Только что крепостное право отменили. И для семьи это было совершенно нормально.

А вот за эти несколько десятилетий ситуация-то изменилась: выяснилось, на женщину приходится в России не 7,1, а 1,35 рождений. И

где вы людей возьмете? Это уже не крестьянский мальчик, как правило. Бывает, мальчик родился в городе, окончил среднюю школу, хочет учиться в вузе. Армия ему не нужна как инструмент социализации, обучения грамоте. В этой ситуации выясняется, что общество, по крайней мере 2/3 общества, верхних по социальному статусу доходов, вам никогда своих детей в армию не дадут. Они не дадут по разным основаниям. Вы можете отменить отсрочки по этим основаниям, будут больше где-то брать взятки в военкоматах или в системе медицинского освидетельствования, любым другим образом. Начнется миграция более интенсивной части молодежи за рубеж. Любым образом, но вот эти верхние 2/3 детей своих в армию не отдадут. Это не российская проблема. Это все началось в странах, которые опережали Россию на 50 лет, 50 лет тому назад.

Во-вторых, выясняется, что даже если, не дай Бог, вы его возьмете в армию, с ним нельзя сделать одного — его нельзя послать в бой. Потому что нельзя вот этого одного сына, которого взяли в армию, силой, в демократическом, по крайней мере, обществе, послать воевать, нельзя. Это просто исключается. Французы вели тяжелейшую войну в Индокитае и не послали туда ни одного призывника, потому что они знали, что это невозможно. Потом они вели тяжелейшую войну в Алжире и послали туда призывников, потому что они считали, что Алжир — это Франция. После этого Франция проголосовала за независимость Алжира. Историю вьетнамской войны я вам рассказывал. Причем там было два разных результата. Первое, что американцы ушли из Вьетнама. Второе, что американцы поняли, что перевод регулярной армии на контракт абсолютно неизбежен.

Это пример того, что может происходить с нами. То есть не надо думать, что от такой фундаментальной проблемы, как проблема призыва, которая связана не с тем, что у нас плохой министр обороны (назначьте гениального министра обороны, назначьте гениальных генералов!), а с тем, что это социальная демографическая проблема, масштабы которой

измеряются десятилетиями. С этим никто никогда ничего не сможет сделать, если вы не проведете военные реформы.

Дальше я могу также говорить и про здравоохранение, про образование

А. А. Зиновьев

Еще вопросы будут?

А. И. Шендрик

У меня будет несколько вопросов к Егору Тимуровичу.

Вопрос первый. В 1993 году появилось знаменитое письмо, подписанное лауреатами Нобелевской премии по экономике, в котором подвергался сокрушительной критике курс, выбранный Россией.

Как вы сейчас относитесь к этому письму. Ведь, собственно говоря, это письмо было одно из числа многих.

Е. Т. Гайдар

Я это хорошо знаю. Дело в том, что экономика — это такая наука с серьезной фрагментацией. Есть офтальмологи, есть педиатры, есть акушеры. Все, что связано с переходными экономиками — это отдельная специальность. Ты можешь быть гениальным, просто великолепным, но ты ничего не понимаешь в переходной экономике. Я могу сказать честно и откровенно, люди, которые писали это письмо (я знаю, кто готовил это письмо), — они же не писали это письмо, они подписывали, как это часто бывает. Но подписывали они из лучших намерений. Там есть великолепные экономисты, но вот в этой проблематике... Не надо лезть в акушерство, если ты офтальмолог. Даже гениальный.

А. И. Шендрик

Ответ получил.

Второй вопрос. Совсем недавно появился русский перевод книги Джона Стивенса. Там освещены некоторые проблемы.

«...Для большинства людей, живущих на территории бывшего Советского Союза перспективы на будущее мрачные...» И так далее, и тому подобное. Уничтожительные характеристики.

Джон Стивенс — это величина, он занимался переходными процессами. Как оценить его оценку происходящего? У любого читающего его книгу сложилось впечатление, что все происходило из-за того, что была выбрана неправильная стратегия.

Е. Т. Гайдар

С Джо мы эту тему неоднократно обсуждали. Проблема Джо, на мой взгляд, для меня она стала особенно понятна, когда американцы пригласили меня помочь разобраться, что происходит у них с экономикой Ирака. Тогда я особенно хорошо понял: Джо без всяких сомнений великолепный экономист, без всякого сомнения, умный человек. Он хочет разобраться, хочет понять. Я его читал с карандашом. А пишет, если вы его внимательно почитаете, особенно, если английское издание... Забавно, что из русского издания некоторые вещи убраны, потому что они воспринимаются как полный идиотизм. Поэтому они аккуратно убраны.

Я все время думаю: как же такой умный человек может написать такое количество глупостей? Потом с экономикой в Ираке я это очень хорошо понял. Я всегда примерно догадывался, но понял тогда, потому что, вы понимаете, людям, которые выросли и всю жизнь прожили в условиях стабильной рыночной экономики в демократическом государстве, понять, что такое революция и крах старого, — вообще невозможно, потому что это не укладывается в их сознании.

Я вам приведу один пример. Они просят помочь понять, что там происходит в Ираке. Я встречаюсь с одним из высокопоставленных людей. Очень тяжелая ситуация. Страшная проблема с бензином.

Нефтедобывающая страна. Она поставляет нефть в обмен на продовольствие, на самом деле покупаем бензин. Бензина хронически нет. Он же раньше был при Саддаме. А сейчас страшный дефицит бензина. Это просто взрывная проблема. Они убеждены, что это саботаж. Я встречаюсь с другим высокопоставленным человеком. Он говорит: страшная проблема — бензин, не понимаем, что делать. Саботаж.

Начинаем разбираться, как соотносится цена бензина в розницу в Ираке с ценой в Катаре. В развивающейся стране рядом. Оказывается, цена на бензин в Ираке в 16 раз ниже. Значит, пока у вас есть пограничная стража и таможня, вы можете себе позволить, будучи нефтяной страной, иметь цену на бензин в 16 раз ниже, чем у соседей. Когда у вас после краха режима таможня и границы разбежались, понятно, какой бизнес становится выгодным.

Любой человек, который жил при социализме, — ему не надо объяснять. Это детский вопрос. Вы представляете, они этого не понимают. И надо сказать, живут лучше.

А. И. Шендрик

Третий вопрос. Кратко.

Меня интересует следующее обстоятельство. Нынешнее правительство реализует в несколько видоизмененном виде ту самую реформу, которая осуществлялась Вами. Почему ощутимый эффект не наблюдается ни в экономике, ни в политике, ни в социальной сфере?

Е. Т. Гайдар

Я бы сказал, осуществляло. Примерно до середины 2002 года. До середины 2002 года я могу сказать, что реформы правительства России, действительно, были во многом той моделью реформ, за которую мы выступали и над которой мы работали. Что делается с 2003 года, сказать трудно, потому что ничего не делалось. То, что делалось в 2004 году, я,

извините, за это ответственности не несу.

Давайте попросту говорить. У нас падение производства в России началось с 1988 года. В 1991 году падение производства составило 11%. В 1991 году Советский Союз объявил себя банкротом. К концу 1991 года валютных резервов было на 1 час 45 минут. Вы представляете себе, что это значит.

Мы после краха социализма и краха социалистической экономики вошли в период, который назван трансконституционной инвестицией. Она имеет свои законы и проходила везде. В Восточной Европе там, где период социализма был меньше, и реформации были меньше, она занимала 3–4 года. На постсоветском пространстве 6–7 лет. Потом начинается ускоренный рост. На всем постсоветском пространстве устойчивый рост. Видите вы это или не видите — это вопрос сложный, но то, что экономика растет, потому что реальные доходы с 1998 года наконец-то выросли, — это тоже показатель. При этом остается много проблем...

А. И. Шендрик

Проблема удвоения ВВП.

Е. Т. Гайдар

Вы знаете, я вообще считаю постановку этой проблемы довольно странной. Надо знать историю. Я напомню вам, как в прошлый раз у нас стояла задача по удвоению ВВП. Она была поставлена Михаилом Сергеевичем Горбачевым в докладе на XXVI съезде КПСС, где мы договорились удвоить ВВП к 2000 г.

На мой взгляд, эта задача вообще малоосмысленная. Нам не надо никого догонять, перегонять, показывать какие-то темпы. Если вы хотите показать темпы, поставьте задачу перед Госкомстатом — он покажет. Наша задача, чтобы страна стабильно развивалась в долгосрочной перспективе, без кризисов, без катаклизмов на протяжении десятилетий в

XXI веке. Вот это важная задача. А удвоим мы ВВП или не удвоим — какая разница?

А. А. Зиновьев

Я думаю, что мы сейчас предоставим слово второму докладчику. А если у вас будут еще вопросы или замечания, то потом в порядке обсуждения.

Е. Т. Гайдар

Извините, пожалуйста, я бы с удовольствием послушал Юрия Юрьевича, но в силу сегодняшних утренних обстоятельств [покушение на А. Чубайса], я, к сожалению, вынужден вас покинуть.

А. А. Зиновьев

В таком случае — есть еще вопросы?

Вопрос из зала

У меня вопрос такой. Я не экономист. Вы осветили здесь проблематику либерализма лишь в связи с экономической реформой, меня интересует, прежде всего, политическая идеология. Скажите, пожалуйста, как Вы считаете, у нас сейчас либерализм выгоден?

Е. Т. Гайдар

Если мы говорим о политике, то на протяжении 90-х годов мы в первый раз относительно долго шли в России к формированию неэффективного, молодого, не без недостатков, но демократического режима системы сдержек и противовесов. Можно обсуждать, хороши ли эти сдержки и противовесы, но они к началу 2000-х годов явно существовали.

Ладно. Но мне неприятна пресса, но не зависимая от власти пресса,

влиятельная. Был парламент, который был далеко не идеален, коррумпирован, лоббирован. Но он был независимым от власти в составе Думы, Совета Федерации. Были региональные власти, многие из которых довольно, даже крайне неприятные. Но они существовали независимо от власти. Были независимые предпринимательские организации, слово которых что-то значило.

Мы постепенно, на протяжении этих лет, демонтировали все эти системы сдержек и противовесов. Конечно, последние 4 года назвать триумфом демократически-либеральной линии в России, разумеется, нельзя. Это надо совсем ничего не понимать.

Стратегически, я думаю, что это временно, потому что есть довольно жесткие взаимосвязи между уровнем экономического развития и характером политического режима. Демократические режимы при доминирующем крестьянском обществе — это аномалия. Исключения бывают, но редко. Авторитарные устойчивые режимы для грамотного, хорошо образованного, гуманизированного общества — это аномалия. Они бывают, но это исключения.

В этой связи, конечно, стратегически Россия начинается при демократии.

Вопрос из зала

Егор Тимурович, по поводу СПС. Перспектив либеральных партий.

Е. Т. Гайдар

Здесь что важно? Есть спрос на демократическую, по крайней мере, партию. Причем он сегодня больше, чем был три года тому назад. Я сейчас не занимаюсь активно политикой. Я могу сказать, что было главной проблемой для СПС три года назад. То, что власть выполняла нашу программу. Наш довольно молодой, прилично образованный, прагматичный избиратель говорит: а зачем вы-то нам нужны? Власть нам

делает все, что вы предлагаете, она сильнее. С ней удобнее дружить. Зачем это нужно?

А сейчас, конечно, за последние полтора года ситуация радикально изменилась. Очень многие наши потенциальные избиратели поняли, что вопросы демократии — это не вопрос, посадит тебя государство или не посадит, а вопрос гарантии сохранности твоего бизнеса, вопрос о гарантии сохранности твоей свободы. И найти демократические силы, которые способны именно это поставить в центр повестки дня, они, разумеется, хотят.

Да, в таких случаях, чтобы на спрос нашлось предложение, нужно время, нужны большие усилия. Это вообще довольно мучительный процесс. Но я убежден, что всегда в таких случаях, когда спрос есть, всегда будет предложение.

О. А. Митрошенков

Еще один маленький вопрос можно?

Есть исследования, есть аналитики. Скажите, а есть ли теоретики, разработчики либеральной философии сегодня на российской основе?

Е. Т. Гайдар

Вы знаете, хвалить самого себя — это занятие довольно глупое. Но посмотрите мою последнюю книжку, которая называется «Долгое время». В некотором смысле это попытка осмыслить либеральную идеологию.

Ю. Ю. Болдырев

Егор Тимурович, если Вы позволите, я хотел бы сказать несколько фраз в Вашем присутствии.

Во-первых, я как следующий докладчик хотел бы Вас поблагодарить за то, что Вы согласились принять участие в нашей дискуссии. Правда, к сожалению, дискуссии не получится, раз Вы сразу после своего

выступления уезжаете. Но при Вас хочу сказать: то, что реализовывалось у нас, никоим образом нельзя рассматривать как реализацию идей либерализма. Это реализация иного — крайне вульгарного варианта либерализма.

И хочу подчеркнуть, что, при этом, я никоим образом не намеревался здесь осуществлять агрессию по отношению к Вам. И собираюсь в дальнейшем своем выступлении говорить именно о ситуации и проблемах.

И. М. Ильинский

Я хочу поблагодарить Егора Тимуровича за то, что он к нам приехал в принципе, а тем более, учитывая то, что сегодня случилось утром.

Вопрос из зала

Какая там ситуация? Там все в порядке?

Е. Т. Гайдар

Один раненный. Водитель проезжавшей мимо машины. Машина, конечно, покорена. Вторая очень сильно покорена. Воронка 5 метров в диаметре. Там взрыв был. Фугас.

[Члены Русского интеллектуального клуба прощаются с Е. Т. Гайдаром.]

А. А. Зиновьев

Теперь слово Юрию Юрьевичу Болдыреву.

Ю. Ю. Болдырев

В своих книгах, первая из которых — «О бочках меда и ложках дегтя» — здесь представлялась, я попытался проанализировать ряд

аспектов системы управления нашей экономикой, причем именно с позиций либерализма. Это связано с тем, что я писал эти книги не для тех, кто со мной и так давно согласен. На мысль о необходимости написать эти книги меня навели выступления в вузах, прежде всего, наших элитарных, экономического и юридического профиля, где я сталкивался с изначальным абсолютным нежеланием что бы то ни было понимать, если ты не излагаешь стандартные штампы либеральной идеологии, причем в самых упрощенных, вульгарных вариантах.

Приведу один диалог, когда на экономическом факультете Ленинградского университета один из студентов меня спрашивает: «Юрий Юрьевич, скажите прямо, Вы за экономику какую: рыночную или мобилизационную?». Логика простая: если за рыночную, значит, вроде как свой — можно еще послушать, если же за мобилизационную, то вообще нечего время зря терять, не о чем говорить. Что тут делать? И мне пришлось применить такой метод. Я сказал: «Ребята, давайте проголосуем, кто за рыночную экономику?» Оказалось, все. «А кто за мобилизационную?» Все против. И тогда я сформулировал примерно так: «Я за то, чтобы у нас не получилось так, что все очень хотят жить в рыночной, а реально окажутся вынуждены жить в мобилизационной». Вот после этого какой-то диалог начался.

Дальше уже можно было озадачить вопросом: «А американская экономика, она какая — рыночная или мобилизационная? Рыночная? Тогда объясните мне, почему в США нет всеобъемлющего, всеохватывающего игорного бизнеса? Разве не выгодно было бы покрыть им как паутиной всю страну, а не отдельные резервации? Да потому, что еще на заре существования Новой Англии у них действовал закон, по которому, если человек проиграл или выиграл больше 20 долларов, эти деньги берутся на общественные нужды и еще плюс с каждого штраф в пятикратном размере. То есть и тогда их экономика была мобилизующей — на усердный, упорный труд, против легкого выигрыша, даже против

самой идеи легкого выигрыша. В полном соответствии с их пуританской идеологией. Так какая у них экономика, является ли она в этой части мобилизационной?»

Далее в качестве примера — современный Израиль. Можно спорить о контрактной армии или призывной: что «рыночнее»? Но у них — в Израиле — призывная, причем, для всех, включая девушек. Или, посмотрите, в Израиле игорный бизнес категорически не допускается в тех объемах, в которых он действует у нас.

Нам предложили реализовывать идею абсолютного либерализма в экономике, мол, государство — самый страшный враг. Соответственно, государство не должно регулировать, в идеале, ничего. И я привожу на тех же экономических факультетах пример, когда даже не на уровне такого гиганта-монополиста, как наш Газпром, а на уровне мелких компаний, поставляющих жидкое топливо и газ для отопления домов в США, то есть на широте Харькова и теплее, так вот, государство регулирует там рентабельность даже этих сравнительно мелких компаний, поставляющих жидкое топливо и газ населению.

К чему я это говорю? К тому, что невозможно привести пример ни одного реально успешно существующего государства, в котором либеральные идеи были бы реализованы столь по максимуму и столь радикально, как это навязывалось нам. Такое государство в принципе не может существовать. Даже если взять государства не крупные, а сравнительно небольшие, не играющие решающей роли в мире, не несущие на себе груз ответственности за что-то большее, чем даже своя территория и свой народ, в которых целенаправленно проводятся либеральные реформы. Например, Чили. Мы видим, что либерализм там совершенно другой. Этот либерализм очень тесно сочетался с идеями социализма. Просто об это не говорили. С идеями социального равенства или с идеями предоставления слабым больших возможностей.

Ярчайший пример — налоговая система. Западная налоговая система

хорошо известна и по Европе, и по США. Бедный платит сравнительно немного. Даже в США есть порог, по-моему, 2 тыс. долларов, с которых вообще ничего не платишь. Богатый платит порядка 45% со своих сверхдоходов. Хрестоматийный пример — чилийская система, которая реализовывалась при Пиночете. Если ты получаешь до 500 долларов в месяц, то ты не платишь вообще ничего; если получаешь от 500 до 1,5 тысяч — платишь 5%; если ты получаешь с 1,5 тысяч, по-моему, до 2 тыс., то ты платишь с этой разницы еще 8%. И только если ты получаешь больше 6 тыс. долларов США в месяц, то с того, что свыше этих 6 тыс., ты платишь 40%. Сравним это с нашей системой, при которой человек, получающий гроши, и человек, получающий миллионы долларов, десятки миллионов долларов в год, платят одинаково — те же 13%. До такого абсурда ни одно современное государство не доходило.

Я не буду перечислять все примеры. Их множество. Можно привести подобного рода примеры из экономической, в частности, промышленной политики.

Пример: авиация и авиастроение. Известно, что между США и Европой было соглашение, по которому Европа получила право до 30% расходов на создание новых гражданских самолетов финансировать за счёт государства. Для того чтобы конкуренты — США и Европа — оказались при этом реально в равных конкурентных условиях. То есть, если США по этому договору подобного права не получили, то это не означает, что США не финансирует свою авиационную промышленность. Они финансируют ее через субсидии в науку. Они финансируют ее через военную промышленность, а там очень тесная связь и по финансам, и по кадрам. Они финансируют ее через госзаказ на военные самолеты, а также через госзаказ на самолеты военно-транспортные и на самолеты-заправщики — лайнеры-то в последних двух случаях практически те же, что и для гражданских нужд. И плюс они финансируют ее через лоббирование экспорта своей продукции, в том числе, гражданской

авиатехники, во все страны мира. Все это механизмы достаточно сложные, разветвленные и очень эффективные. Поэтому всерьез и ответственно заявлять, что помощи государства, а значит, и госрегулирования, здесь нет, явно неуместно.

Теперь, если говорить вообще о либеральной идеологии, коммунистической и социалистической идеологии. Вообще-то между этими идеями очень много общего.

Первое. Идея либерализма в период ее возникновения была, безусловно, идеей левой. Это — идея противодействия монополюсильной монаршей власти. Идея предоставления больших свобод слабым и относительно слабым для реализации их в том числе и экономического потенциала. Здесь налицо элемент требования элементарной справедливости: мы тоже хотим, мы тоже можем. Плюс эта идея базировалась и на том, что такая справедливость будет полезной и для экономического развития. И это оказалось востребованным в период промышленной революции, когда человек, пусть тогда и в весьма ограниченном количестве, но потребовался более творческий. Предоставление ему несколько больших свобод пробуждало в нем творческий потенциал и, в конечном счете, вело к выгоде тех, кто, вроде бы, терял над ним абсолютное и безусловное господство.

Социалистические и коммунистические идеи точно так же отвечали на требование большей справедливости и одновременно предполагали достижение большей эффективности производства: как за счет предоставления больших возможностей для самореализации в своем творческом труде, так и за счет иной организации этого производства.

Либеральная идея была направлена против монархии, против всеобъемлющей воли монархического государства, против его произвола. Коммунистическая и социалистическая идеи были направлены против всеобъемлющей власти крупного капитала, который, не имея ограничений, точно так же действует подавляюще: и на личность, и на конкурентное

производство.

Понятно, что крайняя реализация каждой из этих идей, несет в себе существенные минусы. Кстати, и либеральная идея в современной истории до такого крайнего положения маятника, как у нас, насколько мне известно, нигде не доходило.

И не только в середине 90-ых, но и сегодня мы являемся примером совершенно крайнего, абсурдного варианта реализации либеральной идеи.

Кто ее реализует теперь? Достаточно напомнить, кто у нас сейчас реально управляет всей экономической системой, какая команда? Министерство финансов и министерство экономики: и сами министры, и ряд их заместителей; руководители ключевых полугосмонополий — Газпрома и РАО ЕС России; руководитель Центробанка — это все люди одной и той же собчаковской, путинской, чубайсовской команды. То есть, той петербургской «либеральной» команды, которую сами петербуржцы провалили на выборах еще в 1996 году.

Либеральная идея являлась левой, когда она противопоставляла себя произволу, государству, во главе которого стоит монарх, царь, диктатор. Либеральная идея стала правой, когда она стала распространять все то же самое на государство как элемент самоорганизации общества, элемент самоорганизации большинства, то есть относительно слабых. Теперь сильным, относительно сильным якобы надо давать возможность организовываться и предоставить им свободу от контроля и ограничений со стороны относительно слабых, а этим относительно слабым, большинству общества нельзя давать возможность организовываться и превращаться в мощную силу. Это, вроде как, «не либерально». В этом повороте либеральной идеи либеральные силы из левых превратились в правые. Таким образом, сегодняшнее их самоопределение как «правые силы» — вполне обосновано. Хотя либеральные лозунги, лозунги свободы, якобы для всех, при этом продолжают использоваться — с тем, чтобы попытаться убедить большинство в том, что свобода и бесконтрольность крупного

капитала, якобы, в интересах большинства.

Левые идеи, коммунистические идеи, были, безусловно, левыми на этапе, когда их носители боролись против крупного капитала и самодержавия. Но они стали правыми, когда ими воспользовались люди, захватившие власть в стране и постепенно сформировавшие режим бесконтрольной власти, позволявшей себе управлять бесконтрольно, а значит и присваивать себе плоды труда других. Получилось, что Коммунистическая партия, партноменклатура стала правой силой, потому что они получили возможность распоряжаться чужим как своим.

Под лозунги о демократизации и либерализации, то есть, применительно к тому периоду и той политической и экономической системе, безусловно, левые лозунги, Горбачев и те с ним, кто принимал решения, фактически создали основу для закрепления партхозноменклатуры как силы правой. В 1987 году они дали право руководителям госпредприятий управлять чужим как своим: передали госпредприятия в «полное хозяйственное ведение». То есть, вместо создания элементов подконтрольности обществу всего, что связано с госсобственностью, был запущен фактически механизм номенклатурной приватизации. Соответственно, на рубеже 1989-1990 гг. коммунистические силы были правыми — отстаивавшими свое право на монопольное управление экономикой и государством.

После того, как к власти пришли иные политические силы, вооруженные еще более радикально демократическими лозунгами, произошел опять переворот в политической конфигурации: та часть номенклатуры, которая склонна к беспринципному приспособлению, перебежала из коммунистической партии последовательно в новые, сменяющие друг друга «партии власти»: в «Выбор России», в «Наш дом — Россия», наконец, в «Единую Россию». Оставшиеся же коммунистические силы стали опять левыми силами. А либеральные силы, которые сначала выступали против монополии КПСС и против номенклатурной

приватизации (догайдаровской), получив доступ к власти, получив возможность делать все то же самое, только под другими лозунгами, не постеснялись этими возможностями тут же воспользоваться. И защищая свое право на монополию на истину и власть, свое право на бесконтрольный произвол и вечное, чуть ли ни Богом данное им право на элементарно мошеннически прихваченную общую собственность, естественно, заняли нишу правых. Приватизировав при этом еще и звание либералов. А коль скоро это звание абсолютно не соответствует их фактической деятельности при власти, заодно и дискредитировав это звание и соответствующие идеи в глазах значительной части населения...

Вот такая диалектика, такой круговорот людей, идей и их места в политическом пространстве.

Но проблемы, связанные с вульгаризацией либерализма, есть не только у нас. Проблемы есть у всего мира. Один из авторов, с моей точки зрения, очень интересных, глубоко изнутри видящий и описывающий эти проблемы — Дэвид Кортен. У него есть замечательная книга «Корпорации правят миром», в которой он акцентирует внимание на одном очень важном процессе. Корпорации ведь исторически, изначально создавались в Британской империи на срочной основе и целевой основе. Ограниченная ответственность, в отличие от бытовавшей полной личной, вводилась для реализации конкретных общественных (монарших) целей и на ограниченный срок. Но по мере развития эти корпорации отвоевывали все большие и большие свободы и стали самодавлеющей силой. Причем, силой обезличенной, не несущей ни перед кем никакой ответственности. И если проследить, как меняются взаимоотношения между государствами и корпорациями, какой частью ресурсов и мировых финансов владеют демократические государства и управляют правительства, подотчетные обществу, и какой частью мировых ресурсов и финансов владеют корпорации, то мы увидим процесс перетекания сил, возможностей и реальной власти от публичных институтов, так или иначе подконтрольных

обществу, к институтам, которые обществу не подконтрольны — к корпорациям.

Дальше — больше. Что такое финансы? Финансы, строго говоря, это учет нашего труда. Это табель. Ты отработал 4 часа. Ты отработал 5-6 часов. Заработал больше, заработал меньше. Ты более эффективно сработал и т. д. В более усложненном варианте, но в конечном счете, финансы — это функция вспомогательная при учете, контроле и организации производства. Но в современном мире налицо процесс перетекания национального и общемирового продукта и дохода от производительного капитала к капиталу финансовому. А что по этому поводу писали основоположники, теоретики капитализма и рыночной экономики? Они четко разделяли капитал производственный и его роль в историческом прогрессе, и капитал финансовый, финансово-торговый, его роль, соответственно.

Роль финансового и финансово-торгового капитала совершенно иная, нежели роль капитала производительного. И эта ситуация, когда финансовый капитал вырвался и из-под контроля производственного капитала, и из-под контроля общества, создает серьезные проблемы как для государств и обществ, так, в период глобализации, и для всего человечества.

Одной из проблем является такая глобализация специфическая, в рамках которой либерализация осуществляется исключительно в интересах владельцев этого капитала. То есть, эта либерализация совершенно не предусматривает, например, что рабочий из Канады или Мексики получит право ездить на заработки в США. А вот финансы США получают господство в Канаде и Мексике.

И если обратиться к остальному миру, то такая глобализация никоим образом не предполагает получения для тех же китайцев, для тех же индийцев, пакистанцев, иракцев и т. д. больших возможностей в личностной самореализации. Она предполагает только большую возможность для международного финансового капитала управлять всеми процессами и в

этих странах.

С другой стороны, в период противостояния двух полюсов в мире — Советского Союза и Запада — альтернативная система была в значительной степени механизмом сдерживания агрессивных тенденций в западных обществах, в том числе и по отношению к большинству своих граждан. Сейчас же возникает новый весьма опасный процесс. Зачем поддерживать высокий уровень жизни, занятость своих рабочих, если выгоднее в условиях глобализации производить продукт за рубежом? Причем не просто за рубежом, там, где, может быть, лучше и старательнее работают, а там за рубежом, где нет никаких социальных гарантий, где нет 8-часового рабочего дня, нет ограничений на использование детского труда и т.д. . . .

В нашей стране есть сеть универмагов, я не буду называть, чтобы не рекламировать. Так вот, за сколько можно купить там набор электроинструментов: дрель, аккумуляторная дрель, электролобзик, шлифовальная машина, углошлифовальная машина? Сколько может стоить такой набор инструментов?

— 500–600 долларов.

— Да, но у нас в этих универмагах такой набор продается за 2 тыс. рублей. Причем, приличный инструмент. Это поставки инструмента, созданного с помощью какого-то очень массового и невероятно дешевого труда.

При такой конкуренции разрушается любое общество, стремящееся к выживанию. Это то, что сегодня разрушает западное общество. Западные корпорации к чему приходят? Была корпорация, в которой работали 150 тыс. человек. Она преобразуется в холдинг, в головной компании которой работают всего полторы тысячи человек. В лучшем случае — 15 тысяч. И они имеют полный социальный пакет. Тяжелые производства переносятся в страны третьего мира. Там дешево и просто с техникой безопасности, экологическими требованиями и т. п. И плюс принимается значительное

количество сотрудников на временной контрактной основе, без социального пакета.

Если западное общество не найдет в себе силы останавливать, тормозить этот процесс, то и его ждут через какое-то время катаклизмы. Они могут этого не допустить, но здравый смысл и гуманизм по отношению к своим же согражданам возьмет верх только в том случае, если у Запада в это время на мировой арене будут какие-то противовесы. Сейчас таким противовесом может являться Китай. Может быть, угрозы, проистекающие из мусульманской цивилизации.

Если Китай будет противовесом и угрозой, то западное общество и те, кто в нем правит, будут вынуждены обращаться к своим гражданам, как к тем, с кем сосуществовать, кого нельзя толкнуть в терроризм, кто должен жить с ощущением справедливости всего происходящего, без обмана. В этих условиях в ответ на глобализацию вышеописанного типа через какое-то время неминуема социализация.

А что при этом будет происходить с обществами такими, как мы, которые оказались отброшены от современной цивилизации назад, — прогнозировать трудно. Это в значительной степени это будет зависеть от двух вещей. Первое: насколько адекватно сами граждане страны будут стараться понимать, что с нами происходит. И второе: насколько силам, противодействующим возрождению нашей страны, будет удаваться нас оболванивать.

Яркий пример — показывают «Титаник», американский фильм. А после этого в 23.00 — фильм о том, как происходили исследования на затонувшем «Титанике». А исследования происходили с помощью советского исследовательского судна «Мстислав Келдыш», с помощью советских батискафов, подводных лодок, опускавшихся на 4 км, с помощью американских роботов со встроенными японскими видеокамерами. Этот фильм — о том, как снимался «Титаник» — напоминание нам о том, что мы были одной из передовых технических и

технологических держав. Но он перемежался примечательной рекламой со словами: «Это — откровение, это — успех, это — прорыв!» Как вы думаете, о чем это было? О пиве. И вот — пробка с пивом «Балтика».

Я не знаю, что это. Может быть, это гениальный режиссер провоцирует наш народ на то, чтобы он осознал, кем мы как целое были и кем стали?

И последнее. Перед Россией сегодня не стоит вновь и вновь навязываемый нам вопрос выбора между радикальной коммунистической идеей или радикально-либеральной идеей. Перед Россией стоит вопрос осознания своих национальных интересов. Перед Россией стоит вопрос формирования из себя единого цельного субъекта нации, который способен к осознанию единого интереса и отстаивания своего интереса на мировой арене. Перед Россией стоит вопрос формирования национально-ориентированной элиты и использования для своего развития всего возможного набора инструментов экономической и социальной политики, как из арсенала либерализма, так и из арсенала социализма и госпатернализма — применительно к тому месту и времени, где и когда тот или иной инструмент требуется.

Спасибо.

А. А. Зиновьев

Пожалуйста, вопросы.

О. В. Долженко

Я внимательно прослушал первый доклад и Ваш доклад. И в том, и в другом случае, мне показалось, что полностью выпадает ответ на вопрос, в каких условиях что возможно.

Вы говорите, что должны быть заинтересованные силы. Народ должен сформировать какую-то национальную элиту. Вот это слово «должен» по отношению к тому, что просто есть. То есть, мой вопрос

состоит в следующем. Какие граничные условия необходимы с точки зрения социокультурных условий для того, чтобы реализовать ту или иную идею. Любую идею мы реализовывать не можем. Народ уже есть. Он уже задан. И возникает вопрос, в каких условиях это можно реализовать, а в каких нельзя.

Ю. Ю. Болдырев

Попробую ответить, как могу.

Первое. От добра добра не ищут. Человек сытый настолько, что ему кажется достаточно, — он не будет бунтовать. Он не будет рисковать, выступать против системы государственной, экономической, политической и т. д. Человек с системой ценностей, в рамках которой справедливости вообще не бывает, и главное — это экономическая эффективность, бунтовать не будет. И до тех пор, пока есть возможность минимально подкармливать население за счет продажи нефти и газа, ничего меняться не будет.

При этом, за последние 4 года удельный вес наукоемкой продукции в нашем производстве упал в два раза, то есть мы идем не туда. Но пока народ подкармливают. Пока система ценностей такая, что справедливости искать и не надо, так людям внушено, похоже, что ничего происходить и не будет.

Может начать происходить что-то в случае, если вызреют силы, люди, у которых будет вызывать протест проезжающий мимо «Хаммер» в условиях, когда большинство «перебивается с хлеба на квас». Либо люди, у которых будет вызывать протест представление о том, что пока-то мы живем, а вот наши дети не смогут получить такое образование, которое могли получить вчера, или могли бы получить, живи они в Англии, Франции, Германии.

Так что если это вызреет, тогда возможно все. И мы не можем сказать, какую идеологию эти буйные выберут. Сегодня мы в условиях

крайней несправедливости. Не просто «неуравнительности», а именно несправедливости — с любой точки зрения, в том числе и с самой либеральной. Я это подчеркиваю. Потому что сегодня торжествует не те, кто в условиях либеральной экономики добился более высокой производительности труда. У нас сегодня торжествует тот, кто умеет схватить общенациональное достояние для того, чтобы извлекать сверхприбыль. Так вот, идеология протеста и переустройства явно несправедливого общества может принять самую разную окраску. Здесь предсказывать — дело неблагодарное.

В условиях неравномерного представительства в распределении сверхприбылей во владении капиталом представителей разных национальностей, наверняка могут возникать и подогреваться национальные чувства. У нас много говорят, что и женщины везде должны быть представлены, и чуть ли ни сексуальные меньшинства. А почему тогда и национальные группы не должны быть справедливо представлены? В средствах массовой информации, в государственном управлении?

Если эта идея придет в цивилизованном виде, мы можем получить какое-то развитие. Если эту идею в цивилизованном мире всячески будут затушевывать, говорить, что она варварская и абсурдная, то она все равно придет — в более варварском, более радикальном виде.

В чем принципиально сложность нашей ситуации. Принципиальная сложность в том, что тем, кто сегодня извлекает прибыли из нефти и газа, народ, собственно говоря, и вообще не нужен. То есть, у них нет стимулов к тому, чтобы в той или иной степени соответствовать либеральным ценностям: давать образование и какие-то возможности народу, давать, в том числе, и демократические свободы реально, для того чтобы эти люди имели свободу творческого выражения и давали им сверхприбыли. Такая задача у них не стоит, потому что источник извлечения сверхприбыли у них совершенно другой — природные ресурсы, которые для нас уже завоеваны нашими предками. И нынешний народ им вовсе не нужен. Это

— наша одна из главных проблем.

А. А. Зиновьев

Слово имеет Леонид Иванович Шершнев — президент Фонда национальной и международной безопасности, главный редактор журнала «Безопасность», эксперт Государственной Думы и Совета Федерации РФ по безопасности, генерал-майор запаса.

Л. И. Шершнев

Отвечая на заглавный вопрос обсуждаемой темы относительно перспектив мирового либерализма, можно безошибочно предсказать: да, у него есть будущее, как у любой другой идеологии. Земля наша матушка обладает такими свойствами, что на ней всему найдется место. Скажем, в Африке до сих пор первобытнообщинным строем живут племена пигмеев, а в российской Чечне на волне либерализма расцвело рабство. У классического либерализма, особенно у русских либералов конца XIX — начала XX веков, содержится целый ряд вполне приемлемых для обустройства жизни установок, касающихся социального государства, гражданского общества, равенства всех перед законом, «права на достойное человеческое существование» (по Вл. Соловьеву).

Но, как и все сущее, либерализм проходит стадии развития — рождения, апогея и угасания. Думается, что свой пик положительного динамичного процесса он уже прошел в XVIII — XIX столетиях. Наиболее заметно его достижения проявились в утверждении парламентской демократии. В настоящее время либерализм находится в стадии угасания, что не исключает какие-то его всплески в отдельных странах и в самых необычных уродливых проявлениях, как это случилось в 90-е годы XX века в Советском Союзе (Горбачев и К^о) , а затем и в нынешней России (Ельцин и К^о), в политике глобализации, проводимой США, Западом.

Либерализм всегда отличался всеми разновидностями

ограниченности, включая пространственную ограниченность. Это явление сугубо европейское, городское, если хотите, местечковое. Это набор взглядов и мнений очень тонкого слоя людей, относящихся главным образом к национальной мещанской, или как ее чаще называют в Европе, буржуазной элите. Либеральная идеология предназначена для примитивных и малограмотных политиков. Она не предполагает объединение под своими лозунгами массы населения. Ее самый массовый и крикливый отряд во всех странах составляют люмпены, то есть деклассированные остатки общества. Не зря процесс деклассирования обрел такой размах после 1986 года в России. Сущностной основой либерализма является индивидуализм в форме социального эгоизма, оправдывающего вседозволенность в поведении человека по отношению к равенству, справедливости и даже власти. Из принципа индивидуализма у этой идеологии вытекает и понятие главной ее ценности — свободы, а равенство рассматривается не как социальное, а как равенство возможностей, что является очевидным мифом. Следует отметить также, что либерализм — это не метод, а эфемерная цель корыстных политических сил.

Для России либеральная идея и вчера, и сегодня, и завтра остается чуждой, ущербной. Русский либерализм всегда выступал как разновидность его западной модели, никогда не имел своей социальной базы и был уделом узкого круга просвещенных умов, близких к носителям высшей власти и ориентированным на сближение с более сильной цивилизацией. На российской почве, удобренной собственными социальными и культурными традициями, либерализм, укоренившийся на Западе, не прорастет. Либеральная идея оказалась подходящей для небольших европейских стран с мононациональным населением, но не для России с ее обширной территорией и множеством народов. В России представляется невозможным создание устойчивой общественной системы на основе принципов либерализма.

Дело в том, что в России название либералов-демократов прилагалось к великому князю Константину Николаевичу и великой княгине Елене Павловне. Примерно в то же время, существовали «либералы народники» при марксизме. После отмены крепостничества часть помещиков, утратив недвижимость, перешла к промышленному или торгово-финансовому видам деятельности. Соответственно, «либерал-прихлебатели», которых так называли из-за близости к великокняжеским кругам, Н. А. Милютин, Я. А. Соловьев, К. К. Грот и ряд других известных в то время деятелей, создали подобие партии или клуба «либерал-бюрократов», отстаивающих парламентаризм и выступающих за ограничение монархии.

«Европейский рационализм влечет оторванность от действительных условий жизни и от исторического прошлого народа. Вера или предрассуждение о совершенстве природы человеческой приводила к идее народовластия и парламентаризма — великой лжи новейшего времени» — писал К. П. Победоносцев («Московский сборник», 1896 г.). Русские авторы много работали над этим тезисом великого юриста, постигая антилиберальный элемент нашей политической культуры. Разбор проектов выдающегося государственного деятеля первой половины XIX века Сперанского, — «отца русской бюрократии», как его нередко называли, сводился к тому, что державная администрация по своей природе есть наемная сила, которая менее других зависит от традиций и национальности. Ее позиция определяется тем, кто ее нанимает, а не обществом. Опасение у него и других государственников вызывала возможность объединения либерального парламентаризма и бюрократии, создание самодостаточного альянса.

«Масса населения, призванная к выработке программы государственного управления, — полагал Победоносцев, — не способна к широким обобщениям теоретического характера, основанным на изучении фактов и явлений жизни»... Во всех странах этот факт использован для

принятия Конституций и планов действий, включая бюджетные расходы. Все законопроекты в парламентах проходят бюрократический анализ пригодных нормативов и становятся законами санкцией избранных представителей. Этот момент хорошо описан упоминаемым авторитетным автором: «Будучи массой, бессильной в деле законодательства и управления, она подчиняется вожакам, способным красноречиво говорить, увлекать толпу, а часто и подтасовывать мнения и волю народа (подбор партий, подкуп и т. п.)».

Выдержки текста взяты из «Московского сборника» за 1896 год. Прекрасной иллюстрацией сказанному служит более, чем двадцатилетний процесс политических неурядиц и деградации в нашем государстве. Этому способствовали и другие особенности бюрократического либерализма, развитие которого в нашей стране определило главное направление событий на проходящем этапе истории России. «При крайней ограниченности ума, при безграничном развитии эгоизма и самой злобы, при низости и бесчестности побуждений, человек с волей может стать предводителем партии и становится тогда руководителем, господствующим главой кружка или собрания, хотя бы к нему принадлежали люди, далеко превосходящие его умственными и нравственными качествами...».

Так же говорили относительно либерализма и другие знаменитости того времени: В. Вернадский, Д. Менделеев, Мечников и Сеченов, с ними вместе выступали П. Павлов и Н. Бехтерев, особенно в «теории и психологии толпы». «Люди чести и долга, по большей части, не способны «нанизывать» громкие и пошлые фразы». Поэтому политические воззрения этих великих людей остались достоянием архивов. Обобщенное мнение научной элиты есть в том же «Сборнике». «Любой уличный проходимец из непризнанных гениев, любой искатель гешефта, может, имея свои, или достав для наживы и спекуляций чужие деньги, основать газету, созвать толпу писак... и общественное мнение готово».

Либерализм сыграл роковую роль в истории России, дважды основательно разрушив ее государственность — в 1917 году и в 1991 году. Попытка либерал-бюрократии возглавить Советскую Россию была успешно подавлена в тридцатых годах прошлого века. Каждый раз это случалось по заказу, на деньги и по воле западных душеприказчиков апологетов и хранителей этой экспортной идеологии. Провал либеральной идеи у нас закономерен. Поэтому после всех либеральных реформ, насильственно и с огромными издержками проведенными сверху, народ очень метко охарактеризовал то, что в результате их реализации получилось — «дерьмократией». Тем самым пострадала и сама демократия, получив столь позорный ярлык.

После произведенной либералами тотальной разрухи в стране трудно себе представить, чтобы когда-либо либеральная идея у нас себя реабилитировала. Однако поскольку есть враждебный России Запад, а у Запада есть прямой интерес к разрушению России, то, вполне естественно, что он будет всячески поддерживать любые либеральные проявления в нашей стране, создавать из носителей либеральной идеи свою пятую колонну и расширять агентуру влияния.

Я отношу себя к атеистам, то есть православным неверующим, значит к православной цивилизации. Признаю и очень ценю ее авторитеты. В том, что касается оценки либерализма, сошлюсь на авторитет митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна. В своей книге «Самодержавие духа» он резко выступает против либерально-демократической идеологии, которая остается господствующей сегодня в России. Иоанн пишет: «Либерально-демократическая идея для того, собственно говоря, и предназначена, чтобы подточить, ослабить устои крепкого, традиционного общественного устройства, разрушить его духовные, религиозные опоры, разложить национальные государства и — постепенно, незаметно, неощутимо для одурманенного демократическим хаосом общества — передать бразды правления над ними

транснациональной «мировой закулисе». По его мнению, неизбежным следствием применения принципов либеральной демократии в практике государственного строительства может стать государственный распад России. И мы сегодня уже реально осознаем, насколько серьезной является эта угроза расчленения России на ряд государственных образований и установления над ними полного чужеземного контроля.

Хочу извиниться перед участниками заседания за то, что в своем кратком изложении темы, вопреки правилам, слишком много поднимаю проблем. Тем не менее, рискну в порядке «информации к размышлению» обозначить несколько небесспорных положений, широко не раскрывая их.

Мы недостаточно учитываем особую подверженность либерализма к перерождению в его крайние формы и недооцениваем исходящие от него угрозы как в общепланетарном, так и в национальном масштабах. Пожалуй, ключевой посылкой здесь остается высказанное журналом «Либерейтор» за 1902 год (Макс Истман) положение о том, что «либерализм есть манифест в защиту капитализма, обреченного на вечное преследование». Другими словами, либерализм обречен на вечную апологетику, защиту капитализма, независимо от каких бы то ни было исходящих от него опасностей для человечества. Таким образом, либерализм опасен как формационная идеология, обслуживающая капитализм и отрицающая все остальные формации, чем утверждается в фундаменте международных отношений конфронтационный принцип.

К числу трансформаций либерализма надо отнести его превращение в троцкизм сначала в Советской России (20-е годы), а затем и за рубежом. У Троцкого «причудливым образом» сочетались лозунги свободы для всей планеты от гнета капитала с методами голого администрирования и принуждения освобождаемых масс в пользу капитала как такового. По данному признаку его вполне можно было бы отнести к либеральным бюрократам. Троцкий не верил в возможность победы социализма в одной стране и всячески «подталкивал» мировую революцию. Он считался

идеологом «перманентной революции», в топке которой был готов сжечь весь русский народ. По словам крупнейшего американского экономиста и дипломата, Дж. Гелбрайта, «лучше Троцкого никто не защитил капитализм».

Однако и до него в либеральных дискуссиях в Германии, Англии, России тема перманентного революционного брожения была достаточно модной. А сегодня ее отражение мы видим в политике США, добивающихся мирового господства и установления нового мирового порядка под флагом либеральной демократии. Либеральный троцкизм закрепился именно в США и стал там господствующей идеологией не случайно. Во многом это обусловлено тем, что США стали символом Европы, цивилизации Запада. По свидетельству обозревателя Мэнора Стуруа, «троцкисты» или неоконсерваторы составляют мозговой трест администрации президента Буша.

Как подчеркивает этот автор, почти все они, деятели мозгового треста, иудеи и обосновывая агрессивную политику США, проводимую во имя туманной «свободы» против произвольно отобранных «сил зла», они оперируют теорией перманентной революции (или перманентных перестроек, реформ, и т. п.) Троцкого. Наглядным подтверждением такой революции служат последние события в Грузии, Украине, Молдавии, Киргизии. Современные либералы в команде Буша являются концептуальным штабом и центральным банком возглавляемой США Четвертой мировой войны против остальной части планеты. Либерализм — это адвокат крупного мирового капитала. Как видим, либерализм в геополитике работает на войну, на глобализацию финансовой цивилизации, выступающей в качестве агента мирового господства, что включает агрессию против России. В настоящее время политика и идеология либерального глобализма США, Запада в целом несут в себе прямую угрозу самому существованию России как государства и цивилизации.

Но не только Четвертая мировая война идет под флагом либерализма, борьбы за свободу и демократию. Внутренняя гражданская война в России также обусловлена либеральной идеологией. Понадобилось реабилитировать Пятакова Бухарина, Зиновьева и других либерал-революционеров тридцатых годов, чтобы занять их места. Текущая гражданская война определена мною как криминально-либерально-организационная. Инсценированное или какое угодно другое нападение сегодня на одного из лидеров либералов Чубайса является одним из многих-многих тысяч наглядных свидетельств и подтверждений этому определению.

Еще одна острая тема. Нобелевский лауреат Жорес Алферов как-то ввел понятие «либеральный фашизм». Размышляя над ним, я пришел к некому выводу, пока еще смутному и для самого себя, в отношении того, что сведение идеологической борьбы в Великой Отечественной войне к противостоянию коммунизма и фашизма, более того, рассмотрение их в одной плоскости является неверным. Да, у фашизма были элементы социалистической идеологии, густо замешанные на национализме, а также идеологемы традиционного германского милитаризма. Думается, что основой фашистской идеологии был радикальный либерализм, формулой которого является свобода сверхчеловека и свобода сверхнации, с одной стороны, и несвобода всех остальных, с другой.

Поэтому вполне логичным является утверждение, что в Великой Отечественной войне коммунистическая идеология столкнулась с либеральной идеологией в ее крайнем выражении, общинному устройству противостояла индивидуализация общественной жизни. И победа над германским фашизмом стала победой и над либерализмом. Известной прелюдией к войне был поджог Рейхстага и процессы против троцкизма конца тридцатых. Победа в Великой Отечественной войне остается достоянием нашего народа. Но нынешние российские либералы, совершившие контрреволюционный переворот в 1991 –93 годах и

остающиеся во власти или около нее сегодня, предали эту победу, отняли ее у тех, кто отстаивал подлинную Свободу и Независимость нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков и сил мирового либерализма. Либеральный фашизм, который имеет бесчисленные обличия, ведомый США, под эгидой НАТО, сделал с Советским Союзом то, чего не мог добиться германский фашизм — разрушил, подчинил его волю своему диктату.

Официальное празднование Дня Победы над фашизмом, судя по приглашениям и помпезности, больше звучит как торжественная панихида по случаю уничтожения Советской России. Современный либерализм празднует реванш за поражение либерального троцкизма в двадцатые годы и либерал-радикализма фашистов в 1945 году. По этой причине значительное число ветеранов Отечественной, Афганской и других войн, военных пенсионеров и их детей негативно относится к действиям чуждой им власти и отказывается принимать участие в официальных мероприятиях по случаю Дня Победы. Они сохранили воспоминания о достоинстве своей Родины, попранном либералами.

Оценивая столь губительные проявления либерализма, невольно задумываешься над их причинами. Возможно, прав американский ученый-психиатр Томас Сас, который советует посмотреть на либерализм с психиатрической точки зрения. Он пишет: «Психиатрия — это часть либерального воззрения в целом. Понимаете, каждый является жертвой, у каждого есть особые права, но никто не несет ответственности». Сказано как будто о наших либеральных бюрократах, государственных чиновниках. Столько бед принесли России и никакой ответственности не несут. Добавлю, что американские социологи считают, что использование медицинской лексики в политических выступлениях есть показатель либеральных взглядов.

Опыт 20-ти лет либеральной политики в России показал, что она не способна справиться, и не намечает это делать в будущем, с кризисными

ситуациями, автором которых сама же и является. Она подчинена чуждой воле и не в состоянии реагировать на геополитические, военно-стратегические, демографические, духовные, экономические, технологические, природные и иные вызовы времени.

Примечательно, что Конституция Российской Федерации провозглашена социальной, а официальная политика является либеральной. В этом заключается одно из главных противоречий российской действительности. Президент В. В. Путин, на которого очень многими возлагались большие надежды как на спасителя России, является убежденным либералом и довольно зависимым, а потому слабым администратором. Он продолжает держать страну в дрейфе, принуждая ее следовать в фарватере интересов американской и прочей западной политики. Все его окружение подобрано по тому же стандарту. А это значит, что переживаемый кризис и сползание нации в катастрофу продолжится.

Никакие прорывные действия, асимметричные решения в условиях прозападной ориентации политической власти нереальны. Преодоление либеральной разрухи, освобождение России, ее прорыв в будущее возможны только снизу, через самоорганизацию народа, его духовный подвиг. Для осуществления такого прорыва нужна программа политической социализации молодежи, нужна система политической подготовки в России. Надо, чтобы учащиеся и студенты, будущие офицеры были в состоянии разобраться с идеологемами разных политических течений, чтобы могли какую-то из них сделать своей, осознать свою роль в жизни страны.

Перед каждым гражданином России сегодня стоит ключевая задача — преодолеть чувство политического бессилия, бессмысленности участия в политической жизни и занять активную политическую позицию в общем деле спасения и созидательного развития нашего Отечества.

Хочу призвать участников заседания Русского интеллектуального

клуба неотложно и основательно заняться исследованием импортируемых с Запада и укореняемых в России либерально-демократических ценностей, навязываемой стране либерально-демократической модели политической культуры. Нужно показать молодежи, почему свобода индивида не может быть высшей социальной ценностью и главной целью общества и почему возрастание свободы одного индивида не является благом для всего общества? Каково значение авторитаризма и централизма государственной власти в деле обеспечения устойчивой самостоятельности и целостности России? В чем несовместим либерализм с российскими социальными и культурными традициями и в чем пагубность бездумного перенесения его принципов на российскую почву? Это практические вопросы. Без ответа на них трудно рассчитывать на появление в стране национальной идеологии и на ее восприятие российским обществом, на осознание гражданами своей ответственности друг за друга и за ту политическую организацию, которая называется Россией.

Либерализм постоянно подкидывает российской политической элите заведомо тупиковые идеи, типа «Куда и как идти России?» Прошло уже 15 лет, а эта идея так и висит в воздухе, хотя все трезвые политики давно убедились в том, что либеральная идеология бессильна в определении стратегических устремлений нашей страны. России не надо никуда идти! Она на своем Родовом Месте. Она самодостаточна и не нуждается в предлагаемом либералами подражании непременно Западу. Ориентация на либерализм, на Запад — это губительный для России путь. Отказ от идеологии и практики либерализма является непременным условием спасения Отечества. Перспективы развития России в нас самих, в наших реальных целях и задачах, в нашей опоре не собственные силы. Необходимо отбросить российскую робость в политической, идеологической борьбе. Нам нужна твердая жизненная позиция в отстаивании своих взглядов. Было бы неплохо от имени Русского интеллектуального клуба по материалам заседания и дополнительных

исследований издать популярную брошюру для студенческой молодежи, раскрывающую сущность современного либерализма, претендующего на роль господствующей идеологии в России и в мире. Спасибо.

А. А. Зиновьев

Слово имеет Сивков Константин Валентинович, специалист Российского центра военно-стратегических исследований Генерального Штаба Вооруженных Сил РФ, доктор военных наук, капитан 1-го ранга, академик Академии военных наук.

К. В. Сивков

Благодарю вас за возможность выступить.

Я, прежде всего, хочу отметить, что меня удивило и в какой-то мере порадовало то, что та часть доклада, которую сделал Ю.Ю. Болдырев, совпадает с теми взглядами, которых придерживаемся мы, мои коллеги. Да, примерно такая картина сейчас складывается. Социально-политические причины этого явления были раскрыты. Поэтому я в своем выступлении остановлюсь на двух аспектах.

Первое. Это философско-мировоззренческий, который питает в значительной степени корни либерализма и определяет его перспективы.

Второй аспект — это, скажем военно-технический. Прежде чем переходить к своему выступлению, хочу подчеркнуть что так принято, так положено говорить, меня представили как сотрудника Российского центра военно-стратегических исследований Генерального Штаба Вооруженных Сил РФ, что я как частное лицо и ни в коей мере не отражаю позицию военно-стратегического центра Генштаба.

Философско-мировоззренческое. Тут многократно говорилось о том, что во главу угла ставится экономика. Мы все с вами стоим на позиции материализма. Причем, я бы сказал, такого материализма, который даже у религиозно верующих людей все равно остается материализмом. Смысл

материализма сводится к тому, что человек всегда стремится достичь благ, и в первую очередь материальных.

Современная теория говорит о том, что это не совсем так. Начнем с того, что абсолютно конечной целью любого человека является установление власти, ибо, имея власть, он получает блага и морально-психологические, и материальные, и безопасность. По существу три больших сферы, которые действуют в обществе. Это сфера производства материальных благ. Сфера производства духовных благ всех видов, начиная с философских и кончая национальными, культурными.

Сфера производства безопасности. Безопасность — это тоже продукт, причем продукт очень дорогой, ибо тот, кто лишается безопасности, он лишается всего.

Главной целью является в конечном итоге власть. А власть достигается принуждением. А рычагов принуждения, согласно трем сферам, тоже существует только три, три больших класса.

Первый рычаг силового принуждения традиционно всегда существовал. Он порождает тиранию всех мастей и оттенков.

Второй рычаг принуждения — экономического принуждения. Это рычаг, который сегодня проповедуется в рамках так называемой либеральной идеологии. Всевластие денег. Во главу угла ставится власть золотого тельца.

Третья власть — это власть духовного принуждения. Власть принуждения учителя по отношению к ученику. Это наиболее чистый образ власти. Власть, которая признается учеником по отношению к учителю. Вот здесь в последнее время появилась возможность применения и насилия. За счет применения методов, технологии информационной войны.

Я так понимаю, что деньги — это не самоцель. Это средство, за счет которого достигается власть. Но власть только за счет денег существовать не может. Есть у меня мешок денег. Этот мешок денег употреблен

соответствующими политическими отношениями в обществе, силовыми и духовными, то ничего не значит. Поэтому власть будет устойчивей лишь тогда, когда действуют три рычага.

Первоначально один из рычагов может быть ведущим. Либерализм предполагает, что во главу угла ставится власть экономическая. А две власти — силовые и духовная обеспечивают это. Мы все это видим реально. Поэтому чем выше будет происходить концентрация капитала в достаточно узком круге лиц, тем больше им потребуется поддержка этой власти. Таким образом, мы приходим к тому, что либерализм естественным следствием своего развития будет установление тоталитаризма, то есть это будет типа демократии, когда существует свобода для узкого круга лиц, а для всех остальных полная, абсолютная несвобода. Собственно, такая идеология заложена. Ныне проводимая глобализация. Она существует.

Моя позиция состоит в следующем. Перспектива у либерализма в любом случае одна — преобразоваться в тоталитаризм. В любом случае. А отсюда вытекает, что либерализм есть не что иное, как один из инструментов, один из механизмов, одна из крыш по захвату власти. Не более того.

Теперь я перехожу ко второму аспекту — военно-техническому.

А. А. Зиновьев

Ваше время закончено.

Слово имеет Межуев Вадим Михайлович, главный научный сотрудник Института философии РАН, профессор МосГУ, доктор философских наук, профессор.

В. М. Межуев

Времени мало, многое не скажешь. Либерализм, социализм и консерватизм — три великие европейские идеологии эпохи модерна (три

основных «проекта модерна»), родившиеся на заре Нового времени и существующие только в общей связке. Партии, представляющие эти идеологии, постоянно сменяют друг друга у власти, но только все вместе (в разных своих сочетаниях и разновидностях) образуют политический спектр любой современной демократической страны. В Россию они были привнесены с Запада, но в силу специфичности российской истории оказались здесь во взаимоисключающих отношениях, что привело к дискредитации каждой из них, превратив Россию как бы в кладбище всех идей. Наши либералы, социалисты и консерваторы — не политические оппоненты, конкурирующие между собой в борьбе за власть в процессе открытой дискуссии и свободных выборов, а непримиримые враги, стремящиеся выбросить, исключить друг друга из политической жизни. Каждый только себя выдает за образец политической непогрешимости и истинности, объявляя других врагами России, подлежащими искоренению. Чтобы понять причину столь дикой непримиримости, необходимо предварительно уяснить, что связывает между собой эти идеологии, почему они не существуют в отрыве друг от друга.

Современное общество в отличие от традиционного пребывает, как известно, в состоянии постоянного изменения и развития, повышенной динамики, непрерывного движения, которое, естественно, оно стремится сделать предсказуемым и устойчивым. Иными словами, такое общество осознает себя живущим в историческом времени, в котором настоящее отличается от прошлого и будущего и вместе с тем существует только в связи с ними. Эта связь времен и нашла отражение в разных идеологиях. Прошлое представлено консерваторами (или правыми), будущее — социалистами (левыми), ну а что соединяет прошлое с будущим в настоящем, — либералами. Кто не видит в настоящем перехода от прошлого к будущему, выдает его за окончательно сложившееся состояние, естественно, приходит к выводу о «конце истории», о полной победе своей идеологии над всеми остальными. Причем на роль такой

идеологии может претендовать любая — не только либеральная, но консервативная и социалистическая, как только объявляет свой общественный проект единственно возможным и безальтернативным. И только все вместе они способны передать всю сложность, текучесть исторической реальности, предотвратить «выпадение» страны из истории. Подобная постановка вопроса и подводит нас к пониманию места либерализма среди других идеологий.

Либералы, вопреки тому, как они позиционируют себя у нас, — не правые и не левые, а центристы, располагающиеся на политической сцене между консерваторами и социалистами. Своей целью они ставят не изгнание правых и левых с этой сцены, а, наоборот, их включение в политическую борьбу, позволяющую им через свободные выборы постоянно перемещаться из оппозиции во власть и обратно. Только потому либералы, чуткие и компромиссные к правым и левым ценностям, к тому, кто устремлен в прошлое или будущее, смогли добиться на Западе преимущественного влияния на общественное сознание.

В своих политических оппонентах — социалистах и консерваторах — либералы видят не противников, а союзников, способствуя тем самым смягчению их крайнего радикализма. Именно под воздействием либералов западные консерваторы и социалисты, правые и левые прониклись демократическим духом, утратили свою былую революционность, тогда как либералы учились у правых уважать и ценить национальные традиции своего народа, а у левых — считаться с его социальными запросами и нуждами, с его устремленностью к равенству и социальной справедливости. Без такого взаимовлияния нельзя понять общую эволюцию этих идеологий в наше время. Политический ландшафт в демократических странах постоянно окрашен в цвета этих идеологий, как бы являет собой «три цвета времени», символизируя тем самым их неразрывную связь. Исключением является, пожалуй, только США, в которых либерализм полностью вытеснил с политической сцены левых и

правых (в европейском смысле этого слова), превратил их в политических маргиналов. Американские консерваторы — те же либералы, придерживающиеся в отличие от демократов более традиционных либеральных ценностей, менее восприимчивые к инновациям в образе жизни и мышлении. Ну а левых в политической палитре США вообще не видно. Но ведь США — страна без длительной истории. У нее нет уходящего в глубь веков прошлого и, похоже, нет будущего, отличного от настоящего. Поэтому либерализм в США эволюционирует преимущественно в сторону не левых ценностей (хотя чисто теоретически такие попытки и предпринимаются), а неолиберализма (или радикального экономического либерализма) с его претензией на глобальное лидерство. В таком виде его и заимствовали наши либералы, поставив своей задачей пересадить его в страну с многовековой историей. Результат такой пересадки сегодня всем очевиден. В основе либерализма как, прежде всего, политической (а не экономической, вопреки широко распространенному мнению) идеологии лежит идея правового и национального государства, которое только и делает возможным переход к гражданскому обществу. Не рынок, а гражданское общество было целью классического либерализма, условием существования которого и является государство нового типа, основанное на правах граждан и их общественном договоре. Люди, создававшие идеологию либерализма, были преимущественно моральными и политическими философами, правоведами, а если и занимались экономическими проблемами (как, например, Адам Смит), то во имя также определенных моральных и политических целей. Недаром экономическая наука носила тогда название политической экономии. Идея права, положенная в основу государственного и общественного устройства (здесь нет возможности ее подробно анализировать), рождала и идею нации не как этнической, а как политической общности людей, их объединения не по крови и происхождению, а по гражданству.

Но чем в таком случае является либерализм в России? Наличие в ней

либеральной традиции, как показывают современные исследования, нельзя отрицать, хотя либералы (за исключением краткого периода нахождения Временного правительства у власти) никогда не были здесь правящей партией. В ближайшей перспективе это также не предвидится.

Те же, кто исповедует и пропагандирует у нас сегодня идеологию неолиберализма, монетаризма или попросту капитализма, на мой взгляд, не являются либералами, имеют мало общего с русскими либералами XIX века, да и с классическим либерализмом вообще. Нигде и никогда либерализм не провозглашал своей целью переход к капитализму. Дореволюционные русские либералы мечтали о свободной и просвещенной России, идущей по пути правовой демократии, нынешние — сплошь экономисты, выученики Чикагской школы, апологеты крупного финансового капитала. Демократию они отождествили с независимым от государства рынком, права человека — с правами частного капитала, свободу — со свободными ценами. В своей большей части они как раз и дискредитировали либеральную идею в глазах населения. Поставив перед собой задачу перехода к капитализму, они попытались осуществить ее посредством чисто волевых решений (как будто капитализм можно построить усилиями сверху), придав экономической реформе сугубо административно-бюрократический, а не правовой характер. Потому и оказались в стане правых, традиционно отводящих государству решающую роль в процессе модернизации страны. Рыночную свободу они, похоже, ставят выше гражданской и политической. Написанную и принятую при их прямом участии Конституцию, практически узаконившую (видимо, с учетом пожелания первого Президента России — Ельцина) ничем неограниченную власть Президента как ее «главного гаранта», никак нельзя назвать либеральной. Ибо, с либеральной точки зрения, не беспартийный Президент, даже «всенародно избранный», и не назначаемое им правительство, а парламент, точнее, партия, победившая на парламентских выборах, должна диктовать проводимую в стране

политику. В итоге Президент и правительство были выведены за рамки межпартийной борьбы, политика перестала быть идеологически внятной и ответственной перед какой-либо из партий, что обесмыслило саму идею многопартийности и парламентских выборов. Политическая борьба за власть превратилась в борьбу не партий и идеологий, а неизвестно откуда взявшихся частных лиц, не имеющих никакой идеологии и партийной принадлежности или скрывающих их от общества. И какая тогда разница для избирателей, кто победит на выборах в парламент, если от этого не зависит ни состав правительства, ни проводимая им политика. На последних выборах в парламент СПС, как известно, проиграл, что не помешало правительству проводить экономическую и социальную политику в духе защищаемой им идеологии неолиберализма, прикрыв ее патриотической риторикой о великом государстве и призывами к укреплению властной вертикали. Такой вот либерализм, являющийся, скорее, карикатурой на него. Нечто подобное произошло до того и с социалистической идеей.

Чем же объяснить, что нынешний российский либерал столь непохож на своего европейского собрата? Не будем забывать, что либерал в России — не просто либерал, но западник (как русский консерватор — не просто консерватор, но славянофил, радетель русской старины). Западник в роли либерала отличается от европейского либерала тем, что хочет модернизировать страну не по собственному, а по чужому сценарию, заставить жить ее по заимствованным извне нормам и образцам. Спор наших нынешних западников и славянофилов (или, по другой терминологии, рыночников и государственников), — это спор не левых и правых на Западе, а спор среди правых, консерваторов, да еще консерваторов русского покроя. И либералы наши — правые, и те, кто им противостоит, трудно назвать левыми. Кстати, те и другие в равной мере ненавидят левых. Культура подлинной левизны, как и либеральная культура, созданная на Западе интеллектуалами самой высокой пробы,

пока еще чужда нашему менталитету. На Западе спорят о том, как лучше способствовать сохранению и развитию собственной цивилизации, мы же до сих пор не можем решить, какая из цивилизаций нам больше подходит. Для западников мы — часть западной цивилизации, для их противников — не имеем с Западом ничего общего. И пока этот спор не закончен, либерализму в нашей стране нечего делать (или он будет выступать здесь в несвойственной для себя роли). И социализм у нас был какой-то не европейский, а азиатский, и наш либерализм — апология не столько гражданского общества, сколько олигархического капитала, вполне совместимого с различными модификациями политического деспотизма. Разве арабские шейхи, богатеющие на продаже нефти и далекие от всякой демократии, против рынка и крупного капитала? Сращивание власти и капитала — прямое следствие такого либерализма. Гайдар мог сколько угодно говорить о независимости рынка от государства, о минимизации вмешательства государства в экономику, но, оказавшись у власти, пошел по пути все же не рыночной, а государственной приватизации. Вопрос о том, кому быть олигархом, решался у нас не в результате нормальной рыночной конкуренции, а по воле властей, чуть ли не путем прямого назначения. Такой либерализм и царям впору. Во всяком случае, он вполне устраивал «царя Бориса» — человека, как небо от земли, далекого от либерализма и демократии. Связка Ельцин-Гайдар достаточно ясно говорила о том, какой тип власти был по душе нашим либералам.

Но и на Западе (особенно в США) неолибералы, с которых берут пример наши западники, — противники не только левых, но и той версии либерализма, который отстаивает идею правового, национального и социального государства. По словам немецкого социолога У.Бека, «неолибералы являются ликвидаторами западной цивилизации — даже если они выдают себя за ее реформаторов. Их модернизация, если иметь в виду социальное государство, демократию и общество, ведет к смерти». В этом смысле Гайдар и его команда — не более либералы, чем вся партия

Жириновского, назвавшая себя либерально-демократической. Отстаиваемый ими «либерализм» имеет отчетливый привкус традиционного российского консерватизма с его преклонением перед авторитарной властью. Потому, видимо, наши либералы до сих пор причисляют себя к правым и как огня чужаются всякой левизны.

Позиция Ю. Болдырева мне намного ближе. Как и он, я признаю необходимость сближения либеральной и социалистической идеологий, налаживания между ними хоть какого-то диалога, но, честно говоря, не вижу пока для этого никаких реальных оснований. По той простой причине, что не нахожу в стране ни подлинных либералов, ни, тем более, настоящих левых. Сплошь одни консерваторы, в явной или скрытой форме тяготеющие к дореволюционному прошлому. Только для наших «либералов» оно хорошо тем, что неминуемо привело бы Россию к капитализму, если бы не помешали большевики, для «левых» (коммунистов и пр.) ценно своим имперским величием, умноженным затем Сталиным. Что же касается собственно либеральных ценностей, то с этим, по их мнению, можно и подождать. Если что и нужно России, то только рынок и сильное государство. Спор лишь о том, что для нее важнее — рынок или государство. Правые у нас — рыночники, левые — государственники, хотя приверженность рынку или государству само себе никак еще не свидетельствует о принадлежности к правым или левым. Почему защитники крупного капитала у нас правые, а поклонники тотальной власти государства — левые, трудно понять. Но причем тут либерализм? Либералы — не против ни рынка, ни государства, но только при условии их существования в правовом пространстве гражданского общества. Они, если угодно, — не рыночники и не государственники авторитарного типа, а политики, обладающие повышенным чувством гражданского правосознания. И только потому способные занять промежуточное и одновременно центральное место между правыми и левыми, консерваторами и социалистами, смягчить их противостояние. Но

таких либералов, за редким исключением, я у нас пока не вижу.

А. А. Зиновьев

Слово имеет Чиркин Вениамин Евгеньевич, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ.

В. Е. Чиркин

Уважаемые коллеги, у меня пять минут, и я буду говорить тезисами.

Главный тезис — либерализм в том понимании, как он сложился, сейчас не существует. Многие ключевые идеи либерализма отвергнуты в жизни. Нет государства, как «ночного сторожа» и не существует даже многих элементов прежнего понятия либерализма, ни одна либеральная партия, партия центра не стоит у власти в крупных странах. Проиллюстрирую это на нескольких примерах в сфере экономики, социальных отношений, политики и идеологии.

В экономике. Никакого свободного рынка нет в том числе и в США в современных условиях он невозможен, и это признано ведущими зарубежными исследователями. Сошлюсь лишь на лауреата Нобелевской премии американского автора В. Леонтьева. То, что существует сейчас в Америке, во Франции, в Бразилии или Египте — это регулируемый рынок, социально ориентированная экономика. Если вы уже посмотрели европейскую конституцию 2004 года, то там тоже говорится, что современная экономика — это социально ориентированная экономика, ориентацию которой в известной мере задает государство. В экономике всех европейских стран и в США государство жестко регламентирует хозяйственные условия. Например, оно покупает у фермеров по дорогим ценам и продает по более дешевым. «Сверху» устанавливаются тарифы и цены на товары и т. д. Существует огромное экономическое законодательство. Все это общеизвестно.

В области социальных отношений происходит существенный пересмотр идеологических концепций. Государство благоденствия подвергнуто резкой критике. Неоправданные социальные расходы не выдерживает даже западная экономика. Что было в Швеции? Появились очереди в детский сад в благополучной стране и безработица. То же повторилось и в Норвегии, и в Испании. Поэтому в области социальной почти ликвидирован тезис «государство благоденствия». Иногда используют другой термин «воркфээр стейт». Это трудный перевод. Идея очень простая. Современное государство должно обеспечивать основные нужды человека. А человек должен сам заботиться о себе и о своей семье. У государства свои основные функции, а ты сам работай. Иначе будет политическая, социальная апатия. Нет либеральной свободы договора. Государство установило продолжительность рабочего времени, минимальный размер оплаты труда, обязательный уровень бесплатного образования и т. д. Нет безбрежной свободы личности и абсолютных прав человека. В условиях террористических актов современности особенно с 2005 г. даже известное американское прайвеси ограничено вмешательством созданного министерства безопасности. Да и никто теперь не настаивает на неограниченных прирожденных правах человека. Они тоже ограничены законодательством.

Теперь о политической системе. Никакого либерализма в действии нет, потому что либеральные партии нигде у власти не стоят. Они не добились успеха. Политическая система тоже вовсе не является свободно сложившейся. Численность партий, их регистрация, даже некоторые внутрипартийные отношения регулируются «извне», законом.

Что нас ожидает, какой строй? Тут ставился этот вопрос. Из сказанного следует, что идеология либерализма не может прижиться в современном динамичном, высокоструктурированном, нуждающемся в организации, полном опасности мире.

Думаю, что будущий строй можно назвать социальным

капитализмом, а государство — государством социального капитализма. Он вберет в себя некоторые социалистические идеи (они уже включаются в западные конституции), идеи современного капитализма в новом прочтении и некоторые либеральные концепции в их переосмысленном виде. Извините, но мне пора уходить.

А. А. Зиновьев

Митрошенков Олег Александрович, заведующий сектором Социологического центра Российской академии государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук, профессор.

О. А. Митрошенков

Уважаемые коллеги, я сразу подчеркну — я уверен в необходимости либерализма как идеологии, политической философии, теории и практики. Однако я уверен также в необходимости рационального, критического и возможно объективного анализа состояния и положения либерализма в наши дни.

Сегодня либерализм находится в кризисе. Об этом немало написали западные и российские исследователи и политики, в том числе сами либералы. Среди множества причин этого кризиса — эпистемологическая. Это связано с общим кризисом современного гуманитарного и социального знания, в котором за последние 10-15 лет практически невозможно найти хотя бы одну-две новые идеи мирового уровня (если, это, конечно не описание какой-либо новой реальности, вроде реакции на глобализацию или мультикультурализм). Либерализм здесь не исключение. Никаких новых идей он сегодня не продуцирует ни на Западе, ни тем более в России, в которой он откровенно вторичен по отношению как к западному либерализму, так и к отечественной либеральной мысли, представленной именами К. Кавелина, Б. Чичерина, Т. Грановского, Н. Милютин, П. Милюкова, П. Струве, П. Новгородцева, В. Гессена,

Л. Петражицкого, Б. Кистяковского и т. д. На современном этапе в российском либерализме нет не то чтобы имен подобного масштаба — вообще нет теоретиков. Есть независимые исследователи, не являющиеся либералами, и партийные аналитики, которые вовсе не заменяют теоретиков. Поэтому я не случайно задал вопрос Е. Гайдару о том, кто мог бы рассматриваться теоретиком либерализма в среде самих российских либералов. Как следует из ответа, таковых сегодня нет в принципе.

Изменяющийся социально-экономический и политический ландшафт, понятно, влияет на эволюцию мирового либерализма. Процессы, происходящие в нем, можно описать термином «конвергенция». Либерализм воспринимает и адаптирует отдельные идеи социализма, социал-демократии, консерватизма, даже марксизма, влияя, в свою очередь, и на эти идеологии и течения.

Классический либерализм с конца 19 в. стал преобразовываться в направлении социализации, демократизации, этатизации и даже национализации, а также модернизации собственных политических, философских, этических оснований. Поэтому сегодня можно говорить о таких вариантах либерализма, как «неолиберализм», или социальный либерализм (Д. Хобсон, Т. Грин, Л. Хобхаус); «либерально-консервативный консенсус»; «либеральный социализм» (К. Россели, Э. Бернштейн, Ф. Оппенгеймер, Ю. Хабермас, Д. Дьюи, М. Уолцер, М. Канто-Спербер и т. д.). В либерализме существуют праволибертатные традиции, но одновременно усиливается его этическое измерение, ориентация на проблемы равенства и справедливости. Однако новый образ либерализма, отвечающий требованиям XXI века, еще не сложился.

В России начала 90-х годов никакой теоретической проработки проблем либерализма, тем более общественной дискуссии, не было. Сразу приступили к либеральной политике. Она основывалась на постулатах, оставленных в далеком прошлом всем развитым миром, на который так хотелось походить реформаторам: а) рынок, воспринимавшийся как

панацея в решении всех проблем (в то время как такие авторитеты, как Б. Гейтс и П. Дракер говорят о пределах рыночных отношений); б) частная собственность; в) слабая роль государства (как будто бы государство слабо в США, Франции, Германии и т. д.). При этом забыли о других принципах, таких как безусловная ценность человеческой жизни и личности, верховенство закона, сущностная рациональность политики и т. д. По крайней мере в России они не реализовывались. Забыли и об особенностях страны, среди которых — объективно-исторически обусловленная (хотя бы протяженностью границ и пространствами страны) высокая роль государства, культура и менталитет населения и т. д. В результате шоковая терапия, которая в Польше и Прибалтике продолжалась 2–3 года, в России растянулась уже на 15 лет. Как себя чувствует организм, которому отпиливают ногу плохой пилой без наркоза третьи сутки подряд?

В плюс либералам можно занести то, что либеральные приверженности и ориентации сегодня присутствуют в сознании части населения и обладают политически эффективным значением, не слишком ассоциируясь, однако, с самими либералами. Идеи свободы, равенства, солидарности, освобождения от эксплуатации и несправедливости, распространенные в сознании граждан России в их марксистской трактовке, в новых условиях трансформировались в либеральные ценности.

О негативных последствиях сказано уже много. Одним из минусов является то, что российские либералы не берут на себя ответственность за грубейшие просчеты и ошибки, недопустимые в таких масштабах. В качестве причин неудач ссылаются на советское прошлое, менталитет народа (не повезло реформаторам с народом!), на погоду и т. п. Такое поведение свидетельствует не о зрелости, а об инфантилизме людей, которые претендуют на роль политиков и реформаторов и которые легко взвалили бы на себя бремя славы в случае успеха, однако оказались не способны принять на себя ответственность за неудачи, что предполагает

сама природа политической деятельности.

Кстати, Закон об ответственности политиков и власти, принятый в абсолютном большинстве развитых стран мира, многие годы успешно блокируется в высших органах власти России, в том числе либералами. Либералы могли бы здорово выиграть, если бы смогли обеспечить его принятие. Думаю, однако, нынешней генерации либералов это не нужно. Но тогда нечего и обижаться на страну и на народ.

Современный российский либерализм довольно расплывчат и абстрактен (то, что партия Жириновского называется «либерально-демократической» — парадокс российской политической семантики). Он плохо прорабатывает и учитывает социокультурную и политическую реальность страны, не проявляет озабоченности развитием собственных принципов и теоретических оснований в условиях российской действительности. Неспособность найти путь, ведущий к либеральной государственности, влечет угрозу самому либерализму, поскольку борьба за укрепление государственности способна принять форму борьбы против него. Слабое место российского либерализма — ограничение поиска выхода из кризиса экономическими преобразованиями, непоследовательными и противоречивыми, абсолютизация рынка. Кризис российского либерализма может быть преодолен на пути преодоления пределов ограниченного освоения отечественной реальности и выхода на новый уровень ее осмысления. Обнадеживающим мог бы стать феномен либерального консерватизма, способного соединить современные либеральные ценности с массовыми почвенными процессами и тенденциями. Наконец, российскому либерализму пора уже развиваться на собственной основе, а не искать оправданий неудачам в советском прошлом.

Либерализм — лишь одна из моделей социального развития, потенциал которой, как и любой другой, имеет свои пределы. Поэтому либерализм должен следовать собственным принципам — взвешенности и

продуманности, плюрализму, оставляющим место для компромиссов с оппонентами.

Но для этого нужны новые идеи, новые поколения либералов. Нынешним либералам в политическом смысле скорее всего ничего не светит. Они слишком хорошо живут, слишком оторвались от народа. Теневые практики и близость к власти и вышей бюрократии позволяют им жить богато и счастливо. В глазах народа это несправедливо и нелегитимно. Даже М. Ходорковский в одном из своих писем назвал их «расслабленной богемой». Одна из ошибок либералов — подозрительный взгляд на российский народ как такой, который будто бы не любит богатых. Это не так. На самом деле он вполне нормально относится к богатым, просто сам не хочет быть бедным. Но народ лишили возможности перестать быть бедным, сколько бы он ни работал. Поэтому наворованное у него же богатство никогда не будет легитимным в его глазах. Народ хорошо улавливает разницу в природе богатства Б. Гейтса, с одной стороны, и отечественных нефтяных и сырьевых олигархов, с другой. И нелюбовь населения к отечественным либералам — это еще самое безопасное отношение. Я не знаю, какова природа сегодняшнего взрыва на пути кортежа А. Чубайса, но не исключаю, что он из серии именно этого социального неприятия и протеста. Если ситуация не обнаружит тенденции к улучшению, не спасет никакая глубоко эшелонированная оборона.

Превентивный взгляд на вещи, который необходим любому политику, позволяет предположить такое развитие событий с высокой степенью вероятности. Следовательно, ситуацию следует исправлять. Для этого должна быть взвешенная, разумная политика, точные механизмы регулирования современных социальных отношений и экономики. Спасибо.

А. А. Зиновьев

Слово предоставляется Шаброву Олегу Федоровичу, зам. зав. кафедрой политологии и политического управления Российской академии государственной службы при Президенте РФ, доктору политических наук, профессору, академику Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка.

О. Ф. Шабров

Либерализм, понимаемый как идейное течение, основанное на принципе свободы индивида, сам по себе внутренне противоречив, и в России это проявляется особенно наглядно. Считается, что в России победила либеральная революция. Что принесла ее победа людям? Свободнее ли стало большинство людей, оказавшееся на нижних этажах социальной лестницы? По данным журнала «Форбс», Россия вышла на второе после США место в мире по числу миллиардеров. Можно было бы порадоваться за наших флагманов либерализма, как радуемся мы, к примеру, успехам наших российских футболистов, если бы при этом по среднему уровню доходов на душу населения место России не было ниже сотого. Согласно оценкам Всемирного банка, 17,8 процентов россиян в прошлом году жили ниже официальной черты бедности, определяемой в 2451 рубль (!) в месяц. На Западе не всегда даже дают себе отчет в том, что у нас происходит. Там искренне считают, например, семью нашего профессора вполне обеспеченной, и на детей «остепененных» родителей не распространяются их адресованные нам социальные программы в сфере образования.

Дело здесь не только в очевидной несправедливости и асоциальности сложившейся ситуации: в конце концов, либерализм предполагает приоритет личного над общим, что порождает область противоречия между «я» и «мы», в которой личный интерес доминирует над требованиями общего блага и нормами морали. Главное, что при таком имущественном неравенстве существенный экономический рост

становится нереальным, а либеральные преобразования в сфере экономики — все менее совместимыми с либерализмом в политике. Нищета вообще слабо согласуется с демократией. В нынешних же условиях, когда все акты либерализации — реформа ЖКХ, налоговые реформы, приватизация государственного имущества, «монетизация» натуральных форм социальной поддержки и т. п. — ведут к дальнейшему ухудшению материального положения значительных слоев населения и реализуются фактически за их счет, авторам реформ становится все труднее рассчитывать на электоральную поддержку населения. Отсюда — движение в сторону «управляемой демократии», принявшее откровенные формы после 2000 года.

История убедительно свидетельствует: когда либералам приходится делать выбор между политическими свободами и свободой предпринимательства, выбор делается не в пользу первых. Наиболее яркий пример, в очередной раз подтвердивший в прошлом столетии эту непреложную истину, дал пиночетовский переворот в Чили. Общеизвестный флагман мирового либерального движения, Соединенные Штаты Америки, однозначно предпочел демократическому, демократически и законно избранному режиму Сальвадора Альенде, начавшему социалистические преобразования в экономике, беспощадную военную диктатуру.

В России две эти составляющие либеральной идеи — экономическая и политическая — реализуются и взаимодействуют в особых условиях. Одна из особенностей российского национального характера состоит в стремлении к свободе духа. Только тот, кто совершенно не понимает и очень не любит российский народ, может, подобно апостолу российского либерализма Б.Березовскому, рассуждать о его рабской ментальности. Русский человек готов сносить притеснения со стороны государства и экономический гнет вовсе не из рабской своей натуры, а, наоборот, в силу ее созерцательности, из-за пренебрежения к государственному

принуждению как несущественному и чуждому. Эту сторону отношения русского к государству точно подметил Н. Бердяев, писавший об анархической устремленности нашего народа, о русской вольнице, трактуемой как о физическом или духовном уходе из государства. В этом, а не в рабской натуре справедливо видел он источник наблюдаемого в российской истории противоречия между покорностью государству и анархичностью, любовью к вольности. Вот почему применительно к России либеральная идея должна рассматриваться шире, чем на Западе, как триада индивидуальных свобод — политической, экономической и духовной. И судьба либерализма в России зависит от того, как реализуется третья его составляющая.

В этом видится одно из главных обстоятельств, противостоящих нашим либерал-реформаторам. Они не смогли продуцировать главное для консолидации России — духовную составляющую реформ. Сами по себе идеи демократии и свободы предпринимательства воспринимаются у нас как механизм, как средство достижения цели, но не как сама цель. Ход же реформ постоянно демонстрирует не просто отсутствие идеала, но все возрастающие духовные и нравственные издержки. Пока реализация либеральных идей влечет за собой нарушение многих нравственных норм. Здесь и проблема пенсионеров, оставшихся после десятилетий честного труда без средств к достойному человеку существованию, и неравные возможности молодежи, и криминализация общества, и отеснение на вторые роли гуманитарных сфер, образования, медицины, науки. Мощной антирекламой либерализма стала демонстрация бездуховности по каналам электронных СМИ.

До тех пор, пока носители либеральных идей столь навязчиво демонстрируют собственную духовную нищету и так настойчиво пытаются ограничить условия духовного развития общества, рассчитывать на то, что либеральные ценности овладеют российскими массами, не приходится.

Другое обстоятельство, которое следует иметь в виду, связано с принципиальными пределами возможности воспроизведения желаемых результатов в общественных системах. В определенных исторических условиях, в конкретных общественных системах идеи либерализма продемонстрировали продуктивность в качестве идеологического основания экономических и политических конструкций. Но можно ли воспроизвести аналогичный результат в России сегодня?

Известно: для воспроизведения результата требуется повторение начальных и граничных условий. Не зря подмечено: история повторяется в виде фарса. Любые попытки повторения пройденного заведомо не дадут былого результата. Это в равной мере касается и попыток воспроизведения в России рыночных моделей двухсотлетней давности, и копирования в наших условиях западных политических конструкций, и надежд на возврат советского прошлого. Чтобы либеральные начала экономического и политического устройства дали тот же эффект, какой мы наблюдаем, в частности, на примере США, нужно хотя бы в общих чертах вернуть те условия, в которых они начинали. Это — слабое, основанное на конфедеративных началах государство, мануфактура в экономике, неисчерпаемые природные ресурсы (начальные условия) и возможность изолированного развития (граничные условия).

Ничего этого в современном мире давно уже нет и быть не может. Уровень внешних угроз сегодня таков, что ни одна страна (США в том числе) уже не может позволить себе иметь слабое государство без риска быть поглощенной мировым окружением. Мануфактурная организация производства явно не отвечает запросам современных технологий, а экономические пространства давно вышли за пределы государственных границ. Естественно поэтому, что либеральный плач по свободной от государственного влияния экономике воспринимается сегодня обществом как прозападная позиция, не отвечающая национальным интересам. Тем самым либерализм объективно смыкается с «западничеством» и создает

благоприятные условия для усиления позиций «почвенников». Патриотическая доминанта в современном идеологическом дизайне возникла не на пустом месте. На это обстоятельство не смог не среагировать и сам Б.Березовский, который в своем «Манифесте российского либерализма» совершенно неожиданным образом приобщил себя к числу патриотов в качестве «патриота-либерала» в противовес «патриотам-государственникам».

Надо учесть и специфику российских условий. Приоритет общего над частным имеет здесь глубокие исторические корни и возник не случайно. Характер российского народа ковался в условиях жесткой борьбы за выживание и с воинственными племенами, и с неблагоприятными природными условиями. Возникшая на этой основе ментальность породила ту способность русского человека терпеливо сносить жизненные невзгоды и жертвовать собой, которая позволила ему преодолеть немало испытаний, в том числе и в новейшей истории. Это невозможно искоренить. Да и нужно ли? Человечество стоит в преддверии таких испытаний, для преодоления которых эти свойства российского характера могут опять сыграть решающую роль. Вновь могут оказаться пророческими слова Л. Карсавина, еще в 20-е годы связывавшего с судьбами России «выход европейской культуры из переживаемого ею индивидуалистического кризиса, выход или смерть» (*Карсавин Л. Основы // Евразийство: Мысли о России. — Тверь, 1992. — С. 11*).

Либеральная идея имеет плохие шансы прижиться на российской почве, прогноз для ее перспектив пессимистический. Потому она и оказалась так плохо совместимой с демократией. Но именно это служит одним из важных оснований для оптимистического прогноза в отношении перспективы самой России. Спасибо.

А. А. Зиновьев

Новицкий Иван Юрьевич, депутат, председатель Комиссии по

землеустройству Московской городской Думы, кандидат биологических наук.

И. Ю. Новицкий

Я выступаю почти в конце нашей дискуссии, поэтому хочу вернуться к определению, поскольку у нас дискуссия научная идет, экономическая, социологическая. Начать хочу с того, что, действительно, многие говорят о либерализме, при этом понимают каждый по-своему. Действительно, надо для себя понять, в каком типе координат мы ведем обсуждение, и начать с определения либерализма. В XIX веке были консерваторы, либералы в Великобритании, и, наверно, и идет от этого терминология. Потом уже возникли тредюнионы, возникли лейбористы, возникла социальная и социалистическая идея. И в течение XX века в британской политической жизни либералы были как бы в середине.

В других странах, например Германии, они не являются довлеющей силой, а являются как бы коалиционной: либо с правыми, либо с левыми. Они являются, как говорили, средним течением. Три типа интернационала существует. Консервативный интернационал, социалистический интернационал и существует такой либеральный интернационал, либеральные партии, то есть такие три политические силы имеют место в мировой политической системе.

Если говорить об экономическом аспекте терминологии, то тоже такие определения давать сложно, потому что свободная рыночная экономика сочеталась с консервативной тенденцией, то есть идеология консервативная отождествлялась в основном со свободным рынком. И уже потом к этому термин «либерализм» примешался, и сейчас такое довлеющее сознание в нашей дискуссии, в нашей терминологии имеет, что свободная рыночная экономика — это именно экономика вот такой либеральной тенденции.

А может, это связано и третьим — бытовым определением

либерализма. В дискуссии идет и такое обсуждение. Я вспоминаю переломные годы в России в начале XX века, когда были такие тенденции. Адъютант, штабс-капитан Попов, такая терминология, что либерал — он, конечно, интеллигент, то есть две такие линии. Такие ярко выраженные тенденции: линия социалистов и большевиков; линия, скажем так, монархистов и, скажем так, правых, но таких государственников — держателей российских такого еще царского подхода. Это правые консерваторы. Белые, красные. А либералы — это нечто интеллигентское в середине. И вот все собравшиеся здесь, которые ведут такие какие-то интеллектуальные дискуссии, были бы названы обеими сторонами либералами. Поэтому вот это бытовое понимание слова «либерализм» довлеет в ваших научных дискуссиях негативному оттенку этого слова. Какой-то бытовой подход. Итак, три линии слова либерализм, терминология — политическая, экономическая и бытовая терминология. И вот поэтому разное понимание каждого из нас, что такое либерализм. Это и приводит вот к таким дискуссиям. Может, имело смысл сделать это в учебниках и более жестко, более детально пройти, ввести какую-то единую терминологию. Я сказал, что она не единая, потому что, с одной стороны, есть западная терминология, есть и восточная культура. Есть и Россия, которая посередине находится, между Западом и Востоком, между социализмом и рынком; идеологии — тоже посередине где-то. Поэтому при таком стечении разных тенденций и возникают дискуссии, где разные точки зрения сталкиваются, поэтому и происходят такие проблемные дискуссии.

Я не буду касаться других вопросов (Союз правых сил и т. д.). А вот что касается определения идеологических терминов, здесь важна дискуссия, чтобы более четко определить. Спасибо.

А. А. Зиновьев

Слово имеет Шендрик Анатолий Иванович, зав. кафедрой

культурологии МосГУ, доктор социологических наук, профессор, секретарь ЦК ВКПБ.

А. И. Шендрик

Уважаемые коллеги, хочу начать свое краткое выступление с того, что либеральная идея — великая идея. Я абсолютно убежден, что в принципе без либеральной идеи не было бы и социалистической идеи, не было бы того общества, в котором мы с вами живем. Это завоевание либерализма. Есть также либеральная доктрина. Есть ее колоссальное влияние не только на европейцев, но и на мировую общественную мысль. Не было бы представления о гражданском обществе, свобод, значимости тех базовых ценностей, которые в принципе значимы для любого свободомыслящего человека.

Действительно, по-разному решалась проблема обретения человеческой свободы, но ценность свободы признается и теми и другими. В этом отношении никакого сомнения нет. Те, кто подвергают сомнению значимость идеи, — это те люди, которые недостаточно хорошо знают историю и европейскую философскую мысль. Но если судят о судьбах либерализма вообще и судьбе российского либерализма, я к этому отношусь скептически. Почему?

Первый аргумент. История русского либерализма. Есть мнение, что в России никогда не было мощной либеральной партии. Обычно идея либерализма в российской истории распространена в предельно узком слое — «университетская интеллигенция». Она никогда не распространяется на широкие «народные массы». Классические либералы оказались на обочине российской истории. Есть мутанты — партия Жириновского, социал-демократы, ярко выраженный социалистический окрас, который демонстрирует Жириновский, не имеет никакого отношения ни к либерализму, ни к социализму и т. д.

В. М. Межуев

Кстати, большинство русских классических либералов были не экономисты, а юристы с правами и обязанностями.

А. И. Шендрик

Второй аргумент. Если говорить относительно судьбы либерализма как идеологии. Сегодня Гайдар продемонстрировал то, что у меня всегда вызывало настороженность. Это ярко выраженный способ мышления и абсолютно культурологическая безграмотность. Я не беру в расчет то, что на Западе живут в совершенно другой реальности, это совершенно другая цивилизация, совершенно другой социокультурный фон. Это историческая своеобразность Запада, и проводить сравнение с историей России, ее условиями совершенно бессмысленно, а считают, что все, что происходит там, совершенно спокойно может происходить и здесь.

Третье. Это несовпадение русской культуры с базовыми ценностями либерализма. Каждый человек понимает, что каждая культура обладает каким-то набором ценностей, является базовой, и на этом создается здание цивилизации. Так вот, ценность либерализма в том варианте, который предлагается либералами, и ценности русской культуры в значительной степени взаимоотрицают друг друга. В рамках ценностей (ценности, скажем, получения информации) ценность свободы находится в самом конце ранговой шкалы. Для русского человека даже и сейчас, особенно с учетом этого негативного опыта, ценность свободы менее значима, чем ценность стабильности, ценность перспективы. Вот именно это выходит на первый план. Ценность свободы, которой так кичились либералы в начале 90-х годов, которая имеет свои экономические предпосылки, в настоящее время не является той ценностью, что нравится населению.

Но самое главное заключается в том, что либеральные идеи несут зерна своей собственной гибели. Безграничная свобода, как мы понимаем, заключается в монархии и приводит к абсурду. Возникает проблема с

национальным государством, с транснациональными корпорациями, которые в настоящее время выступают главными субъектами международных, экономических, политических отношений. Возникает проблема существования отдельной человеческой личности. Государство осуществляет тотальный контроль, который в настоящее время становится действительно всеохватывающим. Дело в том, что все это является прямым следствием реализации либеральной идеи на практике. Это классно показал Гессен: предпосылка именно фашистского режима и гибель нескольких республик из торжества либеральной идеи. Основная идея проникла в сознание масс, это центральная идея, которую доказывал как раз Гессен.

И последнее. Я внимательно слушал все выступления. И мне хотелось бы ответить на некоторые вопросы, которые носят дискуссионный характер. Относительно того, что либеральная и социалистическая идеи — это одно и то же. По-разному решается человеческая проблема. Либералы обеспечивают человеческую свободу с помощью решения чисто экономической проблемы, создания прочного материального базиса. Социалистическое решение проблемы человеческой свободы — превращение частного труда во всеобщий труд. Совершенно другое понимание, совершенно другое решение человеческой проблемы.

В заключение могу сказать только одно. Думаю, что в ближайшей перспективе вырисовывается возможность поиска какой-то новой доктрины, которая действительно могла бы аккумулировать ценность и либеральной, и социалистической идеи. Думаю, надо в этом отношении поддержать В. М. Межуева.

В. М. Межуев

Либерализм обеспечивает человечеству свободу исключительно средствами права.

Вал. А. Луков

Поскольку была ссылка на исследования, которые показывают, что ценности свободы очень низкие, я не буду сейчас ничего комментировать, но это неточная информация. Когда были взрывы, то все социологические исследования показали, что на первое место вышла стабильность.

А. А. Зиновьев

Хочу напомнить, что все дополнительные соображения в письменной форме можно представить.

Ледяев Валерий Георгиевич, председатель отделения Российской ассоциации политической науки, профессор кафедры социальной и политической философии МосГУ, доктор философских наук, профессор, доктор политики (Манчестер).

В. Г. Ледяев

Прежде всего, я хочу поддержать профессора Межуева, который совершенно справедливо подчеркнул, что либерализм является мировой идеологией, сыгравшей огромную роль в становлении современного общества. В этой связи мне, также как и ему, показались странными отдельные сегодняшние выступления, в которых либерализм либо сравнивается с некоторыми маргинальными течениями, либо подается в качестве какой-то вредной для России идеи. Ведь по поводу значимости базовых ценностей либерализма (антиабсолютизм, антитеократия, правление закона, конституционализм, толерантность и др.) сегодня никто, кроме крайних радикалов, не спорит. Все эти ценности считаются незыблемыми в развитых странах и вошли в ткань других идеологий. С этой точки зрения, либерализм в этих странах победил и выполнил свою историческую миссию. Это первое.

Второе. В рассуждениях о либерализме и либералах часто фигурируют его «старые» версии и не самые репрезентативные для

современного либерализма фигуры. Упомянувшийся здесь Хаек хотя и является известным экономистом, все же не может претендовать на роль идейного лидера современного либерализма. Более влиятельным представителем современного либерализма, по крайней мере в академической среде, является Джон Роулз, попытавшийся соединить либерализм с идеями справедливости и объяснить, как свобода и справедливость возможны в обществе, в котором имеет место конфликт ценностей и интересов между различными социальными, национальными, религиозными и другими группами.

И уж совсем странно, когда либералами называют Тэтчер и Рейгана, которые обычно позиционируются как правые консерваторы. Неоконсерватизм принял ряд идей «старого» либерализма, в частности идею ограничения роли государства в экономике. Однако изначальный посыл и пафос либерала и консерватора различаются: для либерала главной задачей является расширение и упрочение свободы человека, а консерватор стремится сохранить существующий порядок, в том числе и присущие этому порядку сегодня либеральные свободы и рынок. У них есть определенное совпадение в программах, но они решают несколько разные стратегические задачи.

Третье. Либерализм в отличие, например, от социализма, не формулирует какие-то конечные цели, а скорее предлагает условия их выбора, отражающие определенную степень свободы человека и общества. Он не определяет конкретных параметров «хорошей жизни»; счастье для либерала есть вещь субъективная, конкретная, оно не может быть задано с помощью каких-то предписаний, а является выбором человека в условиях свободы. Либерализм не навязывает человеку светлого будущего, но он обращает внимание на то, что нужно сделать, чтобы этот свободный выбор состоялся.

Если мы действительно хотим сами определять свою судьбу, то для нас этот момент очень важен. Как обеспечить свободный выбор? Рецепты

известны: нужно прежде всего ограничить всевластие государства и на практике реализовать правление закона.

Четвертое. Происходящие в России процессы рождают вполне обоснованный пессимизм относительно либерально-демократических перспектив нашего государства. На мой взгляд, мы не приближаемся к правовому государству; представительные институты становятся все более контролируемыми со стороны правящей элиты, а возможности для создания эффективной демократической оппозиции ограничены. Поэтому сегодня крайне важно, чтобы в России либералы были услышаны. При этом их главная идеологическая функция состоит не столько в объяснении специфики экономической политики государства, управления экономическими потоками и способов зарабатывания денег, сколько в обосновании необходимости выстраивания прочных либерально-демократических оснований российского государства.

В заключении хочу привести фразу известного либерала XIX века лорда Эктона: «Во все времена друзей свободы было мало, и ее триумф был связан с деятельностью меньшинства». Спасибо.

А. А. Зиновьев

Игорь Михайлович Ильинский, ректор.

И. М. Ильинский

Я хочу выступить в порядке реакции на высказывания и общий характер дискуссии.

Говорили, что либерализм победил на Западе и т. д. Думаю, что есть все основания сегодня утверждать, что либерализм не окончательно, но победил и в России. Не окончательно. Давайте задумаемся в некоторые цифры. У нас разговор часто ведется в сугубо теоретическом плане. Многие понятия очень важны. Но все-таки давайте приведем некоторые цифры.

Я писал книжку. Мне надо было ответить на вопросы: Россия, куда она идет, в каком положении находимся. Я посмотрел экономику. Уже в 1996 году 2 млн. 449 тыс. предприятий (63,4%) были приватизированы, то есть стали частными. А частная собственность, мы знаем, — краеугольный камень. Сегодня только 4,1% на 1 января 2003 года всех предприятий принадлежат государству, а 76,9% предприятий и организаций являются частными. Еще цифры, сколько занято в частном секторе, каково ВВП и т. п. Это один аспект.

Давайте посмотрим политическую систему. При всем критическом отношении к тому, что есть. У нас парламент есть. Я думаю, что у нас сейчас все есть. Последние, может быть, полтора года идет работа в структуре, во власти. На мой взгляд, все нужно. Другое дело, что, как всегда, идет впереди бюрократия, чиновники делают гораздо больше, чем хотелось бы. Но, по-моему, ту стихию свободы, неограниченной свободы, которая захлестнула Россию в ельцинские времена, с началом реформ, сегодня пытаются унять, упорядочить, наверное, не без изъяна.

Мне кажется, что мы все, независимо от того, кто к каким партиям принадлежит (я ни к какой партии не принадлежу), должны озаботиться тем, как нам вырливаться из этой ситуации, выходить из сегодняшней ситуации. Мне кажется, что назад дороги нет. Это понятно всем. Поэтому актуален вопрос построения гражданского общества, оно тоже в зачаточном виде, но существует. Вот почему мы, например, сегодня заседаем здесь, а не в зале. Там собрались лидеры молодежных организаций, мощных организаций Союза молодежи. Несколько дней назад проводилась секция «Молодежь и наследие великой победы». Прибыли десятки лидеров молодежных организаций. Слабые, очень слабые, но они есть. А вообще существует огромная сеть разного рода организаций, которые являются зародышами того самого гражданского общества.

Вы находитесь в стенах негосударственного вуза. А их в стране 590.

В них обучаются более миллиона студентов. Я ректор негосударственного вуза. Я счастлив, что я ректор негосударственного вуза. Я сторонник либеральной идеи, социального либерализма, потому что я никогда себя так, за всю свою некороткую жизнь, не чувствовал хорошо, как нынче, сегодня. При всех невероятных сложностях, трудностях, борьбе, с наездами и прочее. Много всего было, только не взрывали. Вот сидят мои проректора, присутствующие профессора. При социализме это было невозможно. Я из социализма. Вы из социализма. Знаете: тогда это было невозможно.

А, собственно говоря, что такое государственная система образования? Так называемая государственная система. Квазигосударственная. Там ничего не осталось государственного, кроме права в оперативном управлении иметь собственность, некоторую подкормку. И всё. Сейчас сообщают, что многие вузы отказываются готовить на бюджетной основе гуманитариев. Почему? Они высвобождают места для платных студентов. Примитивный подход.

Если анализировать реальность, в которой мы находимся, мы в либерализме. Он ужасен. У него свои гримасы. Я говорю своим коллегам, что мне не нравится то, что было в прошлом. Но мне не нравится многое из того, что сегодня. Мне очень хотелось многое из хорошего взять оттуда, присоединить к хорошему, что есть сегодня. Синтезировать возможно. Живой субъект. Во мне это живет. Я хочу быть свободным и принимать решения по поводу своей жизни, жизни своей семьи и вуза. И мы 11 лет это делаем. И делаем это успешно. И не только мы, но и многие другие. Я хочу, чтобы государство поменьше вмешивалось в мою частную и вот в эту жизнь. Постоянно мешают. Когда они приходят с предложением помочь, я говорю: только не помогайте. Не надо. Не мешайте.

Дальше. Я хочу той же самой стабильности, по поводу которой и страдает население. Но я хочу законного порядка. Порядка по закону. А все время безобразничают. Мы боремся с этим. У меня есть право решать и

бороться. И мы ведь побеждаем. Оказывается, там не только идиоты.

Вот здесь, за этим столом летом было заседание Союза негосударственных вузов. Поправки Минфина жуткие. Выходило за пределы правовых. То есть, это право жить без права дышать. Я сказал — нет! Попробуем найти контакт и доказать, что они не правы, аргументировано доказать. Говорят: невозможно, они глухие, они тупые и т. д. Но они услышали. И это случилось гораздо быстрее, чем мы ожидали. Я отправил в письменном виде в Думу наши предложения. И через три дня — мы не знакомы — председатель комитета из «Единой России» сообщил, что создали комиссию. Приезжайте. Я приехал. Был Фрадков. В конце концов, мы все это сделали.

Я к чему это говорю? Надо действовать. Никто ничего не подарит нам. Я не понимаю, почему мы все время химически чистую структуру хотим. Я не понимаю, как назвать это. То, что существует. Называют все по-разному нашу действительность. Она нас не устраивает, но те фундаментальные ценности: частная собственность, права личности, свободы, гражданское общество и т. д. — они уже существуют, а теперь надо дозревать. Оттуда спасение не придет. Я пришел лично к убеждению, что Россия вырастет снизу. Сверху начнут давить, но это другой вопрос.

Поэтому, мне кажется, говорить в таких пессимистических тонах о перспективах России, о либерализме в России, не следует. По-настоящему, — нет. Социальный либерализм, как говорили. Конечно, социальная составляющая должна быть усилена. Но думать о том, что мы когда-то весь народ удовлетворим, — никогда этого не будет. И это не важно, что народ на первое место не ставит ценность свободы. Это было бы хорошо, если бы поставили. Но должен быть слой людей, кто выше всего ценит свободу. Если такие люди есть, то, возможно, и народ тогда поймет, за что он страдает.

Я не считаю Гайдара, Чубайса либералами. Они нанесли сокрушительный удар по либеральной идее. Сокрушительный!

Жириновский — не либерал. Конечно, не либерал. Но это не значит, что надо хоронить саму эту идею. В классическом варианте нет. Неореализм не проходит. Америка демонстрирует безобразное лицо свое. Если ее идентифицировать по понятию либерализма, демократии, то тогда война. Тут я согласен. Они возглавляют войну. Глобализация — инструмент завоевания. Но это совершенно другая тема, другая песня. Я думаю, что если секретарь Коммунистической партии начинает с песни в пользу либерализма, значит, у нас есть шанс будущего. А будущее отнесено, примерно, на сто лет. А нам бы 20–30 лет.

Ю. Ю. Болдырев

Большое спасибо всем участникам дискуссии. Я понимаю, что как ни говори, все равно будешь понят неправильно. Я никак не мог себе представить, что меня могут понять так, что либерализм и социализм — это одно и то же. Я говорил о другом: что есть общая основа: и требование справедливости, и стремление повысить эффективность экономики. И защитить. От чего? От произвола. Но только в первом случае — власти, во втором — капитала.

Что победило? Все сошлись. Либерализм существенно подвинул консерватизм. А что сейчас? Либерализм победил в какой-то степени к концу XIX века, а дальше его существенно подвинул социализм. И сейчас налицо синтез, сложный синтез.

Но мой пафос еще и в том, что очень важно четко разделять: либеральную теорию и ее экспортно-ориентированный вариант, нацеленный, в том числе на разрушение национальных государств-конкурентов.

Если вы посмотрите с либеральных позиций на то, как живут США, вы увидите колоссальные достижения в организации экономики. Например, в недропользовании у них — честный конкурс. У них не чиновник решает, кого допустить до того или иного участка, а только

конкурс, причем, по одному переменному параметру (чтобы никто не пытался сравнивать теплое с зеленым и принимать решение произвольно). У них невозможна такая приватизация, как у нас была с ЮКОСом, Сибнефтью, Норильским никелем и т. д. То есть, власть у них ограничена в праве творить произвол.

Но, в то же время, они ведь не идиоты. Либерализм во внешних отношениях у них — только тогда и там, где им это выгодно. Защита же и своего сельского хозяйства от внешних конкурентов, и, тем более, перспективных, высокотехнологичных отраслей экономики — самая что ни есть госпатерналистская.

То есть, нам надо очень четко разделять: а) ту или иную теорию во всей ее полноте; б) те или иные силы (и их интересы), которые стоят за этой теорией и взяли ее на вооружение; в) тот вид, в каком они ее пропагандируют, тот или иной вариант теории, степень его целостности и адекватности.

Какие силы стоят за современным либерализмом, который сегодня не только у нас, но и в западном мире в основном является правым либерализмом? За новой либеральной теорией, в самом своем крайнем, вульгарном виде навязанной нам, стоит сегодня крупный транснациональный капитал. Он господствует и в средствах массовой информации и проводит либеральные идеи в том варианте, в каком эти идеи выгодны для него. Это достаточно ярко выражено на примере нашей страны.

Один ученый социолог провел анализ нашей «либеральной» прессы с 1989 по 2000 год. Какие идеи вбрасывались через издания, ориентированные на средний класс, демократию и либерализм? В результате достаточно формализованными методами было выявлено, как происходил поворот от демократических идей к идеям неучастия в политике, от идей контроля за властью к идеям недопустимости «заглядывать в чужой карман» и т. д. Хорошо видно, как в соответствии с

тем или иным моментом в интересах тех, кто держит в своих руках средства массовой информации, либеральная идея преобразовывалась, поворачивалась так, как выгодно.

Итак, то, что реализовывалось у нас под либеральными лозунгами, не имеет ничего общего с тем, как понимают либерализм для внутреннего употребления в США и, тем более, в Европе. Это однозначно. Но важно и другое. Если бы на самом деле была предпринята попытка либерального эксперимента — в чистом виде, абсолютно кристальном, насколько это могло бы быть успешным? То есть насколько не бесконечно искаженный, а цивилизованный либерализм применим к нам?

Здесь говорилось о культурном аспекте. Я скажу о другом — об экономическом аспекте. Не всем частям Земли природой даны равно благоприятные возможности для конкуренции живущих на соответствующей территории людей как производителей товаров и услуг в мировом масштабе. Что-то ближе к транспортным артериям — незамерзающим морям, что-то дальше от них. Где-то тепло круглый год, а где-то — огромные расходы на отопление и фундаменты составляют до четверти стоимости здания. Конечно, если либерализация дойдет до того, что все смогут переехать в Калифорнию и там жить и работать, кто ж будет против либерализма? Но пока этого нет. И у нас объективные условия — климатические, географические — значительно хуже, чем в той же Европе. У нас огромная территория. Не зря еще при царе вводился искусственный механизм поощрения развития — компенсации части стоимости грузовых перевозок по этой огромной территории.

Посмотрите, что произошло у нас, даже если предположить, что все было приватизировалось кристально честно. У нас есть природные ресурсы. У нас есть невыгодные климатические условия. Природные ресурсы, право их экспортировать — приватизированы. А природные условия, климатические, географические — не приватизированы. А ведь одно является компенсацией другого. Это все — равно наше. Это то, чего

добились наши предки, отвоевавшие эту территорию, богатую природными ресурсами. То есть, либерализм применим к нашей территории, мы готовы конкурировать с внешним миром (если он в своих внешних сношениях тоже будет на самом деле либеральным), но только если минусы и плюсы, географическое положение и природные ресурсы, брать вместе как единое и неделимое взаимокompенсирующее целое. Если же одно отделяется от другого, то это уже не либерализм, а мародерство, уничтожение населения страны, которое просто становится ненужным, лишним.

Есть экономический либерализм. Я не могу согласиться, что там главное закон и право. Там главное — идея свободы и независимости. Закон и парламент, как механизм обеспечения свободы и независимости. И закон нужен не любой, а лишь тот, что обеспечивает независимость и равный доступ к ресурсам.

Либерализм в политике. Вроде все похоже. Но механизм включили опять в вульгарном варианте. В варианте, когда крупный капитал, свой или чужой, имеет неограниченную возможность вбрасывать свои деньги в средства массовой информации и избирательные компании — ставить своих и добиваться нужных ему результатов.

Сравните, в США — самая либеральная избирательная система. А вот Канада уже не может себе это позволить. В Канаде преимущественно государственное финансирование избирательной кампании. Почему? Потому, что там понимают, что интересы у американского капитала другие, и, если они введут такой же механизм, как в США, то на всех ключевых постах у них в Канаде окажутся ставленники американского капитала. То же самое и во Франции. То есть, либерализм, свобода в их понимании — это не право крупного капитала, в том числе зарубежного, беспрепятственно подавлять все вокруг, а напротив — право большинства граждан страны защититься и защитить свою политическую систему от давления этого крупного капитала.

И последнее. Востребованность и возможность реализации той или иной идеи зависит от места и времени. Говоря о будущем, надо понимать, что та или иная пропорция в соотношении либерализма и социализма, будет зависеть не только от наших сегодняшних умозрительных представлений, но и от того, какие вызовы возможны завтра.

Наша задача не только решать нынешние сиюминутные проблемы, но и строить общество, государство, которое будет способно ответить на завтрашние, заранее нам неизвестные вызовы. В чем здесь принципиальный дефект того вульгарного либерализма, который был нам навязан? Сошлюсь на Гайдара, который пишет, что задача — «ослабление государства». Понимаете разницу между усилением общества, которое должно взять под контроль сильное государство, и ослаблением государства? Так вот, ослабление государства — это очень пропагандируемая экспортно-ориентируемая, якобы либеральная идея. Всякое государство-конкурента очень удобно ослабить с помощью распространения и реализации такой вульгарно либеральной идеи. Наша же задача — совершенно противоположна. Наша задача — всяческое усиление государства, с одновременным усилением общества, которое стало бы еще сильнее государства, было бы способно это государство держать под своим контролем.

А.А. Зиновьев

Я ни с кем в дискуссию вступать не буду, потому что все выступавшие со своей точки зрения были правы. Они рассматривали различные аспекты проблемы. Я хочу обратить внимание лишь на один аспект, который не затрагивался явно и осознанно: это — отношение между идеологическими явлениями и современной социальной реальностью. Идеологические явления (либеральные, социалистические, коммунистические и другие идеологии) изменялись с годами, но не радикально, в ограниченных рамках. Социальная же реальность

сравнительно с тем временем, когда формировались известные крупные идеологии, изменилась колоссально, можно сказать, качественно. К концу прошлого (двадцатого) столетия в основных чертах завершился великий перелом в социальной эволюции человечества. Мир стал таким, что все значительные технологии прошлого оказались неадекватными этому новому состоянию. Возникли человеческие объединения более высокого уровня социальной организации, чем привычные общества (вроде Франции, Германии, Италии, Англии и других западных стран), — сверхобщества. Исторически первым сверхобществом стал Советский Союз. С отставанием от него почти на полвека по пути к сверхобществу пошли страны западного мира. Проектируемый и управляемый эволюционный процесс стал доминировать над стихийным и неуправляемым. Непомерно усилился аспект жизни, называемый теперь словом «виртуальный», так что наметилась тенденция к образованию виртуальной надстройки над фундаментальными явлениями социальности. Произошли и многие другие перемены, позволяющие говорить о новом качестве эволюции человечества. А понятийный аппарат известных идеологий остался почти без изменений. Если и появляются новые идеи, то они погружаются в старый интеллектуальный материал и теряют всякий смысл. Например, человеческие объединения западного мира все еще мыслятся в понятиях «капитализм», «рынок», «демократия» и т. д., плавно утративших реальный смысл. В системе власти и управления западных стран возникли компоненты совсем не демократические, играющие более важную роль, чем те, которые считаются признаками демократии. Западная экономика стала в гораздо большей мере планируемой и управляемой, чем всячески критиковавшая за плановость и управляемость советская. Капиталиста в марксистском смысле теперь на Западе днем с огнем не сыщешь. Западные страны оказались вовсе не свободными от идеологического насилия. Можно показать, что по степени идеологической оболваненности советские люди уступают западным.

Бесспорно, крупные идеологии, включая идеологию либерализма, сыграли огромную роль в истории человечества. Но эта роль позади. Теперь ясно и однозначно объяснить, в чем именно заключаются эти идеологии в качестве явлений современности, вряд ли кто-либо сможет, причем — не по недомыслию, а в силу аморфности и дряблости самих этих явлений. Мир, повторяю, стал качественно иным. И в нем так или иначе нарождаются какие-то идеологические явления, более адекватные новым условиям. Вместе с тем, я должен признать, что состоявшаяся сегодня конференция была интересной и полезной.

И. М. Ильинский

Александр Александрович, по поводу чего выразим взгляд пессимистический? (Оживление в зале).

А. А. Зиновьев

Действительно, эта тема важная и злободневная. Если мы будем ее обсуждать, это не значит, что мы принимаем эту идеологию. Сегодня у нас с докладом выступал Гайдар, но вряд ли кто из присутствовавших является его поклонником. На следующем заседании Клуба есть смысл обсудить проблему идеологии в нынешней России.

И. М. Ильинский

То, что происходит сейчас, сегодня.

А. А. Зиновьев

Можно даже более широкую тему предложить: постсоветская социальная организация.

А. И. Шендрик

Но какая-то перспектива, будущее.

А. А. Зиновьев

Будущее есть реализация тенденций настоящего. Понимание настоящего — ключ к пониманию будущего.

А. И. Шендрик

Констатация.

А. А. Зиновьев

Я считаю, что будущее России уже определилось. Эмбрион будущего уже родился. Он будет расти, укрепляться и развиваться.

Ю. Ю. Болдырев

Есть предложение. В конечном счете, все зависит от того, кого вы пригласите в качестве докладчиков. И они зададут тон. Поэтому надо поручить нашему руководству пригласить докладчиков, и будет разворачиваться дискуссия.

А. А. Зиновьев

Нет возражений? Принято.

6 июня
2006 года,
Московский
гуманитарный университет

Тринадцатое
заседание

Тема: «Александр Зиновьев: судьба и образ гения»

Стенограмма заседания

Председательствует:

Ильинский Игорь Михайлович — ректор Московского гуманитарного университета, вице-президент Русского интеллектуального клуба, доктор философских наук, профессор.

И. М. Ильинский

Добрый день! Позвольте открыть заседание Русского интеллектуального клуба.

Присутствуют члены Русского интеллектуального клуба:

Михайлов Игорь Алексеевич — вице-президент Русского интеллектуального клуба, политический обозреватель радиостанции «Голос России», политолог и публицист.

Алешкин Петр Федорович — писатель, секретарь Правления Союза писателей России, председатель Совета директоров издательства «Голос», директор издательства «Голос-Пресс», член Президиума Литературного фонда России.

Болдырев Юрий Юрьевич — член Русского интеллектуального клуба,

Журавлев Юрий Иванович — руководитель Математического центра компьютерных технологий и моделирования МосГУ, академик РАН, академик РАЕН, член Испанской королевской академии, лауреат Ленинской премии.

Катульский Евгений Данилович — проректор по научной и издательской работе Московского гуманитарного университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Луков Валерий Андреевич — директор Института гуманитарных исследований — заместитель ректора МосГУ по научной работе, доктор философских наук, профессор.

Луков Владимир Андреевич — руководитель Центра теории и истории культуры Института гуманитарных исследований МосГУ, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Серебрянников Владимир Васильевич — заместитель руководителя Центра социологии национальной безопасности Института социально-политических исследований РАН, доктор философских наук, профессор, генерал-лейтенант запаса, действительный член Академии политической науки.

Фурсов Андрей Ильич — директор Института русской истории Российского государственного гуманитарного университета, заведующий отделом Азии и Африки ИНИОН РАН, кандидат исторических наук.

Шершнев Леонид Иванович — президент Фонда национальной и международной безопасности, главный редактор журнала «Безопасность», эксперт Государственной Думы и Совета Федерации РФ по безопасности, генерал-майор запаса.

Приглашенные участники заседания:

Зиновьева Ольга Мироновна — член Консультационного Совета «Единая Россия», вице-президент культурной ассоциации «Европа - Азия».

Большаков Владимир Викторович - заместитель генерального директора ИД «Финансовый контроль».

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович — директор Института философии РАН, академик РАН.

Макаров Константин Анатольевич — кандидат технических наук, доцент МГТУ им. Н. Э. Баумана.

Назаров Олег Геннадьевич — доктор исторических наук, обозреватель еженедельника «Родная газета».

Позвольте мне сказать, прежде всего, на нашем очередном заседании, первом без Александра Александровича, о том, что Россия, наш университет, понесли огромную утрату. Слова по этому поводу были сказаны у гроба, когда мы прощались с Александром Александровичем. Много будет еще сказано 19 июня на поминках – 40 днях со дня смерти. А сейчас я предлагаю встать и почтить память Александра Александровича Зиновьева.

(Все встают).

Спасибо.

Мы довольно долго не собирались. Причины были разные, все достаточно уважительные. Но одна из них, главная причина, болезнь Александра Александровича. Мы уже наметили с ним тему очередного заседания – обсудить проблему молодежи. Готовили доклад. Была даже была мысль собраться на квартире Александра Александровича. Но потом решили, вряд ли это целесообразно.

Сегодня мы проводим очередное заседание Русского интеллектуального клуба.

Повестка дня:

1. Организационный вопрос.
2. Александр Зиновьев: судьба и образ гения.

Есть замечания по повестке дня? Нет.

По первому пункту есть какие-то мнения?

Л. И. Шершнева

Я думаю, что наиболее достойным приемником, который может возглавить этот Русский интеллектуальный клуб, является Игорь

Михайлович Ильинский. Я лично другой кандидатуры не вижу. Он ближайший соратник Александра Александровича, они вместе работали долгое время, да и сама судьба так распорядилась.

О. М. Зиновьева

Я не имею права высказываться на заседании Русского интеллектуального клуба. Но у меня на руках доверенность Александра Александровича, по которой я представляю его интересы во всех организациях. Это генеральная доверенность.

Последние три месяца, самых страшных три месяца его жизни, мы многожды в разговорах с Александром Александровичем возвращались к теме работы Клуба. Александр Александрович неоднократно повторял, что он не видит другой кандидатуры, такой молодой, энергичной, ответственной, внепартийной, кто мог бы вести Клуб дальше до конца.

Игорь Михайлович, он имел в виду Вас.

И. М. Ильинский

Какие еще есть мнения?

Спасибо. Но надо проголосовать.

Кто за то, чтобы решить вопрос таким образом, прошу голосовать. Против? Нет. Воздержался? Нет. Единогласно. Спасибо.

Я должен сказать, что для меня большая честь продолжать дело, которое мы придумывали вместе с Никитой Николаевичем Моисеевым и Александром Александровичем Зиновьевым.

На стенде в первом корпусе есть фотография, где мы идем по аллее университета втроем. Это было как раз в тот день, когда я предложил Никите Николаевичу и Александру Александровичу встретиться у меня в кабинете и обсудить вопросы о создании Русского интеллектуального клуба. Оказалось, что Моисеев и Зиновьев давно

знали друг друга, но не виделись более 30 лет. Обрадовались, долго обменивались воспоминаниями. Тогда и была решена судьба Русского интеллектуального клуба. Таким образом, у меня предшественниками были люди, которым можно только подражать. Спасибо большое за доверие. Постараюсь сделать все, что в моих силах.

Позвольте мне сказать по поводу сегодняшней повестки дня: «Александр Зиновьев: судьба и образ гения». Было бы хорошо, если бы мы сегодня с вами, собравшись вместе в этом зале, впервые без Александра Александровича, поговорили на эту тему. Но чтобы это были не просто поминальные речи, но речи, в которых мы попытались бы осмыслить явление гения на примере конкретного человека.

В самом деле, эта тема имеет огромное значение – и научное, и практическое. У вас в руках газета «Вузовский вестник», в которой мое интервью, которое я назвал «Из заветов Александра Зиновьева: мы должны переумнить Запад». Эта давно им сказанная фраза. И в действительности, мы сегодня не можем пересилить Запад ни финансово, ни экономически, ни политически, ни с точки зрения вооруженных сил. Сегодня Запад сильнее России. Россия встает и встанет снова с колен. И если мы верим в успех, то единственный вариант – это переумнить Запад, а значит быстрее накапливать тот творческий, интеллектуальный потенциал, которым всегда славилась Россия.

Остается вопрос отношения к талантливым людям, к гениям. Что такое гений, откуда он берется, по каким законам рождается, как отыскивается, как воспитывается? Что такое гений в семье пока он мал? Что такое гений в семье, когда он уже взрослый? Из каких социальных слоев выходят гении? Должен ли гений быть обязательно высокообразованным или это совсем не так? Что должно сделать общество сегодня, что мы должны с вами сделать сегодня для того, чтобы в России рождалось как можно больше гениев, чтобы они

получали лучшие, чем ныне, условия для своего развития, для реализации идей, с помощью которых мы должны переумнить Запад и выиграть в той схватке, которая предложена России, которая идет вовсю прямо сейчас, в те минуты, когда мы ведем с вами разговор.

Мне кажется, что разговор об Александре Александровиче в этом смысле очень показательный. Рассуждая о нем, мы можем многое для себя открыть и понять.

Я сейчас опущу историческую часть вопроса о том, как я познакомился с Александром Александровичем, как получилось так, что он оказался в стенах нашего университета и стал работать здесь. Подчеркиваю: здесь его основная работа. Здесь хранилась и хранится трудовая книжка Александра Александровича, выписанная 30 июля 1999 года. В университете были три точки приложения его выдающихся способностей.

Исследовательский центр Зиновьева (не имени Зиновьева, а Зиновьева), в результате деятельности которого можно считать появились две эти книжки: «Логическая социология», прежде нигде не издававшаяся, и «Логический интеллект». Перед смертью мы говорили с Александром Александровичем об издании рукописи, которая готова к изданию «Фактор понимания». Договорились, что университет издаст и эту книжку.

Вторая точка приложения сил – это школа Зиновьева. Однажды мы с ним говорили за жизнь, выпили. Он сетовал в частности на то, что прямых учеников в классическом варианте у него немного. Я сказал: «Давайте создадим школу Зиновьева. Будем отбирать в нее ежегодно из наших студентов 45-50 наиболее способных, продвинутых ребят, которым интересно то, чем Вы занимаетесь, которым Вы будете читать лекции. Так будет расти племя зиновьевцев». Ему эта идея понравилась.

И вот состоялось пять выпусков. У меня на столе дипломы, которые мы ежегодно вручали выпускникам этой школы за подписью

Александра Александровича Зиновьева, где сказано, какие курсы выпускник прослушал, кто такое Александр Александрович Зиновьев. Диплом удостоверялся и моей подписью, чтобы получить официальный характер, и печатью университета. Этот диплом прилагался к основному диплому, т. е. человек получал дополнительное образование.

И, наконец, Русский интеллектуальный клуб, который Александр Александрович Зиновьев возглавлял после смерти Н. Н. Моисеева, под его председательством прошло 12 заседаний. Опубликовано 4 книги наших заседаний.

После того, как Александр Александрович Зиновьев ушел от нас физически, начинается его жизнь после смерти. И мы должны с вами подумать о том, как сделать так, чтобы эта жизнь продолжалась. У А. С. Пушкина есть прекрасные слова «...душа в заветной лире мой прах переживет и тленья избежит...». Надо сделать так, чтобы душа Александра Александровича в заветном слове пережила его прах.

На самом деле все будет не так просто. Да, конечно, кое-что будет развиваться само собой. Зиновьев и дальше будет завоевывать. Но нужны организационные усилия.

У гроба Александра Александровича Зиновьева неоднократно звучали слова: «Будем вечно помнить». Что это значит? Все мы бренны, а память самый бранный памятник из всех на Земле. Память сохраняется в том случае, если это кому-то нужно, более того, в некоторых случаях, если это выгодно. А если это не нужно, если это не выгодно, то память уничтожается. Мы с вами являемся свидетелями этого на примере сегодняшней нашей России. То, что не выгодно существующим властям и определенным слоям общества, из памяти выкорчевывается вопреки всякой логике. Целые пласты истории исчезают, словно их и не было.

У Александра Александровича Зиновьева много трудов, мировая известность. Но я думаю, что есть люди, которые, как минимум, ничего не будут делать для того, чтобы и дальше жила память о нем, а тем

более делать, чтобы она укреплялась. С официальными властями у него никаких особых теплых отношений никогда не было. Возвращение Зиновьева, на мой взгляд, могло бы быть не менее триумфальным, чем у Солженицына. Его фигура в моем представлении более значительная с точки зрения своей роли для развития мысли в России. Более фундаментальная, более многогранная.

На мой взгляд, Зиновьев – это гений особого рода. Редчайший гений. Почему? Да потому что гениев можно тоже по-своему классифицировать и ранжировать, при всей, казалось бы, несуразности этой идеи. Гений-математик, гений-химик, гений-поэт, гений-живописец. Если взглянуть на гения поближе, в упор, повнимательнее, то мы увидим, что некоторые из них довольно односторонние люди. Часто их выдающиеся качества развиваются за счет умаления остальных свойств и качеств личности. Иной гений – математик, физик и т. д. в общественном сознании может выглядеть очень некрасиво. В истории тому множество примеров. Не стоит приводить их.

Александр Александрович Зиновьев интересен, на мой взгляд, тем, что он представляет собой синтетический интеллект. Он мыслил синтетически, был личностью не односторонней, а многосторонней, многогранной. И каждая грань его интеллекта – вот что важно – была выдающейся. Если говорить об интеллекте, как о способности мыслить, о логическом интеллекте, он величина мирового масштаба еще до того, как он написал свои «Зияющие высоты» и стал знаменит.

Есть интеллект вербальный, т. е. особое чувство слова, понимание слова, значения слова и т. д. Зиновьев и здесь велик, признан как писатель. Его сравнивают с Салтыковым-Щедриным, со Свифтом. Я не специалист в области литературы, не беру на себя смелость продолжать эти сравнения или говорить, что они правильные. Но то, что он всемирно известный писатель и великий мастер слова – это несомненно.

Есть интеллект визуальный. Мы все смотрим, но видим по-разному. Тем более, когда речь идет о возможности изобразить, понять то, что мы видим. Зиновьев Александр Александрович – блестящий художник. Если бы он посвятил себя только живописанию, то, мне кажется, что он стал бы великим живописцем. Вот уже три разные качества, которые он совмещал в себе.

Взять, наконец, физический интеллект Зиновьева. Он прожил 83 года. Но это 83 года не влачения своего брэнного тела по жизни. Это 83 года интенсивнейшей работы организма по 12-14 часов в сутки буквально до последних дней своей жизни. Это тоже гениальность, талант. Выдающийся талант!

Когда вы соберете все эти и другие способности, выдающиеся качества, каждое из которых могло бы разительно выделить человека и сказать о том, что он высоко талантлив, то невероятно трудно представить себе всю мощь ума, мощь эмоций, чувств, воображения, умения использовать слово, зрительный ряд в одном человеке, в одной душе. Вот, мне кажется, чем интересен помимо всего прочего Александр Александрович Зиновьев: это не просто феномен, а феномен из феноменов, что выделяет его из всех прочих.

Нам надо, когда мы будем вести работу по распространению его идей и формированию образа Александра Александровича, делать упор на эту сторону, показывать и доказывать там, где это надо, конечно, его удивительную многогранность и мощь.

Очень важно, чтобы память наша была деятельной. Очень просто сказать: «Будем помнить вечно» – и жить как жили. А помнить делами, т. е. делать что-то во имя памяти этого человека – это куда труднее. Но это нужно обществу. Мы это с вами осознаем. Даже если это не сознают многие и не хотят осознавать, мы должны это делать. Для этого надо позаботиться о том, чтобы в местах, где он родился и жил, появились какие-то знаки памяти. Сейчас не будем говорить какие. Наверное,

должны появиться памятники. Есть мысль соорудить памятник в нашем университете.

Я знаю, что уже при жизни Зиновьева писались диссертации о его творчестве. Ко мне приходили за консультациями. Уже вышли книги о творчестве Александра Александровича. Вот у меня в руках книга Давыдовой «Социология Зиновьева. Путь к пониманию современности». Есть другие книжки. Надо поощрять все это, собирать информацию. И делать все для того, чтобы эта работа продолжалась.

Но у меня есть и мысль несколько иного рода.

Мне кажется, что, делая все для утверждения в общественном сознании образа Зиновьева как великого человека, великого гражданина, великого мыслителя, писателя, философа, социолога, мы, конечно, должны каким-то образом демифологизировать этот образ. Поскольку еще при жизни он начал обрастать мифами. Например, когда он умер, в газетах были заголовки: «Умер последний романтик-коммунист». Идея, что Зиновьев – коммунист, сознательно разыгрывалась. Говорилось даже, что он идеолог КПРФ. Об этом писали в газетах. Да, он выступал перед коммунистами, читал им лекции. Зюганов об этом говорил при прощании в МГУ. Да, он был связан с ним. Но и я с Геннадием Андреевичем в хороших отношениях. Но я не член КПРФ: Зиновьев тоже не был членом этой партии. При этом я не хочу бросить камень в сторону коммунистов и, тем более, затевать дискуссию на тему, что такое коммунизм. В той части, где КПРФ действительно борется за социальную справедливость, против массы безобразий, творящихся в обществе, Зиновьев (и я с ним) душою с ними. Как и каждый порядочный человек.

Мне кажется, что попытка густо покрасить Зиновьева только в красный цвет не на руку распространению объективного образа Александра Александровича Зиновьева. Потому что (и это не надо даже и доказывать) он всеми своими трудами сказал все, что думал о том

реальном коммунизме, о пороках того реального строя в СССР. Но он (и я с ним) видели и позитивную сторону. Да, он оставался человеком, стремящимся к установлению социальной справедливости, хотя бы относительного социального равенства и т. д. В этом смысле я тоже коммунист. Я думаю, что и все здесь присутствующие, всякий порядочный человек, так мыслящий, вправе сказать: «Да, я коммунист».

Но, я думаю, что о Зиновьеве можно сказать и то, что он – суперлиберал и супериндивидуалист. Поскольку кто может так сказать: «Я – государство, состоящее из одного человека». Только человек, чувствующий себя свободным, сознающий свою исключительность, индивидуальность. Кто демонстрировал абсолютную индивидуальную независимость от любого давления со стороны государства, будь то государство социалистическое или западное? Зиновьев был абсолютно свободен прежде всего в интеллектуальном плане. В этом смысле он был подлинным интеллигентом, то есть человеком, всегда находящимся в оппозиции к власти. И в этом смысле он может быть суперлибералом.

Могут ли в душе одного человека ужиться два этих антагонистических качества? А я думаю, да. Вопрос зависит от того: ты фанатик той или иной идеи или ты просто человек, который стремится найти истину, служить истине, которая часто все-таки (не всегда, но часто!) лежит посередине. В данном случае, между коммунизмом и либерализмом.

Такова моя точка зрения. Так я понимаю Зиновьева. На мой взгляд, это симпатично, если мы покажем его как человека свободного, а в своей свободе мысли, в своем свободомыслии ориентированного на достижение справедливости и блага для многих людей. Надо особо подчеркнуть, что Зиновьев, в отличие от многих гениев, которые гениальны в своей мысли и часто порочны в своей жизни, был высокодобродетельным, высоконравственным человеком.

Итак, будем помнить и чтить гения, но будем помнить, что он был всего лишь человек. Иначе говоря: не сотворим себе кумира, идола. Александр Александрович Зиновьев был гениальный человек, но как человеку, ему были свойственны и слабости, и недостатки. Иногда, например, он был, как мне кажется, излишне категоричен и резок в суждениях, наивен в оценке некоторых сторон российской действительности. Даже в самых своих лучших устремлениях он мог делать что-то не так, что-то не вполне понимать. Нам не надо быть слепыми апологетами Зиновьева.

Чтобы это дело двигалось, нам надо понимать, что как всякое дело, оно требует организации, плановости, определенной материальной базы, финансовой базы. Я говорил при прощании, что Исследовательский Центр Зиновьева нашего университета будет переименован в Центр имени Александра Александровича Зиновьева. Такой Центр уже создан. Мы договорились о том, что возглавит этот Центр Ольга Мироновна Зиновьева, как самый близкий ему человек. Она была не просто супруга Александра Александровича, она была его соратница, соучастница многих его размышлений, при подготовке его трудов. Это несомненно. Александр Александрович Зиновьев часто лестно высказывался о ней, как об организаторе. Он много раз говорил, что если бы не Ольга Мироновна, то многое в жизни он бы сделать просто не смог.

Поэтому, мне кажется, что в данном случае интересы университета – интерес Ольги Мироновны. Мне кажется, что это оптимальный вариант организационного оформления тех сил, которые будут собираться, концентрироваться вокруг этого Центра и действовать на благо памяти Александра Александровича Зиновьева.

Сегодня я подписал приказ о том, что Ольга Мироновна зачислена в штат университета, будет получать соответствующую зарплату и будет возглавлять этот Центр.

Вот что я хотел сказать в начале нашего заседания. Спасибо за внимание.

Прошу высказываться.

Слово предоставляется Серебрянникову Владимиру Васильевичу – заместителю руководителя Центра социологии национальной безопасности Института социально-политических исследований РАН, доктору философских наук, профессору, генерал-лейтенанту запаса, действительному члену Академии политической науки. Один из ведущих специалистов в области разработки современной концепции войны, автор многих книг.

В. В. Серебрянников

Полностью разделяю яркую и емкую характеристику, которая дана во вступительном слове профессора И. Ильинского Александру Александровичу Зиновьеву как выдающемуся ученому-мыслителю, философу и социологу, писателю публицисту, художнику, человеку редкостной и разносторонней одаренности. Зиновьев – крупная и самобытная личность, чей жизненный и научный подвиг, пример и опыт имеют огромное значение для воспитания наших граждан, особенно молодежи.

Нельзя не приветствовать создание в Социальном Университете научного Центра, школы и клуба А.А. Зиновьева. И то, что Александр Александрович по приглашению руководства Университета – в течение нескольких последних лет возглавлял эти структуры, и через его школу прошло более 300 студентов – выпускников Университета является большим вкладом в распространение его научных взглядов, трудов и творческого опыта.

Думаю, что все мы поддержим практические меры, предложенные Игорем Михайловичем по увековечиванию памяти А.А. Зиновьева,

созданию Музея, собиранию документов, воспоминаний, других свидетельств о его жизни и деятельности.

Я хотел бы развить мысль, которую высказал о А.А. Зиновьеве Александр Проханов. Он, выступая на траурном митинге, назвал Зиновьева Героем, причем Героем в классическом, античном, мифологическом значении этого слова. На первый взгляд такая характеристика может кое-кому показаться громковатой. Ведь Аристотель, Платон, Сократ и другие великие мудрецы античных времен героизм считали свойством преимущественно богов и краткие редко применяем это понятие по отношению к деяниям лишь избранных людей – «полубогов», чаще всего деятелей высокого официального положения. Александр Зиновьев никакого официального высокого положения не занимал, тем более во власти. В чем же состоит его героизм?

Он предстает, прежде всего, как бесстрашный борец против косности, догматизма, диктата, солдафонства, процветавших в нашем общественном сознании. Это самоотверженный борец за свободу мышления и истину в науке, против приспособленчества, безнравственности, пошлости, широко распространившихся среди ученых-обществоведов. Он оказался смелее множества других, выступив с критикой недугов и недостатков в построенном социалистическом обществе с предложениями об их исправлении и устранении. Разумеется, критические стрелы были выпущены в адрес тех, кто «начальствовал» в идеологии и науке, кто определял политику, руководил страной. Он указывал на существенное снижение интеллектуального уровня партийного и государственного руководства СССР, на утрату им политической и социальной мудрости, на отставание от новых условий и задач. И хотя он выступал не против коммунизма и социализма, а за более творческий и демократичный подход к строительству нового общества, это было встречено верхами как открытая враждебность ко

всей теории и практике революционного дела.

А. Зиновьев сознательно вступил на путь борьбы, отчетливо представляя, что жертвует своим благополучием и спокойствием, взваливает на себя невероятные невзгоды и трудности, подставляется под сильнейшие удары, нападки со всех сторон, осуждение коллегами и друзьями. На такое может решиться только героическая личность.

Мыслители античности подчеркивали, что одной из высших добродетелей свойственных настоящему герою, является мужество и смелость, совершение величественного необыкновенного действия ради прекрасной цели по собственному внутреннему выбору и решению. Все эти признаки героизма присутствует в поступках и целях, жизненной линии поведения А.А. Зиновьева.

Его героизм выходил за рамки того, что понималось тогда у нас под этим понятием. В советском героизме высоко и достойно ценились трудовой, воинский, научный, служебный, бытовой героизм. И в этом величие и новизна советской формы героических деяний, имеющая непреходящее историческое значение. Но в нем не было места, например, героизму общественно-политической борьбы. Такое явление обходилось стороной учеными, ибо оно воспринималось как нечто крамольное. Политическая борьба была вне закона и тот, кто вступал на нее, оказывался в разряде врагов, рисковал многим, в том числе и жизнью. А между тем, эта борьба один из важнейших источников общественно-политического прогресса, совершенствования государства, обеспечения высокого качества политики, самой системы власти, отбора лучших политических и государственных лидеров. Политическая, идеологическая, теоретическая борьба, как свидетельствует история, требует от человека не меньше мужества, чем боевое сражение от солдата.

Люди робкие и трусливые не способны к ней. А. Зиновьев дал яркий пример смелости в такой борьбе. Вернувшись в Москву после

долгой заграничной «ссылки», он решительно осудил расстрел Дома Советов, назвал действия группы Ельцина-Грачева величайшим преступлением, за которое они должны «быть повешены на фонарных столбах». Против него и газеты «Завтра», опубликовавшей это заявление, было сфабриковано уголовное дело и только протестные выступления народа сорвали суд. Зиновьев стал ведущим социологом и публицистом красной оппозиции, смелым критиком либеральных реформ, зачинщиком завоеваний социализма, великого опыта и исторической значимости первой социалистической державы в мире – Советского Союза. Он нашел в себе мужество, чтобы публично глубоко раскаяться, как он говорил, в каждом слове, сказанном им против Советской власти, готовности, если бы это было возможным, своей рукой сжечь все написанное им против СССР.

Говоря о применимости античного почитания героизма к личности Зиновьева, важно подчеркнуть его принципиальное отличие от того представления о героическом, которое усиленно внедряется в массовое сознание. К героям, которых представляют многие СМИ, причисляют зачастую демагогов, ловкачей, так называемых «успешных собственников», приобретших богатство сомнительным, а порой явно криминальным способом. Олигарх В. Потанин, например, полагает, что важнее всего сейчас, чтобы именно такие успешные собственники служили «своего рода» ориентиром для всех». На деле в подобных ориентирах нельзя найти то, что надо культивировать в людях. Скорее их образ жизни и поведения служит дегероизации, то есть подавлению и сведению на нет подлинного героизма, который двигает общество по пути прогресса.

Конечно, говоря о Зиновьеве как героической личности, нельзя его идеализировать, обходить его ошибки, заблуждения, недостатки. Это принесло бы только вред тому высокому авторитету, который он заслужил. Но и преувеличивать значимость негативов, среди которых

есть и весьма существенные, было бы неверно.

Подчеркну, что он сильно способствовал раскрепощению мышления ученых-обществоведов, избавлению их от унижительной роли подпевал власти.

В свих работах, особенно последнего времени, он выдвинул ряд новых социологических категорий, имеющих большое значение для понимания того качественно нового состояния западного общества, которое сложилось в последние 30-50 лет. Взять, например, категорию «западнизм (вестернизм)». Она характеризует западное общество и развитие капитализма, как некий новый феномен. Для нынешнего западного общества, похваляющегося своей демократией, характерно на деле свертывание демократии, превращение государства в постоянного манипулятора общественным сознанием, настроением и поведением граждан. Западнизм в государственном устройстве представляет уточненную форму наиболее жестокого и сурового тоталитаризма, особенно в самом низу, прежде всего в экономике, образовании, информатике, культуре и т.п. Усиление частичного предпринимательства как самого эффективного средства принуждения людей к труду и повышения его производительности выливается во все больший произвол собственника, самый мрачный тоталитаризм на уровне первичных производственных ячеек. Здесь человек оказывается в полной зависимости от собственника, который может выкинуть работника на улицу в армию безработных по любому пустяку, за то, что тот высказывает свои мнения, критикует существующие порядки.

Александр Зиновьев, оказавшись в западном обществе, увидел изнутри те его глубокие пороки, которые тщательно скрываются. Он сделал многое, чтобы развеять миф о западе, утвердившийся в сознании значительной части наших граждан, как о своеобразном рае – общественном мечте. Его научная критика Запада оказалась весьма действенной, ибо на фоне глубоких пороков Западного общества он сам глубже осознал

исторические преимущества социализма и рельефнее раскрывал их в конкретных сравнениях с западными реалиями.

Важно видеть в связи с этим то новое, что он внес в последние годы в творческое осмысление советского опыта и практики мирового социализма, развитие коммунистического учения. Он своими работами доказал, что не принадлежит к числу антикоммунистов, врагов социализма, возвысил идеи социализма и коммунизма как самые благородные, справедливые и прекрасные. До последних дней он решительно боролся против тех, кто пытался принизить, затоптать, умертвить их.

Много плодотворных мыслей Зиновьев высказал относительно глобализации, подвергнув основательной критике политику насильственной глобализации мира, особенно России, по-американски.

Я остановился на некоторых сторонах его непреходящего вклада в развитие научных представлений по самым главным проблемам истории и современности.

Его обширное и разностороннее творческое наследие свидетельствует об огромном и самоотверженном труде. Когда-то Гегель говорил, что в науке величайших успехов достигает то, кто усерднее других протирает свои штаны. Почти два века прошло с того времени, но ученый, особенно в области философии и социологии, может действительно совершить что-то важное, если следует этой формуле. И есть много свидетельств, что Александр Александрович жил и трудился по Гегелю.

Нам, знавшим его, следует сделать все возможное, чтобы собрать рассказы о нем всех, кто с ним общался, документы, стенограммы вступлений, тексты публикаций и другие материалы. А главное – по мере сил и возможностей пропагандировать его труды, идеи и мысли, опыт, жизненные подвиги. Это имеет важное значение для формирования таких граждан, которые смогут переумнить запад и

очистить авгиевы конюшни, которыми стала Россия, вывести ее на верный путь. Спасибо.

И. М. Ильинский

Спасибо за интересное выступление.

А. И. Фурсов

Уважаемые коллеги! Занимаясь русской историей, я хочу взглянуть на феномен Зиновьева в этом контексте.

В русской истории было три крупных структур власти: Московское царство, Петербургская империя и коммунистический строй. В конце существования каждой из этих структур, когда они вступали в полосу кризиса, появлялась личность, которая воплощала в себе практически все основные противоречия данной структуры, выступала в такой ситуации не столько как личность, сколько как минисистема, и входила в противоречие с существующей системой уже не как личность, а как система в одном лице. В конце Московского самодержавия такой личностью был Аввакум. В конце Петербургского самодержавия – Лев Толстой, и, наконец, в конце советского режима это был Александр Александрович Зиновьев. Причём Зиновьев довёл линию Аввакума (я её называю «линия Аввакума», потому что он был первый), до логического конца. За Аввакумом стояла неистовая вера в Бога, т.е. религиозная духовность. За Толстым стояли, помимо прочего, его материальное состояние, его высокий социальный статус и международный авторитет. Поэтому Толстой и мог обращаться к Николаю: «Брат мой». Он имел в виду не только «брат во Христе», как это некоторые считают, но подчёркивал и то, что у него не меньше прав на престол, чем у человека из рода Романовых.

У Зиновьева не было ничего, кроме себя и своей личности. Он не верил в Бога, т.е. он не мог пойти по линии Аввакума. У него не было материальной базы и международного авторитета, как у Льва Толстого. У него был только он сам. И в этом плане Зиновьев занимает совершенно особое место в русской истории. Фраза Сулова «боролись с диссидентами, а главную сволочь проглядели» – это высшая оценка государства, минисистемы в одном лице.

Ещё одна русская традиция в творчестве Зиновьева – это необычность жанра, который он изобрёл, – социологический, или интеллектуальный роман, который не укладывается в традиционные жанровые рамки, ломает их. И это тоже русская традиция или, если угодно, традиция русского европеизма. Однажды на вопрос о жанровом своеобразии «Войны и мира» Толстой ответил так: «Что такое «Война и мир»? Это не роман, ещё менее поэма, ещё менее историческая хроника. «Война и мир» есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось. Такое заявление о пренебрежении автора к условным формам прозаического художественного произведения могло бы показаться самонадеянностью, ежели бы оно было умышленно и ежели бы оно не имело примеров. История русской литературы со времени Пушкина не только представляет много примеров такого отступления от европейской формы, но не даёт ни одного примера противоположного».

Толстой ограничился одним примером, но давайте продолжим этот ряд. «Евгений Онегин» – роман в стихах. «Мёртвые души» – поэма. «Былое и думы» – это что за жанр? «Дневник писателя» Достоевского? Все большие русские писатели ломали европейскую жанровую решётку. А вот писатели второго ряда вполне укладывались в традиционные европейские рамки. Например, Боборыкин.

А вот в чём, на мой взгляд, Зиновьев отошёл от русской традиции – и это хорошо – так это в следующем. Как верно заметил Бродский,

русский язык – не аналитический. И Зиновьев отчасти использовал эту неаналитическую мощь русского языка для решения неаналитических проблем. В то же время во многом (хотя и не во всём) он преодолел нестрогость, характерную для русской мысли недисциплинированность. Преодолел, потому что он занимался логикой. Русская мысль, к сожалению, не прошла спор номиналистов и реалистов. Русская культурная традиция главным образом реалистическая. Для русского человека, например, деньги – это нечто зеленое или другого цвета, но это не некое юридическое отношение, экономическое, нематериальное, это обязательно нечто материальное.

Будучи логиком, Зиновьев оказался в удобной позиции для преодоления или, по крайней мере, смягчения указанной недисциплинированности русской мысли. Именно это, на мой взгляд, позволило Зиновьеву начать делать с коммунистическим строем как объектом исследования то, чего до него не делали. И хотя у логического подхода к социально-исторической сфере есть свои ограничения, которые, Зиновьев, похоже, не заметил – «каждое приобретение есть потеря», – общий результат весьма мощный. Зиновьев был первым, кто попытался разработать принципиально новый понятийный аппарат для анализа коммунизма как реально существующей социальной системы, как особой системной реальности.

Это действительно был выдающийся ход, поскольку все попытки понять коммунистический режим на языке западной науки с ее тримодальной системой «социология – политология – экономическая наука» ни к чему не привели. И это естественно - они отражают реалии общества, где власть отделена от собственности, где социума дифференцирован на сферы рынка, гражданского общества и государства – отсюда тримодальная наука о буржуазном обществе. Однако попытки применить эту науку к обществам небуржуазным или,

тем более, антибуржуазному – занятие бесполезное: у этих общественные базовые клеточки.

Зиновьев попытался найти характерную именно для комстроа базовую клеточку, а следовательно – базовую единицу анализа. Ход вполне марксистский (Маркс исследовал товар как базовую клеточку буржуазного общества), и он не случаен – диссертация Зиновьева была посвящена Марксову методу восхождения от абстрактного к конкретному.

Отношения Зиновьева с марксизмом – отдельная тема. По линии метода я, безусловно, вижу преемственность, по крайней мере, частичную. А вот по линии системы Александр Александрович оказался единственным, кто во второй половине XX в. попытался создать целостную систему, альтернативную марксизму, которую он назвал логической социологией. Я не буду сейчас обсуждать ни вопрос о том, насколько адекватно это название тому, на что замахнулся и что сделал Зиновьев, ни вопрос о том, насколько удачной оказалась эта попытка. В данном контексте самое важное то, что такая попытка – единственная в своём роде – была предпринята и предпринята она была (наш ответ Марксу) в Советской России. В сжатом виде *Summa Zinovievae* изложена в работе «На пути к сверхобществу» (2000 г.), где Зиновьев предложил свои ответы на те вопросы, которые поставлены в марксизме.

В романе «Светлое будущее» Зиновьев устами своего героя Антона говорит о марксизме, что это «штука весьма серьёзная, оказывается. Его не обойдёшь. За какую проблему ни возьмись, она обязательно так или иначе рассматривалась и по-своему решалась в марксизме». Зиновьев и не стал пытаться объезжать – он дал свои ответы и поставил свои вопросы. И теперь, тем, кто занимается, например, теоретическими проблемами коммунизма как системы (да и не только его) невозможно обойти Зиновьева и зиновьевизм.

Ещё одна русская традиция в творчестве Зиновьева – демократическая. И проявилась она, прежде всего, в социальном проекте Зиновьева, который почему-то до сих пор остаётся в тени.

В 1970-е – 1980-е годы оппозиционная режиму мысль выдвинула два проекта трансформации советского общества – либерально-западнический (А. Сахаров) и почвеннический (А. Солженицын). При всех различиях у этих проектов было определённое сходство: желали они того или нет, но Сахаров и Солженицын объективно рассуждали с перспективы новых, в советское время ещё не сформировавшихся и лишь намечающихся пунктиром господствующих, элитарных групп, новой, посткоммунистической власти, по сути, разрабатывая – «крот истории роет медленно» и «дальше всех пойдёт тот, кто не знает куда идёт» – стратегии посткоммунистических элит, для того периода, когда коммунизм рухнет, и ему на смену придёт новая система (в которой, как окажется, даже для Сахарова и Солженицына, не говоря уже о Зиновьеве, места уже не будет). Иными словами, в определённом смысле Солженицын, Сахаров и другие выполняли за советскую верхушку ту социосистемную работу, на которую эта верхушка, перманентно испытывая «чувство глубокого удовлетворения», сама не была способна, т.е. смотрели на социальный процесс с «верхних этажей» общественной пирамиды. Зиновьев же смотрел на социальные процессы с позиций не элитария, а трудящегося, наёмного работника как физического, так и умственного труда.

Конечно же, ни Сахаров, ни Солженицын не собирались сознательно работать на хозяев посткоммунистической жизни и никогда этого не делали. Они стремились продумать и предложить такую модель общественного устройства, которая в идеале устраняла бы, снимала противоречия коммунистического строя. Посткоммунистический ельцинский режим снял эти противоречия реально. То, что получилось в целом, естественно, очень далеко от замыслов Сахарова и Солженицына

(хотя по-своему отчасти реализовались оба проекта – и ни один полностью и до конца).

Зиновьев рассуждал совершенно с иных позиций, чем Сахаров и Солженицын. Исходя из того, что хороших обществ не бывает – а это единственно верный как в методологическом, так и в моральном плане подход к социально-исторической реальности, – Зиновьев попытался выработать принципы и стратегию жизни в данном конкретном – коммунистическом – обществе. Размышления об этом присутствуют уже в «Зияющих высотах» и «Жёлтом доме», однако в программном виде они изложены в «Иди на Голгофу» и «Живи». Эта стратегия имела своим адресатом не элитария, а простого человека, что естественно, не снискало этой стратегии популярности ни в среде фрондёрско-либеральной, «фигокарманной» интеллигенции, ни в среде диссиды.

Зиновьев не только теоретически разрабатывал стратегию жизни индивида в сложном массовом обществе в его коммунистическом (антикапиталистическом) варианте, но и воплощал свою систему в жизнь, на практике. Речь идёт о его позиции «я – суверенное государство в одном лице». Это позиция личности, которая хочет максимально оставаться самой собой вопреки всем системным обстоятельствам.

Я не случайно назвал одну из своих работ о Зиновьеве «О великом вопрекисте». Реализовать стратегию жизни (и мысли) Зиновьева можно только вопреки – вопреки власти, сопротивление которой выковывало и закаляло таких, как Зиновьев, и вопреки профессиональной среде как социальному индивиду. В то же время – диалектическое противоречие – «вопрекистский» социальный тип, к которому относился Зиновьев, возможен только на русской советской почве, только в рамках советской системы, причём на определённой стадии её развития. Перефразируя В.О. Ключевского, можно сказать, что «заквасила» Зиновьева

послереволюционная эпоха, эпоха разгара «холодной гражданской войны» в 1930-е, а «испекла», безусловно, война.

Зиновьев принадлежит к единственному в советской истории поколению победителей. Речь о тех, кто победил в Великой Отечественной, сломал хребет гитлеровской машине и не только «смело входили в чужие столицы» (И. Бродский), но и без страха возвращались в свою. Их было немало, победителей, прошедших Европу, а потому социально уверенных в себе, в своей правде. Привыкших к самостоятельному принятию решений, к инициативе, готовых – подготовленных опытом советской городской жизни, кроме которой они не знали никакой другой – к аресту, и, в отличие от жертв репрессий 1930-х, если и не понимавших, то, по крайней мере, чувствовавших за что могут взять и уже потому субъективно не являвшихся жертвами. Их было немало настолько, что “Сталину и его команде” пришлось начать сажать этих людей, изымать из “социального (круго)оборота”. В отличие от “посадок” 1930-х годов, имевших наступательный характер, это была оборона. Режим защищался. Активно, но – защищался. От тех, кто спас Родину (и этот режим) в жестокой войне и в этой же войне выковал себя как антисталинистов.

Режим защищался от таких, как Зиновьев, от тех, кто своим антисталинизмом и самостоянием сделали возможными десталинизацию, так называемую “оттепель” (хотя, конечно же, настоящей “оттепелью” был “застой”, ибо единственное тепло, которое мог выделять коммунизм как система, – это тепло гниения) и “шестидесятничество”. Сделали возможным – и были забыты, нередко сознательно, но чаще бессознательно, так как не успели, да и не могли по суровости окружающей жизни и по серьезности своей жизненной сути попасть в рекламу и саморекламу “шестидесятничества”. Но именно они между 1945 и 1955 г. заложили фундамент десталинизации, став гарантией ее необратимости.

Именно они были первым советским, т.е. выросшим на основе советских, а не дореволюционных или революционных форм жизни и отрицания коммунистического порядка, сопротивлением – сопротивлением не крикливым, не апеллирующим к Западу (победителям это ни к чему), а неспешным, уверенным в своей социальной правоте по отношению к режиму и внутри него одновременно, а потому действительно опасным, страшным для режима – не только сталинского, но и для последующих. Замалчивание “бесшумного сопротивления” 1945-1955 гг., в котором невозможно было прогреметь героем и попасть на страницы западных газет и журналов – все происходило обыденно и тихо – и последующее выдвижение на первый план “шестидесятничества” и диссидентства как главных форм “борьбы против системы” – явление не случайное, но это отдельный разговор.

Кто-то заметил, что Пушкин – это ответ петербургской России Петру I. Думаю, что Зиновьев – это ответ советской России Ленину и Сталину одновременно. Это ответ поколения, выросшего в рамках ранней – сталинской – структуры исторического коммунизма, пережившего её первый кризис (июнь – сентябрь 1941 г.) и своим самостоянием во время войны и после неё сделавшего необратимой десталинизацию. Именно на их давление номенклатура ответила XX съездом – чтобы выпустить пар и подменить демократизацию либерализацией, прежде всего для самой себя.

Последнее, о чём хочу сказать. Помимо того, что Зиновьев, self-made man, создал самого себя и замечательную семью, последнее для творческого человека очень важно, он в своей жизни одержал три крупные победы. Во-первых, он победил в страшной войне (и остался при этом человеком). Во-вторых, он победил в персональной социальной войне, оставшись самим собой, вопреки воле Системы, пересидев, перетомив её в противостоянии. Это – специфический,

спокойный, некрикливый героизм русского типа, в основе которого – не самореклама и победа любой моральной ценой, а самостояние в правде. В-третьих, он победил, создав свою Систему, свой научно-художественный Космос. Такое количество и такое сочетание побед над превосходящим противником (и в какой-то момент над самим собой) – нечто из области фантастики, сказки. Ну что же, Зиновьев, как и многие люди его поколения, может сказать: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Парадокс, по крайней мере, внешне: жесточайший критик-аналитик (серьёзный анализ автоматически предполагает критику как реальности, так и различных объясняющих её теорий) советской системы, воплотил в действительность то, что по аналогии с Американской Мечтой можно назвать Советской Мечтой. Но, быть может, Советскую Мечту и можно было реализовать лишь вопреки советской системе? Подозреваю, что именно так, а не иначе. Только на такой основе Зиновьев мог стать и стал суперпобедителем, чемпионом как по различным отдельным видам социальных и интеллектуальных единоборств – и по их сумме. При этом, реализовав Советскую (системную, кстати) Мечту, он победил и её, поставив на службу себе-как-системе, своему творчеству. Зиновьев был победителем и ушёл им. Спасибо.

И. М. Ильинский

Пожалуйста, Леонид Иванович Шершнеv. Я это говорю для тех, кто его не знает. Он президент Фонда национальной и международной безопасности, главный редактор журнала «Безопасность», эксперт Государственной Думы и Совета Федерации РФ по безопасности, генерал-майор запаса.

Л. И. Шершнева

Мне представляется, что сегодня через судьбу Александра Александровича, возможно, мы в нашем узком интеллектуальном клубе вышли на ключевую, на самую главную тему нашей деятельности. А это тема - проблема гения, выращивание гения. Это тема - выращивание тех, кто мог бы совершить вот этот прорыв, прорыв интеллектуальный из того небытия, в котором оказалась Россия, в котором находится мир, в лучшее будущее.

Еще в зале МГУ, когда прощались с Александром Александровичем, я у четырех выступающих услышал определение Александра Александровича как гения. Вот тогда я сразу задумался, а что такое гений? Ведь у нас понятие настолько девальвировано, настолько унижено, что, ей Богу, мы очень часто не отдаем себе отчет, применяя это понятие к тому или иному человеку.

Вот умирает артист, и, как правило, считается, что он обязательно гениальный. Даже самый гениальный. И очень часто так бывает. Я еще не знаю ни одного артиста, который умер, который бы не был гениальным. О нем много говорят, по телевидению и т.д. А вот умирает боец, политический боец, умирает интеллектуальный стоик, действительно гений, и применять к нему это слово, которое девальвировано в таких понятиях лицедейств очень часто, очень и очень сложно.

Для меня, например, гений – это, прежде всего, осмысление явления, предсказание или пророчество и свершение, т.е. какой-то подвиг. Вот эта триада, состоящая из трех частей: осмысление, предсказание и свершение – подвиг, мне кажется, здесь должен идти наш поиск. Мало изобрести какую-то теорию, важно эту теорию довести до сознания и важно найти механизм, технологию ее реализации.

А мы очень часто, а я думаю, что и в нашем интеллектуальном узком Клубе, очень часто ищем идеи, очень часто находим

замечательные идеи, но вот технологии, механизмов для продвижения этих идей в общество и для того, чтобы они были реализованы, вот на это наших усилий не хватает. В силу, прежде всего, объективных причин, как я понимаю.

Давайте здесь сосредоточимся, тем более здесь есть Центр Зиновьева, и продумаем еще раз, насколько мы сегодня готовы или не готовы ответить на вопрос – «Судьба и образ гения». Может быть, как-то специально посвятить этой теме какое-то издание, посвятить этой теме какую-то научную проработку, возможно даже с этой темой выйти к широкой общественности, общенаучной общественности.

Вот возьмите, Махатма называли когда-то Ленина, гением. Но часто ли мы сегодня слышим, что Ленин был гением. По-моему за последнее время в литературе, даже коммунистической литературе, слово, определение к Ленину как понятие «гений» уже я не вижу. То есть время как-то отбирает под влиянием тех или иных высказываний, тех или иных воздействий, прежде всего, информационного плана.

И. М. Ильинский

То, о чем я говорил - не выгодно, не нужно.

Л.И. Шершнева

Да, не выгодно.

Махатма, они ведь как раз увидели пророка, они его иначе как пророком не называли, т.е. он предвидел. Они увидели в нем человека, который предсказал, что скоро Индия освободится от колониального господства благодаря гению Ленина и благодаря Советской России. И они буквально предсказали за три десятилетия, через три десятилетия уже Индия стала свободной.

Эти черты мы находим естественно и у Александра Александровича, но тема гения не проработана. Я, кстати, вспоминаю в

связи с этим фильм «Гений». Там показано, как простой мастерской очень удачно манипулировал органами милиции и другими средствами, в том числе и мошенниками. Он изобретал установки, там взрывы, подрывы и т.д. Он действительно был гением в своей области.

Я просто говорю, что если мы говорим об Александре Александровиче, то не должны, конечно, забывать, что он действительно боец, воин. Это действительно человек- прорыв, человек-свершение. Я вспоминаю только один с ним разговор, когда мы говорили о судьбе России. Я в большей степени пессимист, чем оптимист. И ему об этом сказал, что тот мираж стабильности, который сегодня мы видим, - это мираж, а уже явные признаки катастрофичности все налицо.

А он говорит, что судьба у России может быть только такой, как у ого полка в 1941 году, который оказался в окружении. Половина полка решила сдаться: нет патронов, нет горючего в танках. Они пошли и сдались. И говорит: сколько мы их после войны не разыскивали, ни одного человека не отыскали. Поисковики находили площадки, которые немцы просто огораживали колючей проволокой, не кормили этих арестованных. И за полгода у нас практически была уничтожена армия – 3,5 млн. человек только пленными.

А вторая половина полка решила идти на прорыв. Из той половины полка половина осталась, и в том числе Александр Александрович.

Вот это судьба России, которую я вижу. Если мы сегодня не наберем вот эту тысячу, не наберем такое количество профессиональных, не наберем такое количество гениев, то действительно России не будет. Я думаю, что нашей самой светлой памятью об Александре Александровиче будет создание вот такой поросли гениев. Причем современных гениев, способных работать в том интеллектуальном поле, которое сегодня есть в мировой практике. Я

имею в виду информационные технологии, компьютерные технологии, нанотехнологии и самосознание и т.д. Вот только тогда мы можем и переумничать Запад и только тогда мы можем совершить прорыв и для себя и для всего человечества.

Спасибо.

И. М. Ильинский

Спасибо большое.

У меня есть предложение попить кофейку, минут десять.

Объявляется перерыв.

И. М. Ильинский

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович — директор Института философии РАН, академик РАН. Ближайший друг и душеприказчик, как сказала Ольга Мироновна, Александра, Александровича Зиновьева. Пожалуйста.

А. А. Гусейнов

Я хочу выразить уважение и восхищение всем коллегам, которые выступали передо мной. Я со всеми согласен. Искренне рад, а отчасти даже удивлен глубиной понимания и творчества А.А. Зиновьева и масштаба его личности. Удивлен по той причине, что само такое понимающее отношение к Зиновьеву является большой редкостью в последние годы.

На всех нас, кто знал и общался с ним, кто ценит, понимает и принимает его творчество, лежит большая обязанность деятельно, как

сказал Игорь Михайлович, закрепить наше отношение к нему: рассказать о нем, запечатлеть нравственную безупречность его человеческого образа, исследовать его выдающееся творчество.

В этом вопросе, как мне кажется, позиция Игоря Михайловича Ильинского, позиция Московского гуманитарного университета, очень важна. Я не знаю, как это стратегически мыслится. Идет ли речь о том, чтобы связать его имя с этим Университетом, так же как, скажем, имя Канта с Калининградским университетом. Имя университету делают все-таки выдающиеся профессора и выдающиеся его выпускники.

В перспективе самое важное и в этом смысле первое дело, которое предстоит сделать и вокруг которого, по-видимому, следует строить работу исследовательского центра им. А.А. Зиновьева, состоит в том, чтобы начать работу над полным собранием сочинений Зиновьева. Это не значит, что Центр сам своими силами и здесь в Московском гуманитарном университете будет делать это. Но он мог бы стать организующим Центром этого большого дела. Недавно мы отмечали 150-летие со дня рождения В.В. Розанова. (Кстати сказать, мыслителя очень похожего на Зиновьева в своей русскости.) До сих пор нет полного собрания его сочинений. Было оказывается несколько безуспешных попыток издать огромное 50-томное наследие Розанова. Сейчас предпринимается новая попытка. Надо, чтобы судьба сочинений Зиновьева сложилась более счастливо. Конечно, издание сочинений, в особенности хорошо продуманное, откомментированное – это огромная работа. В случае Зиновьева она усложняется тем, что надо собирать его разбросанные по всему свету тексты статей, интервью, записей лекций.

Второе, столь же важное по существу, но более срочное дело – собрать воспоминания, живые свидетельства о Зиновьеве. Эту работу можно и даже нужно, как мне кажется, планировать. Если не организовать, не подтолкнуть людей, то они в повседневной суете могут не собраться.

Наконец, третье – это поощрять исследования о Зиновьеве, в духе его творчества.

* * *

Говорить сегодня об Александре Александровиче трудно. Очень трудно. Я не могу еще прийти в себя от того, что случилось. Просто не могу поверить в то, что это случилось. В «Глобальном человеконике» Зиновьев изображает себя под именами Ал и Ла. И там он фигурирует как инопланетянин, однажды, хронологически это приблизительно совпадало со временем, когда писался «Глобальный человеконик», я вживую слышал от него утверждение, что он является инопланетянином. Это было сказано не акцентировано, а как-то мимоходом. Но я привык серьезно воспринимать все его суждения. Я знал: он никогда, никогда не говорил зряшно, не говорил пустое. И, как он сам утверждал, он никогда не шутил. Разумеется, я не мог пропустить его замечание. Я стал всерьёз думать, а не является ли он действительно инопланетянином. В самом деле: если предположить, что инопланетянин, будучи внешне во всем, неотличимо схож с нами, тем не менее по сути является существом иного рода, то Зиновьев несомненно походил на него.

Если существуют люди, которые не должны умирать, не могут умирать, то Зиновьев несомненно принадлежит к ним. В данном случае я имею в виду не заслуги, не величину потери, а нечто другое. Само понятие смерти было несовместимо со всем строем его мысли, и я бы сказал, со всей его антропологией. Он не знал этого понятия, оно было исключено из его мироощущения. Он вообще не говорил об этом. Как-то раз во время прогулки я сказал, что в моем мировосприятии и в моем представлении о человеке я не нахожу места смерти, имелось в виду, разумеется, законного, понятного места, такого места, которое примирило бы с этим феноменом. Разговор этот не был абстрактным, он возник в связи с потерей близкого нам человека. Я спросил Александра

Александровича, что он обо всем этом думает. Он ответил очень определенно и по-зиновьевски жестко, дословно, почти дословно (в данном случае я доверяюсь памяти) он сказал следующее: «Я не хочу об этом думать. Я знаю: так это устроено в жизни. И всё». Словом, я еще не могу придти в себя.

Сейчас к развернутому разговору я не готов. На будущее, имея в виду книги воспоминаний и исследований о Зиновьеве, я бы хотел зарезервировать за собой право написать об его учении о житии, а также высказать мое мнение о Зиновьеве как феномене. Общая идея, которую я попытаюсь развить, состоит в следующем. Зиновьев, на мой взгляд, явил собой особый личностный тип. Он не только сделал открытия в разных областях знания и творчества, в нем сам наш человеческий род поднялся на некую новую ступень.

Характеризуя свою жизненную позицию, Зиновьев чаще всего употреблял следующие два определения: «Я есть исследователь» и «Я есть суверенное государство». Они на первый взгляд кажутся взаимоисключающими: в самом деле, исследователь не говорит ничего от себя, а только отражает, выражает некие объективные реальности, а суверенность означает, что субъект ни с чем и ни с кем, кроме себя не считается. В одном случае максимальная замкнутость на внешнее, на объект, в другом случае – максимальная замкнутость на себя, на субъект. Тем не менее, эти определения в случае Зиновьева составляли единое целое.

Когда Зиновьев настаивал, что он является исследователем и его амбиции не идут дальше того, чтобы быть точным в своих утверждениях, то он имел в виду не только свою принадлежность к корпорации ученых. Речь шла не просто о профессии, он не отделял профессию от жизни. Речь шла о человеческом назначении, так как он, Зиновьев, его понимал и деятельно практиковал в своей жизни. Его позицию в данном вопросе можно было бы расшифровать так: раз уж

случилось, что я появился на этом свете человеком, не рыбой, не птицей, не кем-то еще, а именно человеком, то отсюда следует, что я должен жить, развивать и утверждать себя как человек. А что это значит?

Говоря по другому, в чем заключается человечность человека, отличающая его от других живых существ? В том, что он мыслит, может знать и понимать, что он делает. Понять, что есть мир, в котором я живу, вот то первое дело, с которого начинается человек. Эту задачу Зиновьев конкретизировал как необходимость понять законы самой мысли и на их основе понять общество, в котором он живет. И развернул необходимость такого понимания в жизненную программу, в результате чего сама жизнь была понята как исследовательская деятельность. Жить – значит понимать. Жить – значит жить с умом. Первым и священным правом для себя Зиновьев считал право понять и свидетельствовать истину. Это право оно никогда никому и на за что не уступал. Отсюда – его знаменитый, «вопрекизм», как это определил А.И. Фурсов. Отсюда – многие резкие разрывы и повороты в его биографии. Я думаю, он мог смолчать. Но сказать не то, что он думает – это было невозможно. Он для себя это исключал абсолютно. Иногда это приобретало невероятные формы. Я был однажды свидетелем, как он у себя дома вступил в страстный и резкий спор со своей 14-летней дочкой по поводу какого-то суждения. Он не делал никакой скидку ни на возраст, ни на обстановку, ни на что-либо другое, если ему приходилось высказывать свое мнение о чем-либо. Для него было важно только одно – так это или не так, соответствует это истине или нет. Способность мыслить дана человеку, чтобы знать и понимать. Не для того, чтобы хитрить, выгадывать, приукрашивать и т.д. и т.п. А для того, чтобы понимать, мыслить и познавать, постигать истину – Зиновьев не приводил различия между этими процессами.

Итак, первое дело человека, которое делает его человеком, состоит в том, чтобы понимать. Но не просто понимать и упиваться пониманием,

как думали многие философы древности. А понимать и жить в соответствии с этим пониманием. Отсюда – второе жизненное кредо Зиновьева: «Я есть суверенное государство». Зиновьева интересовала не вообще истина как знание о мире в том виде, в каком мир существует независимо от нас, – истина, согласно которой мы говорим есть о том, что есть, и говорим нет о том, что нет. Это определение истины имеет формальный, абстрактный характер, рассматривая истину чисто технически саму по себе. Оно не дает ответа на вопрос о том, что есть истина в человеке и для человека. Почему человек ставит её так высоко, едва ли не выше всего на свете. Зиновьева интересовала истина в её экзистенциальной глубине, истина с большой буквы. Та истина, которая говорит о том, в чем состоит правильная жизнь. Истина тогда есть истина, когда она приобретает нравственно обязывающий смысл. А приобрести такой смысл она может только в том случае, если человек считает самого себя суверенным на манер того, каким бывает суверенным государство, и не признает над собой иной власти кроме власти истины. Когда Зиновьев утверждает: «Я есть суверенное государство», то это означает, что он живет в соответствии со своим пониманием жизни, по той программе, которую задает ему его собственный разум, ориентированный на истину, только на истину, ни на что иное, кроме истины.

Словом, по Зиновьеву, жизнь является правильной, когда она разумна, а разум является научным, когда он жизненен. Способ, каким человек думает, и способ, каким человек живет, суть две стороны одного и того же процесса. Только их взаимообусловленное единство делает существование человека адекватным его природе и назначению. Единство двух формул Зиновьева является, на мой взгляд, ключом к его творчеству в разнообразии и целостности его важнейших частей: логики, социологии, художественной литературы.

Аристотель определял человека а) как существо разумное и б) как существо общественное (политическое). Разумность человека обнаруживается в том, что он становится общественным (полисно-организованным) существом. И общественным он является только в качестве обладающего разумом. Так познание и социальное творчество были выделены в качестве основных направлений активности человека в рамках европейской культуры. Зиновьев целиком принадлежал этой традиции, он усвоил её, что называется, с молоком матери. Логика и социология стали предметом его научных занятий. Логику он переосмыслил таким образом, чтобы она могла стать инструментарием эмпирических наук. Социологию он исследовал, чтобы выработать научное представление об обществе, в котором он живет. Но перед Зиновьевым стояла задача не просто соединить логику и социологию, что он осуществил в своей логической социологии. Его цель была много выше и определенной: выработать собственную программу достойной жизни. Отсюда – его интерес к художественной литературе, в которой он, с одной стороны, представил свое понимание общества в наглядной форме живого организма, а, с другой стороны, мысленно проиграл различные стратегии индивидуального поведения и изложил свое собственное учение о житии.

А. И. Фурсов

Можно реплику?

Я поддерживаю те практические предложения Абдусалама Абдулкеримовича. У меня только два дополнения. Может быть, подумать еще о двух вещах кроме собрания сочинений: альбом живописи и можно проводить один раз в год какие-то Зиновьевские чтения.

И. М. Ильинский

Позвольте, я скажу по этому поводу.

Первое. Мы сейчас перед началом заседания Русского интеллектуального клуба встречались с Ольгой Мироновной у меня в кабинете. Я сказал, что мы берем на себя обязанность содержать этот Центр, обеспечивать его функционирование. Но когда мы начинаем планировать, условно говоря, издание собрания сочинений, альбома живописи, проведение исследований и прочего, то должны понимать, что на это надо тратить деньги. Большие деньги. Мы не государственный вуз, мы все до гроша зарабатываем сами. Центр Зиновьева – не единственный. Мы и так тратим примерно в год 250-300 тысяч долларов на научные исследования. Для негосударственного вуза, и вообще для вуза, в наши дни это очень много.

Поэтому в наших планах мы будем исходить из того, что можем сделать мы как вуз на этом направлении, что надо будет делать за счет того, чтобы привлечь какие-то средства извне. Это будет задачей Центра.

А. А. Гусейнов

Каждая программа может иметь свое финансирование, свои гранты, своих спонсоров. Сотрудничество с другими университетами, структурами.

И. М. Ильинский

Вы не обижайтесь. Я просто хочу, чтобы мы не фантазировали, а реалистично смотрели на вещи. Второе. Абдусалам Абдулкеримович сказал о том, в чем суть гения, гениев. В каком смысле? Потому что в противном случае мы закрываем себе ход мысли.

А. А. Гусейнов

Нет, но случай гения. Это не значит, что мы хотим понять.

И. М. Ильинский

Можно я скажу: Вы тоже гений.

А. А. Гусейнов

Не доказано еще.

И. М. Ильинский

Абдусалам Абдулкеримович, Вы понимаете, какая штука...

В семидесятые годы я был главным редактором всесоюзного журнала. Веду впервые планерку. Совершенно обычные, а то и посредственные журналисты. И вдруг слышу: «Гениальная фраза! Талантливая строчка! Блестящая статья!» Я читаю и не вижу ни первого, ни второго, ни третьего. Запретил на планерках употреблять слова «гениальный», «талантливый». Дело закончилось тем, что половину «талантливых» и «гениальных» я просто выгнал из журнала. И дело пошло на лад. Журналисты – разные, не только способные люди.

У главных редакторов была традиция: раз в неделю ездить в Дом журналистов пивка попить. Пиво было чешское, с закуской. Туда можно было попасть только по журналистским билетам. Там всегда сидело много журналистов: тусовались, как сейчас говорят. Были такие, которые судили всех. Говорили: «Этот – слабак. И этот... Вот я сяду, напишу!» И никогда ничего не писали.

Сейчас я с композиторами общаюсь часто. Вы знаете поговорку «Человек человеку – волк». А у них: «Волк волку – композитор»...

Но ведь есть действительно выдающиеся, талантливые, гениальные люди. Кто-то должен обязательно об этом сказать. Вот Вы, Абдусалам Керимович, единственный действительный член Российской

Академии наук, который занимается проблемами нравственности, да так, как никто не занимается; понимаете их так глубоко, как никто в России не понимает, и сделали в этой области столько, сколько никто не сделал. Это ведь так. Почему об этом вообще не говорится? И почему это действительно не возводится в ранг подвига и геройства?

Ведь если каждый день человек сам себя ведет за рабочий стол – его никто не гонит – больной ли, здоровый – садится и вопреки всему (здоровью, безденежью, другим обстоятельствам) по воле сердца делает что-то такое, что никто его не заставлял делать – это подвиг. Для кого, для себя что ли делает? Конечно, есть там какой-то элемент честолюбия. Но, как правило, всех ведет одна мысль: что же творится со страной нашей, с нашим народом, как же сделать так, чтобы России лучше жилось.

Это что – не геройство? Это действительно то, о чем говорил Владимир Васильевич – геройство. И об этом надо чаще говорить, вдохновлять таких людей. В нашей среде привычно унижить, осмеять, подначить. Из-за простого непонимания или нежелания понимать.

Вот, скажем, о том же Зиновьеве. Мне думается, что при всех случаях жизни судьба его не только великая и прекрасная, но и трагическая, драматическая. Я думаю, что он очень много пережил и переживал. Из-за того, что его недооценивали, не понимали. А еще потому, что на вершинах мысли царствует одиночество: ему часто просто не с кем разговаривать, потому что его не могли понять.

Знали его не так широко, как он того стоил. Вот народ, ради которого он старался... Спросите вы обывателей. Солженицына знают, потому что о нем десятилетия гудят, гудят, гудят. Советские люди гудели, сейчас гудят... А он и литератор никакой, и мысли его далеки от жизни. Просто вывалил народу все, к чему его допустил тот же КГБ. С таким материалом многие могли бы снискать славу. Конечно, трудяга, спору нет... Вот среди нас сидит человек, который посвятил жизнь

нравственным основам жизни, – директор Института философии, совершенно уникального научного заведения, какого в мире больше не существует – по величине, по количеству сотрудников и всеохватности проблем, которыми занимается этот институт. И это совсем не случайно, что такой человек во главе такого учреждения. Это, безусловно, выдающийся, гениальный человек.

Это к вопросу о том, что здесь собрались очень продвинутые, талантливые люди. Я вас слушал сейчас каждого и радовался – великолепные мысли. Великолепные. У каждого свой срез, у каждого своя точка зрения, свой взгляд.

Нужно сделать о Зиновьеве книгу, фильм, сериал. Ведь у него же судьба – детектив! Начиная с детства. Детективная судьба. Аресты, побеги, фронт. Придумывать ничего не надо. Нашелся бы умный режиссер, сценарист.

О. М. Зиновьева

Владимир Меньшов уже обращался.

И. М. Ильинский

Обращался? Очень хорошо. Надо поторопиться с этим, потому что Меньшов тоже не вечен. А когда потом найдется молодой, столь же умный и способный? Вот вы говорите, чтобы понять гения, надо быть гением. Так чтобы показать гения, надо быть гением тоже. Меньшов, наверное, сможет.

Леонид Иванович, пожалуйста.

Л. И. Шершнева

У меня просто маленькое предложение.

Исследовательский центр он, видимо, сам по себе предполагает, что там будут аспиранты. Это будут у вас ученики, которые будут писать какие-то кандидатские диссертации. Я что имею в виду. Каждый из нас, может быть, взял бы на себя по одному аспиранту и какую-то грань его творчества вел. Вот, например, героизм. Тема очень важная. Я мог бы взять вопросы военные. Кто-то еще взял бы вопросы философской жизни. По одному человечку. Смышленная девушка, смышленный парень - каждый член Интеллектуального клуба вел по какой-то грани деятельности Александра Александровича.

И. М. Ильинский

Мы в перерыве обсуждали вопрос о судьбе Школы Зиновьева. Родилась идея. Андрей Ильич, в частности, предложил, что Школа должна жить своей жизнью, хоть и нет Зиновьева. Но коллектив Зиновьева есть. Несколько человек берут курс лекций, разрабатывают применительно к тому, что читал Зиновьев, на основе его трудов. Так, как сделана эта книжка «Социология Зиновьева. Понимание современности». Здесь есть вступительная статья, а дальше разделы и аккумулированное, сжатое изложение.

Пожалуйста, кто еще?

Луков Валерий Андреевич — директор Института гуманитарных исследований — заместитель ректора МосГУ по научной работе, доктор философских наук, профессор.

Вал. А. Луков

Дискуссия прямо подошла к теме социологии. Я хотел бы поговорить об этом, причем именно в таком прикладном ключе, когда не только важно осмыслить, что представляла собой социология Зиновьева. В соответствующих масштабах всего этого мы не смогли бы сейчас

сказать. Меня, скорее всего, интересует тот прикладной аспект, который сейчас удивительным образом прозвучал.

Ведь особенность социологии Зиновьева в том, что это логическая социология. Это первая ее важнейшая черта. Было бы неточно говорить, что Александр Александрович родоначальник идеи построить социологию по логическим основаниям. Попыток было много, но так давно, что за это время и мир переменялся, и социология стала совсем другой. Для того чтобы прийти к логической социологии Зиновьева потребовалась почти 200-летняя история социологии, чтобы можно было ее увидеть в другом ракурсе и с другими смыслами. Он вложил в социологию эти новые смыслы. Причем в ряде случаев Зиновьев пошел по такому пути, который внешне представляется путем как раз очень старым. Например, он выводит тему «характер и народ». Но это тема Лацаруса и Штейнталя, это тема Вильгельма Вундта. И если так оценивать, то получится, что здесь по существу ничего нового нет. Но когда мы начинаем вникать в то, каким видится Зиновьеву этот самый характер, мы обнаруживаем, что эта идея совершенно на другом построена, чем она строилась в XIX веке в контексте психология народов, и о другом говорит.

Эти связи между эпохами не были сознательными. Иначе говоря, это не значит, что, читая Вундта, Зиновьев приходит к идее: а не повести ли снова разговор о Вундте или о характере народа. Зиновьев идет от себя и натывается на те же проблемы, которые собственно и являются социологическими. То есть их природа социологическая. Поэтому-то он идет в этом направлении.

Мне представляется, что постановка темы о характере народа сегодня более чем актуальна. И Зиновьев ее сопоставляет с темой великого человека парадоксальным образом. Вот что он пишет: «Не следует преувеличивать достоинства выдающихся представителей рода человеческого, изредка появляющихся в массе посредственностей, и

поскольку результаты общих усилий накапливаются веками и искусственно перепадают в той или иной мере людям по отдельности» (Зиновьев А. А. Логическая социология. М., 2002. С. 43). Идея близкая, между прочим, ко Льву Толстому: великий человек не тот, кто обладает какими-то уникальными достоинствами, идеями и т. д., а тот, кто ловит импульс эпохи, импульс народа, кто фактически не противодействует этому импульсу. Вот, по сути, эта идея. Но к ней здесь приобщено очень важное добавление: «...искусственно перепадают...». Здесь обнаруживается сама технология, и она дальше обстоятельно раскрыта философом.

Вторая идея, которая мне представляется в этой связи чрезвычайно интересной, плодотворной и подлежащей дальнейшему развитию, - различие народов. Вот фрагмент из «Логической социологии»: «В наше время возникли многочисленные социальные проблемы, решение которых существенным образом зависит от фактических потенций и качеств народов. И тут отделаться идеологической демагогией, будто способности людей и народов универсальны, одинаковы и безграничны, уже нельзя. Народы различаются по интеллектуальному уровню, по степени предприимчивости, по степени самоорганизации и многим другим признакам, играющим огромную роль в организации управления в экономике, в овладении современной технологией и т. д. Опыт человечества на этот счет несомненен, закрывать на него глаза из страха обвинений в расизме – значит сохранять идеологические заблуждения иного рода» (там же, с. 43-44).

Очень точная характеристика, на мой взгляд, и дающая определенный импульс для исследования в условиях, когда тема эта снова стала настолько современной, настолько злободневной, настолько даже телевизионной, что проходить мимо этого уже невозможно, недопустимо.

Мне представляется очень важной идея искусственности применительно к тематике характеров народов, то, о чем я уже говорил. Вновь цитирую Зиновьева: «Характер народа создается путем искусственного поощрения одних прирожденных способностей и препятствования другим. Происходит это как искусственный отбор индивидов с определенными природными способностями» (там же, с. 44). Здесь, конечно, другая позиция, нежели та, которая закладывалась когда-то в социобиологии а раньше — в психологии народов. И мы здесь находим для себя тоже вещи, которыми можно управлять, которые нужно изучать. Александр Александрович, между прочим, обозначает каким путем вести такого рода исследования.

Наконец, еще об одной из тех идей, которые я сегодня хотел бы обозначить как продуктивные в научном отношении для социологии. Зиновьев пишет: «Самым значительным, на мой взгляд, признаком произошедшего перелома в сфере материальной культуры является то, что люди во все возрастающей степени стали совершать поступки и организовываться не в соответствии с законами живых существ, а в соответствии с законами созданного и воспроизводимого ими вещного мира». Этот вещный мир подчиняется и законам природы, но еще и другой группе законов - законам, проявляющимся через безликую массу множества живых существ, навязанную вещам и передаваемую из поколения в поколение. «Таковыми являются, например, правила оперирования всякого рода знаками и вещами, содержащими знаки» (там же, с. 56).

Это очень продуктивная идея. Дело в том, что общность до сих пор в социологии в основном трактуется как некое скопление людей или отношений между людьми. При этом забывается, что в этом скоплении огромную роль, и совершенно не внешнюю, играют вещи. На мой взгляд, теория социальных общностей будет тогда совершенной или, по крайней мере, соответствующей действительности, когда станет

учитывают эти вещи не как находящиеся рядом, не как внешние какие-то характеристики или рядом стоящие сущности, а как часть самих этих общностей.

Я попытался такую линию провести в социологии молодежи, когда молодежь трактуется не только как совокупность людей определенного возраста (с определенными статусными характеристиками и особенностями самоидентификации), но и в единстве с распространенными в этой социальной группе тезаурусами (ценностно-нормативными и информационно-ориентационными комплексами) и выражающим и отражающим их символическим и предметным миром.

Мне представляется в этой связи, что в нашем изучении социологии не только личность Александра Александровича недооценена. Это бы ладно. Самое существенное, что та социология, которая стала государственным стандартом, – это совершенно конкретная школа социологии, по существу. Это структурно-функциональный анализ с некоторыми добавлениями элементов из других научных школ социологии. В вузовской практике мы очень многое теряем от того, что на социологию смотрим только с позиций, составивших госстандарт. Она превращается, во-первых, в довольно скучный предмет и, во-вторых, очень не точный. Социология, шедшая по структурно-функциональному пути, пережила мощнейший кризис в 1960-е годы, когда, наблюдая действительность лицом к лицу, она не сумела увидеть зреющего молодежного бунта. Буквально за несколько дней до баррикад социологи проводили исследования и показывали, что хотя есть такие, которые могут «повыступать», но радикалов не более 3%, а остальные в принципе спокойны. И тут бунт вылезает на улицы, выплескивается мощными, сметающими правительство действиями, событиями, движениями. Но социология не смогла этого увидеть. Крупнейший кризис в социологии не преодолен до сих пор. На этой

базе возникли попытки переосмыслить социологию, методы исследования общества, развились другие социологические школы. Продолжается поиск такой социологии, которая не только описывает произошедшее, но и прогнозирует социальные трансформации.

На этом фоне особенно впечатляет прогностическая мощь Зиновьева. Что только он ни скажет, все подтверждается. Поразительным образом благодаря своей системе взглядов он видит события. Сегодня если вы читаете книги Зиновьева, то такое впечатление, что вы телевизор смотрите, потому что прямо эти события и происходят, о которых он пишет.

Наш вуз идет по пути разработки собственного образовательного стандарта, который, конечно, не может расходиться с госстандартом, но сверх его требований мы можем включать в образовательные программы то, что создается нашими учеными, нашими профессорами. Мы не можем не видеть, что социология Зиновьева является мощнейшим орудием в подготовке социологически мыслящих людей. Она дает новые перспективы для личности, она развивает. В соединении с положениями зиновьевской социологии многое в нашем образовательном процессе вдруг приобретает новое значение. А одновременно мы начинаем все более критично относиться к современным учебникам по социологии, во всяком случае, очень многим. Мы тогда видим, что даже лучшие отечественные учебники – это реализация западнизма во всех смыслах. Эта социология касается очень узкого участка человечества и совершенно не касается огромной зоны человеческой жизни, человеческой деятельности, прошлого, настоящего и будущего. В этом отношении, мне представляется, и в совершенно практическом ключе мы социологию Зиновьева будем внедрять в учебный процесс шаг за шагом.

Мне кажется, у Александра Александровича была, на мой взгляд, такая крайность (он иногда ударялся все-таки в крайности), что современный научный аппарат не позволяет ничего объяснить из происходящего, ну вообще ничего не позволяет.

О. М. Зиновьева

В его понимании так.

И. М. Ильинский

Но если все абсолютно так, то, значит, надо все научные труды и учебники всех ученых и педагогов сгрести и разом заменить. И тогда остаются только книги Зиновьева. А как это сделать? Как одномоментно перевернуть сознание человеческое?

Правда, на мой взгляд, заключается в том, что Зиновьев мыслил лучше и смотрел дальше многих социологов, выстраивал прогнозы свои лучше и т. д. Надо иметь в виду, что и в этой старой школе есть свои гении. О Зиновьеве многие просто не вспоминают. Надо иметь в виду, что у него есть не только сторонники, но и такие люди, которые не заинтересованы в существовании его книг, теорий, памяти и имени Зиновьева. По очень простым причинам: написаны тысячи учебников, десятитомников, а потом появляется Зиновьев, его книги. Теперь самого его нет. Он-то уже сказать ничего не может. Но есть его апостолы! За этим столом сидят апостолы, которые должны познать Зиновьева и нести его идеи.

О. М. Зиновьева

Игорь Михайлович, дело в том, что человеческий фактор его, конечно, не возможно выбросить из всех текстов, в которые мы сейчас погружаемся. Трудно, допустим, так называемому, социологу

Добренькову допустить такую мысль, что рядом через дорогу живет человек, который знает больше его, понимает больше его, не руководит факультетом с очень странными традициями, с очень странным содержанием всего преподавательского процесса, учебного процесса. Трудно допустить другим социологам.

Кстати сказать, в Институте социально-политических исследований Александр Александрович работал только первые 10 месяцев, а потом ему перестали платить зарплату.

Это маленькая заметка на полях.

Очень трудно быть в одном поле, в одном пространстве с человеком, который единственный из русских социологов и советских социологов удостоен был чести получить премию Алексиса де Токвиля,. Все.

И. М. Ильинский

Пожалуйста, Луков Владимир Андреевич – руководитель Центра теории и истории культуры Института гуманитарных исследований МосГУ, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Очень известный ученый в этой области, автор учебников по филологии, по западной и российской литературе.

Вл. А. Луков

То, что мне хочется предложить в качестве размышления, определяется просто: «О проблеме гения». Я, прежде всего, благодарен организаторам за вынесение на обсуждение такой темы. И совершенно согласен с тем, как здесь это прозвучало в ряде выступлений, что сама проблема гения, которая вытекает из образа А. А. Зиновьева, — это принципиальная проблема. И этот образ, образ вполне реального гения, позволяет выйти на высокий уровень обобщения в той области, которая

становится очень актуальной именно сейчас; у нас появляется необходимый материал для того, чтобы об этом рассуждать.

В связи с проблемой гения, прежде всего, отмечу (полностью разделяя все, что высказывалось все здесь за «круглым столом»), что сейчас это слово несколько стерто в своем значении. Можно даже сказать, что оно не просто стерто, а изменило свое значение. «Гений» стал брендом. Да, сейчас это определенный бренд. И ему соответствуют все технологии раскручивания бренда, он или появляется или исчезает, возникает то, что можно определить, как «мерцание бренда». Можно непосредственно наблюдать, как это происходит применительно к различным персоналиям. И кажется, что здесь царит произвол, велика роль случайности или, напротив, субъективного стремления к «раскрутке бренда».

Но вместе с тем, если мы посмотрим на проблему глубже, то, исходя из теории, которая была сформулирована Ильей Пригожиным в своих трудах, мы должны признать, что находимся сейчас в переходном периоде — периоде хаоса, где персоналии приобретают особое значение. Напряженный, даже лихорадочный поиск персоналий — это и есть то объективное, что свойственно столь субъективному течению процесса. Поэтому и поменялось отношение к гению, поэтому понятие трансформируется сейчас каким-то образом. Но, что бы там ни было, а значение собственно гения повышается.

Когда наступит стабильная эпоха (ждать недолго — лет 10–15) и начнется новый период стабилизации, сразу утратится роль отдельной личности в истории. Поэтому я полностью поддерживаю выделение фигур масштаба Толстого, Зиновьева как центральных. Это как будто бы разрушает саму идею объективности развития мира: не достаточно такого значения личности, на которое личность в этом случае претендует. Но становится очевидно: в разные периоды это происходит по-разному, и в переходный период от отдельной личности очень многое

зависит. Сейчас это как бы уже и описано наукой, а не только практика прошлых веков, сопоставление какого-то исторического материала позволяет об этом говорить.

Тезаурусный подход, который разрабатывается сейчас в Институте гуманитарных исследований МосГУ, очень четко определяет, сколько гениев вообще может быть. Их будет не более пятисот. Всегда. Пройдет 10 тысяч лет, и их все равно будет 500. Просто некоторые из тех, кого сейчас называют гениями, будут забыты, а другие займут их место. Потому что больше имен тезаурус не в состоянии удерживать, оперировать массивом гениев по-другому невозможно, потому что это определенные константы культуры, а количество констант неизбежно невелико. В каждом из гениев заключена очень большая информация. Для сравнения: существует миф и существует мифологема, то есть свернутый миф. Есть миф о Дон Жуане, но достаточно сказать: Дон Жуан — это мифологема. Весь этот миф, во всех деталях, сразу как-то восстанавливается, его не надо рассказывать, в деталях излагать.

Вот точно так же за каждым из имен великих людей, скажем, Юлий Цезарь, или Платон, или Шекспир (к которому я сейчас перейду — я хочу доказать практическую значимость изучения Шекспира применительно к нашим самым острым и серьезным задачам). Достаточно одного имени, чтобы мы могли оперировать определенной суммой представлений, знаний, но таких людей не может быть бесконечное количество. Очевидно, сколько сейчас их выделяется, столько выделялось и в прошлом. Это были просто другие персоналии. И в будущем произойдет то же самое. Поэтому сама по себе эта категория достаточно подвижна.

Применительно к теории гения — что тут можно сказать? Почему возникла, когда возникла теория гения? В сущности, это произошло во многом благодаря Шекспиру. И даже не собственно Шекспиру, а шекспировскому вопросу. Когда возникло сомнение в том, что Шекспир

написал свои произведения, тогда и потребовалось обосновать, почему он мог их написать. Шекспировский вопрос был поставлен в конце XVIII века, когда он и должен был возникнуть: когда утвердилась слава Шекспира, когда сложился культ Шекспира, тогда и возникло сомнение. Пока жил Шекспир, такого сомнения не было, его и гением не считали. Прошло время, его стали считать величайшим гением, тогда и возник этот вопрос.

Уже прошло столетие и даже больше, и в начале XX века бельгийский ученый Дамблон так сформулировал саму идею поиска другого автора на место Шекспира. Замечательно он сказал, исключительно коротко, очень выразительно, очень образно, и сразу все становится понятно. Он сказал: «Роза не растет на чертополохе, не может борзая родиться в семействе помпсов». Вот концепция, причем к тому времени существовавшая уже более столетия.

Когда возникает теория гения, разрабатывается теория гения? Когда на этот вызов нужно было ответить. Это произошло у романтиков. А романтикам идеально подходил именно Шекспир. Вот такой человек незнатного рода, непрестижной профессии. Да, он был дворянином, но он сам заслужил низшее дворянское звание — джентльмен. Это произошло в 1599 г., в год открытия театра «Глобус» и незадолго до создания «Гамлета». Город, в котором он родился и жил в молодости, а потом в последние годы — Стрэтфорд-на-Эйвоне. Там было всего 1000 жителей. У нас в Москве в одном доме больше жителей, чем весь Стрэтфорд того времени. Школу не закончил. Это начальная школа — грамматическая. Где же он получил такое образование, чтобы написать свои пьесы?

Для романтиков это как раз не помеха. Гений нарушает все правила. Он может родиться где угодно, он может не иметь образования, никакого. И это не будет преградой. Один из претендентов на роль Шекспира — величайший его современник, человек в высшей степени

образованный, занимавший высший пост в правительстве Елизаветы, Френсис Бэкон. Да, Френсис Бэкон — умнейший человек эпохи, образованнейший человек эпохи, и, конечно, у него есть такие качества, которые позволяют ему претендовать на лавры Шекспира. Но когда сопоставили словарь языка Шекспира и словарь языка Бэкона — это очень интересно — у Бэкона, сверхобразованного человека с двумя университетскими образованиями, всю жизнь занимавшегося философией — 8 тыс. слов в словаре (на самом деле этого вполне достаточно для того, чтобы самые умные вещи сказать). А словарь языка Шекспира 25 тыс. слов! И более крупного словаря у английских писателей нет. Да и словарь Пушкина — 16 тыс. слов. То есть меньше. 25 тыс. слов! Это, значит, просто по-другому голова устроена, а не потому, что он получал образование, читал такие-то книжки или другие книжки.

Эта идея каких-то интеллектуальных особенностей, которые можно измерить, — более поздняя идея. А первоначально романтики саму идею, саму теорию гения выстраивают по принципу глубоко романтическому, без всяких исследований. Просто: есть такие люди, которые настолько отличаются от других, что им ничто не указ, ничто не закон. Шекспир становится первой такой звездой первой величины в этом перечне. Когда ранние романтики формулируют свою теорию гения, когда Луи де Бональд пишет «Опыт о гении» и когда Сэмюел Тейлор Колридж читает лекции о Шекспире, там эта идея действительно звучит.

А где сейчас теория гения? Ее нет. Эта тема ушла. Когда-то она волновала, когда-то она была необходима. Зато мы сейчас имеем не теорию гения, не какую-либо фундаментальную разработку этой проблемы, а массу различных очень интересных фактов. Самых необычных, в самых разных областях возникающих. Например. Выяснено, что человек использует возможности своего мозга только на

5%, а гений примерно на 6%. То есть достаточно только на 1% у каждого произвести такую подвижку, то есть увеличить возможности мозга каждого конкретного человека на 1% — все станут гениями. Что было бы интересно, перспективно и технологично. Как увеличить эту возможность — это как раз очень нетрудно разработать.

И. М. Ильинский

О чем я вам все время говорю, уже лет восемь: «Давайте займемся проблемой развития творческих способностей. Хотя 5-10 человек отсюда выпустим таких, которые потом перевернут что-то». У Евтушенко есть: «Гений – это норма, все остальное – ненормальность».

Вл. А. Луков

Можно и так сказать, но главное, что когда все будут гениями, то среди них опять выделятся те 500 супергениев, которых мы можем удержать в своей голове, оперировать ими. Супергений как суперобщество у Зиновьева, сверхобщество, так и сверхгении были бы в рамках этого развития человечества.

Сейчас очень большое внимание уделяется, так называемым, детям индиго. Осенью этого года будет проходить очередная конференция с демонстрацией детей-индиго. Это дети, которые уже без нашего влияния давно куда-то дальше продвинулись. Какие-то странные дети, слишком талантливые по обычным меркам, этих детей-индиго воспринимают как каких-то инопланетян. А они, между прочим, живут в различных семьях, учатся в школах с обычными детьми. Очень интересные сами по себе вещи, которые стали предметом изучения психологов. Это не предмет создания теории гения, а вместе с тем дает для такой теории определенный материал.

Американцы изучают. У них много денег, очевидно, поэтому изучают все, что в голову ни придет. Иногда получается очень интересно. Они взяли биографии вот этих пятисот гениев всех времен и народов. Примерно пятисот и примерно всех времен и народов, в американском перечне этих гениев, наверное, я так думаю, потому что не видел их перечня. Задались таким вопросом: зависит ли рождение гения от возраста родителей. Обнаружили очень любопытные две закономерности.

Закономерность первая. От возраста матери никак не зависит. Это первый вывод. То есть они выстраивали график по этому признаку — получилась прямая линия. Никак не зависит. Матери может быть 20 лет или 56 лет, как Марии Склодовской-Кюри, когда она родила Ирен Кюри, будущего лауреата Нобелевской премии. Никак не зависит, никакой закономерности не выявлено.

А от возраста отца, оказывается, самым решительным образом зависит. На графике получилась такая кривая, и в ней есть определенный пик. Этот пик — 38 лет отцу. Бывают, конечно, исключения. Отцу Наполеона было 20 лет, когда он родился. То есть бывают разные случаи. Может быть, это не так глупо, что американцы тратят деньги на такого рода исследования. Они решают ту задачу, о которой мы говорили. Они стараются найти технологию воспроизводства в достаточных количествах людей, у которых как минимум от природы есть какая-то гарантия, большая возможность. Если ребенок рождается, когда отцу 20 лет, он не обязательно будет ненормальным, он, может быть, будет талантливый, даже гением. Но вероятность рождения гения невелика, отец лучше бы позаботился о ребенке, если бы создавал его позже.

Иначе говоря, есть своя биологическая сторона этого процесса. И она технологична, она изучается и, думаю, что и дальше будет

изучаться. Но снова повторяю, что гениев больше 500 не будет. Это особенность тезауруса.

И. М. Ильинский

Надо сказать, наверное так: тех, кого будут называть гением. Их может быть 10 тыс., а номинировать будут пятьсот...

Вл. А. Луков

Вы точно угадали мою мысль. Если давать определение гению, то гений это тот, кто признан гением. И только. Это не характеристика его способностей. Но зато это характеристика вклада. Если мы признаем кого-то гением, то мы признаем его вклад в жизнь общества.

И. М. Ильинский

Но это должно быть доказательно. Нельзя назвать: вот он гений. Люди должны это осознать, понять, принять.

Вл. А. Луков

В этой связи, развивая эту общую мысль, все-таки не хотел бы избежать нашего сегодняшнего главного вопроса, а помимо прочего, следует сообщить о том, что у нас в институте в этом отношении делается.

В Институте гуманитарных исследований сейчас большой проект, масштабный, с участием достаточно большого количества людей, научный проект, который называется «Россия и Европа: диалог культур во взаимоотражении литератур». Это филологический проект, так как основной материал — взаимоотражение литератур. Но вместе с тем он философский, культурологический и даже социологический. То есть это достаточно комплексный проект.

Сейчас он нам более или менее ясен в своих деталях, разработана сама структура раскрытия этой темы, которая очень ответственна. Она связана с образом России. Есть общегосударственный проект «Образ России в современном мире», и это его некая часть.

Один из важных разделов проекта заключается в осмыслении в нашей культуре зарубежных писателей. Там есть такие разделы: «Русский Шекспир», «Русский Мольер» и т. д. Англичане меньше знают о Шекспире, чем русские. Им труднее читать старый язык, а русские читают в хорошем переводе. Поэтому в России Шекспира, может быть, больше любят, чем даже в англоязычных странах. Иначе говоря, есть группа зарубежных писателей, которые были освоены нашей культурой.

Но есть группа русских писателей, которые освоены миром, которые освоены Европой. В этом перечне, где есть, конечно, и Пушкин. В западной ментальности Пушкин не занимает такого места, как в нашем сознании. Он занимает довольно скромное место (за исключением некоторых, в основном славянских, стран). Но зато для нас — а сегодня день рождения Пушкина — это всё, как в свое время сказал Аполлон Григорьев в своей статье.

Это примерно 20 имен великих русских писателей, которых мы там называем: «европейский Пушкин», «европейский Толстой», «европейский Достоевский». Завершает наш список (в рамках проекта) «европейский Зиновьев». И так оно, очевидно, и есть: в сознании Европы это фигура, которая требует специального исследования. Я уверен, что с помощью Центра Зиновьева мы необходимый материал для обобщения соберем. Это очень интересная сама по себе тема: не только как мы воспринимаем А. А. Зиновьева, но нам очень важно понять, как его как писателя, как художника воспринимают на Западе. Я представляю себе, что это часть той работы, которая должна быть сделана для того, чтобы действительно увековечить память Александра Александровича, для того, чтобы выявить тему, которая сегодня здесь

заявлена, выявить этот образ гения. А дальше предстоит грандиозная задача на базе конкретных исследований — биологических, культурологических, социологических, филологических, психологических, биоэтических, на основе разработанных технологий и т. д. — возродить общую теорию гения. Ведь переходный период еще не кончился, а, как говорилось выше, теория гения интересует человечество именно в такие периоды, потому что гениальность в них особенно востребована. Гений как бренд порожден развитием культуры повседневности, но она уже перерастает в культуру Происходящего, если воспользоваться термином И. М. Ильинского. Это более высокий, более комплексный взгляд на человека и мир, некая новая картина мира в эпоху становления информационной цивилизации. Теория гения благодаря своему предмету позволяет выйти за рамки Происходящего, точнее, соединить его с Прошлым и Будущим под знаком Вечности и Бессмертия.

Спасибо за внимание.

И. М. Ильинский

Спасибо.

Кто еще? Макаров Константин Анатольевич — кандидат технических наук, доцент МГТУ им. Н. Э. Баумана.

К. А. Макаров

Я здесь человек чужой, совершенно посторонний и по социальному статусу, будем честно говорить, и по роду деятельности. Самый обычный, рядовой кандидат технических наук. Может не совсем обычный, я просто нетипичный технарь. Я из института им. Баумана. Для инженеров я математик, для математиков я инженер.

Мне посчастливилось быть учеником Александра, Александровича, посещать его лекции. Здесь говорилось о многогранности его таланта, действительно гения. Я готов почти подо всем подписаться. Хотелось бы только обратить внимание еще на одну сторону. Выделили три стороны – это вклад в область моральной этики, его вклад в художественно-эстетической области и немного коснулись социологии. Не знаю, отнести это к естественным наукам или гуманитарным.

Я бы хотел побольше остановиться на естественных науках. Логика, как наука, по моему пониманию, началась действительно с Зиновьева. Чтобы придти к этому убеждению, мне пришлось пять лет учиться. Только тогда я смог оценить, что же он сделал. Я думаю, что вы все знакомы, это дело представляете.

Кроме того, помимо необходимости сохранения наследия в перечисленных выше областях, хотелось бы обратить внимание на естественно-научную сторону. Поскольку у той же физики состояние такое, что материала экспериментального избыток, математического аппарата разработан избыток, вопрос в том, чтобы все это увязать, объяснить. Основы он здесь заложил. Дальше уже у меня вряд ли хватит грамотности и подготовки, чтобы это дело двигать, но про эту область тоже не забыть бы, чтобы это не пропало.

К вопросу о гениях. Было сказано вскользь. Как говорил сам Александр Александрович: гений – это категория еще и социальная. То есть социально не проявившийся гений – это нонсенс. Гений как-то проявляется. Вопрос – как? Кого-то назначают гением, кто-то проявляется вопреки. Александр Александрович, мне кажется, относится к тем вторым – вопреки, вопреки всему. Вопреки всем социальным законам, которые он прекрасно понимал, вопреки всей судьбе и ходу истории даже.

Дальнейший вопрос о гениях, о гениальности в связи с этим уже перешел в область морально-этическую. Есть несколько постулатов, стереотипов, как мне кажется, что гений нужен стране. Как он нужен стране, страна уже очень хорошо показала. Мне, честно говоря, то, что я принадлежу к этому народу, часть вины лежит на мне тоже.

Для чего я все это говорю? Низкий поклон всем, кто для него что-то смог сделать. По моим возможностям, я считаю, что я сделал очень скромно, очень мало, но старался. Не важно из каких побуждений, и из каких побуждений что-то будет делаться дальше, но хотелось бы, чтобы при этом немного вспомнили о моральной стороне этого дела. То есть это делает нашу жизнь богаче. Присутствие гения обогащает нашу жизнь, действительно делает ее интересной.

Когда говорят: интересы страны, гении нужны и т.д. – кому это нужно опять же? Нужно всегда кому-то конкретно. Я честно признаюсь – это мои шкурные интересы. Мне приятно, мне нужен круг общения, достаточно высокая интеллектуальная пища, ради этого я и поднял голос, и что-то пытаюсь делать, что-то студентам своим рассказываю и т.д. Что я имею в виду, вспомнив о моральной стороне дела? Вспомнить, что не все в этом заинтересованы, вспомнить, что за нарушение социальных законов следует наказание.

Я это сказал для того, чтобы в связи с моей глубокой благодарностью собравшимся здесь людям, чтобы немножко вызвать чувство сожаления, стыда, который я тоже испытываю, как представитель этого народа, этой страны, потому что в деле, которое делал Александр Александрович, это чувство стыда может являться одним из главных двигателей и движения именно в том направлении, которое его достойно.

Спасибо.

И. М. Ильинский

Спасибо.

О. М. Зиновьева

Дорогие друзья, слова благодарности, очевидно, недостаточно емки, чтобы описать всю бурю чувств, в плену которых я нахожусь в последнее время.

Все, что было сказано, абсолютно верно. В той или иной форме мы остаемся должными Александру Александровичу: нам здорово посчастливилось – жить и работать вместе с ним. Я благодарна нашему Университету, который раньше всех среагировал на то, что есть такой удивительный, уникальный мыслитель.

Игорь Михайлович, я благодарна Вам персонально. Надо обладать определенной властью и готовностью ею воспользоваться, необходимо просто человеческое мужество и безоглядная решительность, чтобы пригласить такого «неудобного», такого бескомпромиссного, такого независимого современника как Александр Александрович на работу. Человеческое уважение и научная корректность, свойственные Вам, Игорь Михайлович, помогли оценить на адекватном уровне качества этого невероятно смелого и дерзновенного ученого-новатора, олицетворявшего собой эпоху Зиновьева.

Я очень коротко хочу коснуться проблемы тех двух книг, которые были опубликованы у нас в Университете. Александр Александрович хотел, чтобы они были опубликованы именно здесь. Малый тираж подтверждает еще раз, что мал золотник, но дорог. Те самые 300 выпускников Школы Зиновьева – это и есть тираж «Логической социологии» и «Логического интеллекта». Но кроме этих, уже состоявшихся выпускников, появятся сотни других и не только в стенах нашего Университета, но далеко за его пределами, так что идея переиздания этих книг диктуется практической жизнью.

Есть еще «Логическая физика», есть еще десятки произведений Александра Александровича, которые нам предстоит прочитать, прочитать заново, потому что когда их читаешь сейчас, появляется такая глубина и ощущение, что до тебя доходит уже другая волна с другим содержанием, новое, расшифрованное послание Александра Зиновьева.

Я хочу сказать, что все те, кто смог принять участие, с позитивным или с негативным содержанием, в судьбе моего мужа, хотел он того или нет, он все равно приобщился к планете, к гигантской системе по имени Зиновьев. Я хочу поблагодарить врагов, к этой теме я возвращаюсь постоянно: не имей он врагов, не имей он враждебной обстановки, живи он в исключительно благоприятных лабораторных условиях, где была бы константа температуры режима, человеческое участие, сердечность, я не знаю, стал ли бы Зиновьев Зиновьевым. У него была чрезвычайно сложная, богатая невероятными переживаниями жизнь, половину из которой я прошла с ним. То, что нас не убивает, делает нас сильнее. Так состоялся феномен Александра Зиновьева.

Я заранее благодарна всем тем, кто выскажет свои соображения на бумаге, как вы себе представляете результативную работу Исследовательского центра имени А. А. Зиновьева, честь возглавить который предложил мне Игорь Михайлович. Со своей стороны могу только сказать: нет такой темы, нет той проблемы, которую нельзя было бы разрабатывать, имея в виду то необъятное интеллектуальное наследие, которое нам оставил Александр Александрович.

Мне очень страшно говорить о наследии, потому что он для меня живой.

Это все. Спасибо вам.

И. М. Ильинский

В действительности он перешел в другое измерение, но весь он не умер. Это уже ясно сегодня. И не умрет весь. И творчеством своим, и идеями, и книгами, я уверен, он переживет долгие-долгие годы, не будем гадать какие. Мы, насколько в состоянии, будем способствовать этому.

Я с некоторых пор заметил за собой особенность, достаточно давно уже, что я никак не могу представить себе моих друзей, товарищей мертвыми. Я их хороню и это ничего, в сущности, почти не значит. Поскольку, к сожалению, слишком замотан, встречаешься редко, а в основном в сознании, в лучшем случае по телефону. А запретить мне разговаривать с Зиновьевым и сейчас никто не может. Образ его в душе. Книги на столе. Вы рядом. Физически, конечно, его нет, но Зиновьев рядом.

Будем помнить делами. Не только словами. Конечно, и словами, но и делами.

У меня есть два вопроса чисто организационных.

Первый вопрос. У нас образовалась вакансия заместителя президента нашего клуба в связи с избранием меня Президентом. У меня есть предложение избрать вице-президентом Лукова Валерия Андреевича. Он занимался все эти годы Клубом и сейчас занимается. Готовил и это заседание. Если вы не возражаете, то давайте проголосуем. Кто за это предложение, прошу поднять руки. Против? Воздержавшиеся? Нет.

Избирается единогласно. Поздравляю.

Вал. А. Луков

Спасибо.

И. М. Ильинский

Второе. Нам надо подумать над обновлением, над расширением состава Клуба, потому что у нас есть несколько человек, которые у нас «многочлены» – состоят в разных клубах. Поэтому здесь игровой момент присутствует: придем – не придем, позвонил ты ему – не позвонил. Я вот лично в таком замоте нахожусь, что даже и не извиняюсь, что сам не звоню, не спрашиваю о здоровье, придешь ли ты сегодня на заседание. Не успеваю просто физически.

Поэтому подумайте, пожалуйста, над достойными людьми, мысли которых и интеллектуальный уровень развития которых позволял бы им войти в состав нашего Клуба. Речь не идет о количестве. Я никогда не задавался количеством, но просто, чтобы это были люди по менталитету, по миропониманию и уровню развития, извините меня за это, конечно, соответствующие требованию интеллектуального клуба.

Нас сегодня немного, мы просидели с вами три с половиной часа. Мне кажется, что это была мозговая атака на заданную тему, и она удалась. Собирались поговорить просто памяти Зиновьева. А я позавчера сидел и придумал, что назовем вот так – «Зиновьев: судьба и образ гения». Это была импровизация на заданную тему. Это значит, что мозги у нас работают.

У меня есть еще одно замечание. Я думаю, что нам надо немножко изменить, лучше сказать расширить, проблематику обсуждаемых нами проблем. Мы все время увлекались политическими проблемами: коммунизм, либерализм, будущее России, идеология. Сегодня мы говорили на тему гения. Есть и другие, интересные, важные проблемы.

Поэтому я предлагаю вам какие-то соображения по этому поводу высказать. Так, чтобы мы знали на год примерно темы 4-5 своих заседаний, которые мы будем проводить. Я думаю, что чаще не надо собираться. Мы просто выдохнемся и будем не в состоянии рефлексировать.

Спасибо всем за очень хорошее, деятельное участие в работе Клуба. До новых встреч.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение

II. Одиннадцатое заседание. Тема: «Перспективы мирового коммунизма»

1. Зиновьев А. А.
2. Ильинский И. М.
3. Михайлов И. А.
4. Болдырев Ю. Ю.
5. Журавлев Ю. И.
6. Серебрянников В. В.
7. Фурсов А. И.
8. Шершнев Л. И.
9. Гусейнов А. А.
10. Долженко О. В.
11. Ковалев А. М.
12. Кожемяко В. С.
13. Межуев В. М.
14. Митрошенков О. А.
15. Портяков В. Я.
16. Славин Б. Ф.
17. Солодухин Ю. Н.
18. Шендрик А. И.
19. Улас В. Д.

III. Двенадцатое заседание. Тема: «Перспективы мирового либерализма»

1. Зиновьев А. А.
2. Ильинский И. М.
3. Михайлов И. А.
4. Болдырев Ю. Ю.
5. Журавлев Ю. И.
6. Катульский Е. Д.
7. Луков В. А.
8. Луков В. А.
9. Межуев В. М.
10. Серебрянников В. В.
11. Шершнева Л. И.
12. Гайдар Е. Т.
13. Булаков О. Н.
14. Гусейнов А. А.
15. Долженко О. В.
16. Ледаев В. Г.
17. Митрошенков О. А.
18. Новицкий И. Ю.
19. Сивков К. В.
20. Чиркин В. Е.
21. Шабров О. Ф.
22. Шендрик А. И.

IV. Тринадцатое заседание. Тема: «Александр Зиновьев: судьба и образ гения».....

1. Ильинский И. М.
2. Михайлов И. А.
3. Алешкин П. Ф.
4. Болдырев Ю. Ю.
5. Журавлев Ю. И.

6. Катульский Е. Д.
7. Луков В. А.
8. Луков В. А.
9. Серебрянников В. В.
10. Фурсов А. И.
11. Шершнев Л. И.
12. Зиновьева О. М.
13. Большаков В. В.
14. Гусейнов А. А.
15. Макаров К. А.
16. Назаров О. Г.

Научное издание

РУССКИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КЛУБ

Стенограммы заседаний и другие материалы

Книга пятая

Под научной редакцией

доктора философских наук, профессора

И. М. Ильинского

Перспективы мирового коммунизма

Перспективы мирового либерализма

Александр Зиновьев: судьба и образ гения